

ФОНД ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И. ГУЛИА

Отдел политологии и конфликтологии

А.В. ФАДЕЕВ
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В двух томах
Том II

Сухум, 2022

УДК 94(5)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Ф 15

Утверждено Ученым советом
Абхазского института гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа АНА

Составление, примечания, библиографический указатель:
доктор филологических наук, академик АНА Чирикба В.А.,
Дбар А.Я.

Фадеев А.В.

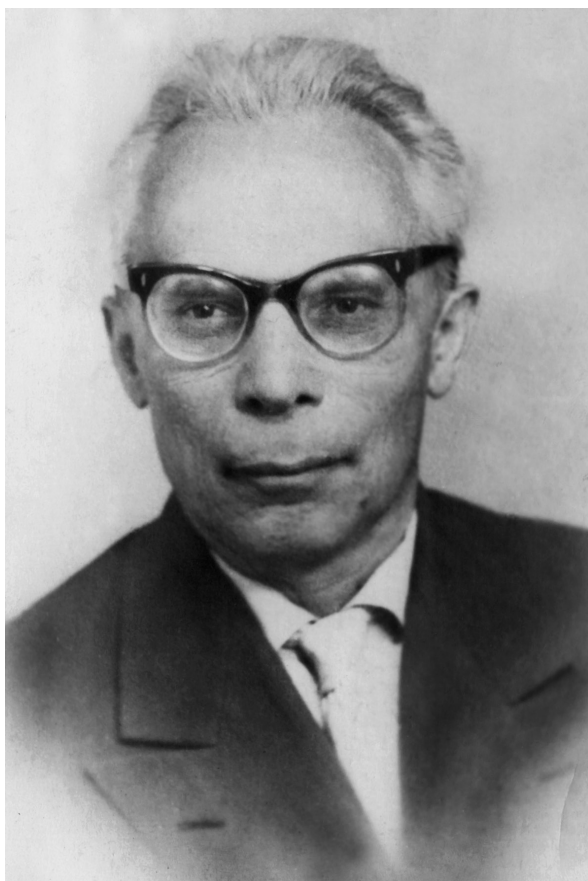
Избранные труды. В двух томах. Том II. Сухум, 2022. 320 с.

Г/р 978-5-111-84-12018

В двухтомный сборник избранных работ известного советского историка Анатолия Всеволодовича Фадеева (1908–1965), работавшего в 1930-е годы в Абхазии, вошел ряд его книг и статей, посвященных истории Абхазии и Восточного Причерноморья. Все эти работы были опубликованы в те же годы и с тех пор не переиздавались.

Издание рассчитано на историков, краеведов и широкий круг читателей.

© В.А. Чирикба, А.Я. Дбар (составление)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ

Только советизация Абхазии, происшедшая в 1921 г., открывшая широкий простор для развития национальной по форме, социалистической по содержанию, культуры, создала необходимые условия для изучения истории материальной культуры аборигенов Абхазии.

До советизации на территории Абхазии не существовало ни одного научного учреждения, и все археологические изыскания были, в значительной степени, продуктом случайной деятельности отдельных лиц, большей частью дилетантов в этой области.

Центральные научные учреждения быв. Российской империи не провели в Абхазии ни одной сколько-нибудь организованной экспедиции, что было и понятно, поскольку Абхазия была колониальным захолустьем царской России, к тому же и с «виновным населением», действительное прошлое которого мало интересовало официальных и полуофициальных историков великодержавно-монархического толка.

Только после советизации, когда в Абхазии было основано краеведческое «Абхазское научное общество», археологическое исследование Абхазии приняло более или менее планомерный и организованный характер. Именно к тому времени (с 1924 г.) и относятся первые ценные находки предметов древнейшей материальной культуры аборигенов Абхазии.

В период 1926–1929 гг. на территории Абхазии было найдено много памятников, относимых к так называемой кобанской культуре.

Но «вещеведческий» подход делал невозможным анализ их подлинной исторической значимости, не раскрывал реальные социально-экономические отношения людей, скрытые за вещной оболочкой. Единствен-

ным «выходом» из тупика была псевдонаучная «миграционная теория», к которой и апеллировали авторы старых археологических исследований.

С 1931 года, когда вместо «Абхазского научного общества», в котором находили себе приют и чуждые элементы, был организован Абхазский научно-исследовательский институт краеведения, археологические исследования тормозились отсутствием квалифицированных работников, и только с 1933 года в этой области наметились известные сдвиги. Решающий толчок работа по исследованию памятников материальной культуры в Абхазии получила в результате посещения г. Сухума академиком И.И. Мещаниновым в сентябре 1933 г., который, проведя совместно с научными сотрудниками АбНИИКа рекогносцировочные обследования и сделав обзоры имеющихся в Абхазском музее коллекций, наметил вехи для дальнейших исследований.

Переходя к теме нашего сообщения, остановимся, прежде всего, на вопросе местонахождения тех обнаруженных в Абхазии памятников, которые принято относить к «кобанской культуре».

Древнейшие предметы, напоминающие кобанскую бронзу, найдены в Абхазии при раскрытии дольменных погребений в урочище Кюр-Дара (селение Эшеры, Сухумского района) и при раскопках в этой местности.

Несмотря на то, что с легкой руки гр. Уваровой и др. дореволюционных исследователей Кавказа, было принято считать, что в Абхазии дольменных погребений быть не может, в настоящее время является реальным фактом существование трех дольменных групп на территории Абхазии: в упомянутом урочище Кюр-Дара (сел. Эшеры), в сел. Отхара (Гудаутского района) и в сел. Азанта (Сухумского района). Все эти местности находятся в полосе холмов и предгорий на высоте от 100 до 400 метров над уровнем моря. Эта полоса была наиболее удобной для расселения и хозяйственной деятельности древнейших обитателей: здесь не было ядовитых испарений береговых болот и чудовищной влажности, свойственной морскому побережью Абхазии, а с другой стороны – рельеф местности имел более мягкий характер, отличаясь этим в лучшую сторону от высокогорных районов.

Кстати, необходимо отметить, что вообще все археологические находки в Абхазии падают на эту предгорную полосу и районы горных долин, свидетельствуя, очевидно, о том, что хозяйственное освоение са-

мого побережья Черного моря не соответствовало техническим возможностям древнейших аборигенов в Абхазии.

Дольменные группы в сел. Отхара и сел. Азанты еще не обследованы с достаточной полнотой, но эшерские дольмены были раскрыты в 1929–1930 гг. и дали богатый материал.

В урочище Кюр-Дара (сел. Эшеры) были обнаружены четыре дольмена. Все они в той или иной мере были засыпаны наносной землей, но при откопке оказалось, что они сложены из массивных четырехугольных, почти квадратных каменных плит, высотой до 2 метров. Лучшее сохранился дольмен № 4, в котором было найдено 4 скелета в сидячем положении (спинным хребтом прислоненные к стенам), несколько глиняных сосудов (высотой 13–15 сантиметров, диаметром 12–14 см), видимо, содержащих пищу и воду, разнообразные предметы из бронзы. Последние были обнаружены и в других дольменах.

Наиболее характерными с точки зрения сравнения с «кобанской культурой» из вещей, найденных в эшерских дольменах, являются бронзовые бусы, булавки и разные пуговицы – бляхи, почти в точности воспроизводящие экземпляры кобанских раскопок, приведенные гр. Уваровой в таблице XXXIV (Материалы по археологии Кавказа, т. VIII).

Близко к типичным кобанским образцам стоят и найденные в тех же дольменах бронзовые наконечники стрел и копий, бронзовое навершье и серьги. Однако, судя по обнаруженным таким же топорам вислообушной формы, напоминающим образцы т.н. фатьяновской культуры, эшерские дольменные погребения древнее могильников подлинной Кобани, хотя генетическая связь эшерских образцов с предметами более соответствующими кобанским, найденным в других местах Абхазии (и прежде всего в самом с. Эшеры, но вне дольменов) – эта генетическая связь прослеживается со всей очевидностью.

Характерными являются, найденные в эшерских дольменах, бронзовые застежки с изображениями животных и птиц, также напоминающие кобанский стиль.

В дольмене № 1 эти застежки имеют изображение птицы, в дольмене № 3 – головы барана. Найденное же в дольмене № 4 бронзовое навершье имеет в орнаменте змей.

На территории того же села Эшеры, в поселке Ажара, было обнаружено также погребение иного типа, а именно – в глиняных конусообразных урнах. Там вместе с беспорядочно нагроможденными остатками костей и глиняных черепков были найдены разнообразные бронзовые предметы, почти в точности воспроизводящие кобанские образцы. Особенно характерны: массивный бронзовый наручник, тяжелые бронзовые ножные браслеты, бронзовые кинжалы, наконечники копий, фрагменты из листовой бронзы с пряжкой, изображающей голову животного, сердоликовые бусы.

В той же местности был найден изящно выделанный бронзовый топорик, вылитый вместе с рукояткой, не носящий следов употребления и не имеющий орнамента. Он имеет рукоятку (топорище) длиной 29 сантиметров, закругленное и обточенное лезвие шириной 5,5 см и заостренную тыльную часть шириной 3 см. По форме своей этот топор очень близок к кобанскому экземпляру, приведенному гр. Уваровой на таблице IV под № 4.

Важное значение имеет найденный там же слиток бронзы весом свыше килограмма, своего рода полуфабрикат, который, по всей вероятности употреблялся в качестве товара в межобщинном и межплеменном обмене.

Дело в том, что для аборигенов, населявших Абхазию, бронза, очевидно, была импортным товаром. Если на территории Абхазии и есть месторождения меди, хотя и без каких-либо следов разработки, то признаков наличия олова в Абхазии не имеется. Ближайшие к Абхазии месторождения олова обнаружены недавно в бассейне р. Дзирула (Запад. Грузия) и в бассейне р. Лабы (Сев. Кавказ).

Но вряд ли эти месторождения олова имели решающее значение. Бронза-сырье, наверное, импортировалось в конечном счете из более далеких районов, преимущественно из т. наз. Передней Азии. Не случайным ведь является то, что термин обозначающий «олово», был одним и тем же – одинаковым у абхазов (*kalei*), у грузин (*kalo*), у лазов (*kala*), у турок (*kalai*).

Во всяком случае, не предрешая вопрос об источниках добычи олова, надо отметить, что среди древних аборигенов Западного Кавказа широко была распространена торговля оловом. Еще более близкой к «подлин-

ной» Кобани является коллекция бронзовых предметов из раскопок могильника в поселке Аагста Мугудзырхвинского сельсовета (Гудаутский район), которые производил в течение нескольких лет (1926) местный археолог-любитель А.Л. Лукин. Среди этой коллекции выделяются топоры типичной кобанской формы, имеющие в орнаменте характерные для Кобани косые кресты, затем ножные браслеты, бронзовые и сердоликовые бусы и, наконец, многочисленные украшения с изображениями животных – собак, птиц, баранов.

Полное сходство с предметами из Аагстинского могильника имеют бронзовые орудия и украшения из раскопок В.И. Стражева в сел. Приморское (Гудаутского района), где были обнаружены кинжал, вылитый вместе с рукояткой, большая дугообразная фибула с елочным орнаментом, массивный шейный обруч с изображением рыбы и топорик, лезвие которого, длиной 15,5 см и шириной 5 см, с обеих сторон украшено изображением коня, однако настолько фантастического оттенка, что он может быть сравним с теми «леопардами», которых хочет видеть гр. Уварова в рисунках на кобанских топорах (см. «Мат. по археол. Кавказа», т. VIII, таблица V, № 1 и 2).

Типичные кобанские топоры, но больших размеров, чем подлинные кобанские экземпляры, найдены в сел. Лабры (Кодорский район). Эти массивные топоры, имеющие лезвия 20х8 сантиметров, лишены всякого орнамента и сильно зазубрены по краям, что говорит об их хозяйственном употреблении.

Вот краткая характеристика кобанских предметов, обнаруженных на территории Абхазии за последние годы в порядке случайных и полуслучайных находок. Нет сомнения в том, что специальные исследования и научно организованные экспедиции дадут более ценные результаты в этом направлении.

О чем говорит открытие Кобани в Абхазии?

Прежде всего, находки разнообразных бронзовых предметов в Абхазии еще раз опровергают ложный тезис гр. Уваровой, которая утверждала, что «топоры, извлеченные из могильника Кобани, представляют весьма характерный тип, единственный в своем роде, не встречаемый в других местностях Кавказа» (см. «Мат. по арх. Кавказа, т. VIII, стр. 14).

Кстати, необходимо заметить, что некоторые образцы кобанской формы обнаружены не только в «других местностях Кавказа», но и в Средневожском крае, и на Украине (Полтава, Киев). И даже на острове Суматра до сих пор женщины носят очкообразные привески, точь-в-точь такие, какие были обнаружены в Кобанском могильнике и в Абхазии (сел. Приморское).

В связи с этим, разумеется, еще раз опровергается псевдонаучный тезис о происхождении кобанской культуры из одного центра, равно как и гипотезы механического заимствования этих культурных форм у «высокоразвитых» народов древности.

В отношении генезиса кобанской культуры мы имеем различные точки зрения у старых буржуазных археологов, по-разному датирующих кобанские памятники.

А.С. Уваров, датируя кобанскую культуру эпохой IX века до н. эры, отмечал, «что к местному стилю кобанских изделий примешивается до известной степени видимое чужое влияние» (Труды археол. Съездов. Тифлис, 1881. С. 8). Под «чужим влиянием» Уваров понимал влияние ассирийской культуры. Ю.В. Готье источники кобанской культуры искал в агрессии Ванского царства, которое «продвинуло культуру на север до кавказской горной цепи», откуда «через долину Куры и горные проходы Кавказских гор ванское влияние перешло и в долины современной Осетии» (Ю.В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Ленинград, 1935. С. 107–108).

Шантр датировал кобанскую культуру XV в. до н. эры, усматривая в ней двойственное влияние: халдейско-ассирийское и хеттское (Chantre. Reherches Anthropologique dans le Caucase, и его доклад в сборнике «Congres International d'Archeologique et d'Anthrologique prehistorique a Moscou, t. II, Moscou, 1893, p. 81).

Примерно таких же взглядов придерживались Вирхов (Virchow. Das Araberfeld von koban. 1883.) и В.Ф. Миллер (Мат. по арх. Кавказа, вып. I) и др.

Во всех этих высказываниях, внешне различных, красной нитью проводится мысль о том, что кобанские памятники являются лишь отражением каких-либо «высоких культур», так же как история аборигенов Кавказа есть отражение и результат влияния «большой истории».

Об этом прямо говорит В.Ф. Миллер, указывающий, что «Кавказ всегда был труднодоступным захолустьем, лежавшим вдали от культурных центров», и что его местные изделия могли быть только воспроизведением древнейших привозных образцов, (см. «Мат. по арх. Кавказа», вып. 1. стр. 17).

Точно так же с еще большей циничной откровенностью великодержавно настроенного буржуазного ученого оценивают кобанские памятники гр. Толстой и Кондаков, видя в них только копирование «элегантных форм римской бронзы», причем попытки копировать классические образцы имеют, по их имению «грубо варварский характер» (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Т. III. С. 108).

Анализируя все эти мнения, В.И. Стражев делает предположение, что «кобанская бронзовая культура» могла идти и из хеттского мира (см. его статью в «Известиях АБНО», вып. IV, стр. 121). Но это предположение, не будучи по существу ни на чем основано, принципиально не отличается от оценки Готье, Уварова и др.

Мы считаем все эти высказывания псевдонаучными потому, что они основаны на формальном подходе к памятникам материальной культуры. Мы отмечаем целиком буржуазную теорию заимствования культурных форм. Мы абсолютно отрицаем, что сходство формальных признаков всегда и везде имеет единственной причиной заимствование и перенесение, ровно как мы отбрасываем тезис о происхождении той или иной культуры из одного праисточника.

Мы исходим из гениального замечания Маркса и Энгельса о том, что «в первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно наново и в каждой местности независимым образом» (Архив М. и Э., том I, стр. 236.)

Одинаковый экономический базис, однородные производственные отношения, один и тот же способ производства – вот, что лежит на основе общности социальных и культурных форм, вот чем обуславливается сходство не только материальной, но и духовной культуры.

Исходя из этой установки, мы и подходим к анализу вопроса о генезисе кобанской культуры в Абхазии.

И на территории Абхазии, и в пределах современной Осетии в те далекие времена экономическая структура общества была однородной, порождая однородные социальные отношения, одни и те же трудовые навыки. Специфика этой культуры прослеживается со всей очевидностью по самым памятникам кобанской бронзы.

Прежде всего, последние обнаружены в Абхазии не на берегу моря, а в нагорной полосе, по своим естественным данным не имеющей резких отличий от нагорной Осетии.

Отсутствие у этих памятников характерных земледельческих орнаментов, и наоборот, обилие изображений домашних животных (собака, баран, бык, птицы), свидетельствуют о том, что доминирующей отраслью производства у носителей этой культуры было скотоводство. Последнее подтверждается, как сведениями из античных письменных источников, так и данными абхазо-адыгейского и осетинского фольклора.¹

Изображение рыб и наличие наверху – указывает на значение рыболовства, которое играло подчиненную роль перед скотоводством, но в Абхазии было, вероятно, распространено шире, чем в Осетии.

Сравнительная малочисленность и грубость гончарных изделий объясняется тем, что благодаря обилию лесов посуда выделялась из дерева. (Деревянная посуда не потеряла своего значения в домашнем обиходе абхазов до последнего времени).

Социальная организация, сложившаяся на базе, в общем, весьма примитивной техники и экстенсивных форм хозяйствования, не могла быть иной, кроме как разновидностью архаичной доклассовой формации.

Дольменные погребения в с. Эшерах и другие могильники в Абхазии, так же как и в Осетии, представляют собой типичные родовые погребения, причем дифференциация орнаментов на предметах из эшерских дольменов (птица в дольмене № 1, баран – в № 2 и змея – в № 4), возможно, является выражением тотемических воззрений, еще пронизывавших идеологию строителей этих дольменов.

Если характер погребений, их группировка и расположение говорит нам о том, что это памятники родового строя, то содержимое их дает воз-

¹ Подробнее см. об этом в моем «Кратком очерке истории Абхазии», изд. 1934 г., стр. 26–36, и в этн. оч. Чурсина – «Осетины», Тифлис.

возможность определить более или менее точно, к какой стадии родового строя можно отнести эти памятники.

В самом деле, ведь богатыми (для той эпохи) украшениями, найденными в погребениях, не могли обладать все члены рода. Изящные бронзовые топоры, не имеющие следов употребления, отнюдь не служили орудиями производства или войны. Ясно, что мы имеем дело здесь с памятниками той стадии общественного развития, когда в родовой коммуне уже давали о себе знать зародыши будущего социального неравенства, т.е. выделялась прослойка родовой (племенной) аристократии в лице старейших, вождей, их семей, а с другой стороны, еще существовало патриархальное равенство.

Вот в этом и находится ключ к разгадке тайны изящных, казалось бы, бесполезных топориков, которые, по всей вероятности, были регалиями, символизирующими власть старейшин (племенного вождя). Напомним, кстати, что это нисколько не противоречило общим основам доклассового общества, т.к. при родовом строе, где не было ни классов, ни государства, существовали элементы принудительной власти. Ленин прямо указывал на это в полемике со Струве, говоря: «Принудительная власть есть во всяком человеческом общении и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было» (т. I С. 304).

Ясен теперь ответ и на вопрос о том, каким образом сооружались такие монументальные памятники, как дольмены в условиях крайне примитивной техники. Труд рабов играл здесь, очевидно, не последнюю роль. Следовательно, кобанские памятники в Абхазии должны быть отнесены к концу эпохи наивысшего расцвета родового строя, когда стадия его утверждения начинала перерастать в стадию его разложения. (Хронологически, для абхазской кобани, это будет середина первого тысячелетия до нашей эры).

Поразительное на первый взгляд формальное сходство абхазских и осетинских памятников кобанского типа также объяснимо, если принять во внимание специфику хозяйственного уклада жителей Абхазии и Осетии того времени.

Выше указывалось, что доминирующей отраслью производства в ту эпоху здесь было скотоводство. Естественной основой последнего были, разумеется, горные пастбища.

Но горные пастбища доступны в Абхазии только летом, именно в летнее время они имеют такое богатое разнотравье, которое не встречается на северном склоне Главного Кавказского хребта (Кабарда, Осетия, Карачай). Зимой эти пастбища недоступны и скот принужден возвращаться в нижнюю предгорную зону. Когда все благосостояние населения зависит от скотоводства, то ясно, что постоянные передвижения скота вызывали и частые переходы его хозяев. Напомним известное описание византийца Аммиана Марцеллина, который еще в IV в. нашей эры рассказывал об аланах (обитавших на северном склоне Кавказского хребта, включая и Осетию): «У них нет постоянных жилищ, они не занимаются земледелием, питаются мясом, а больше молоком, живут в своих повозках, которые покрывают кусками древесной коры... Когда они доходят до лугов, то располагают свои двухколесные повозки в круг. Они гонят перед собой стада крупного и мелкого скота и таким образом пасут его» (см. «Сб. свед. о кавк. горцах», IV, стр. 190).

При этом вполне вероятно, что жители Абхазии, которая не имела обширных лугов в нижней лесной зоне, нередко отправлялись летом со своими стадами на северный склон Главного Кавказского хребта, тогда как, наоборот, население северного склона гоняло скот в Абхазию в зимние месяцы.

Так, на основе этого эйлажного¹ скотоводства, развивались встречные сношения между отдельными родовыми и племенными группами «абхазов» и «осетин», способствовавшие перенесению культурных форм.

Заимствование такого типа мы не отрицаем, и оно несколько не противоречит нашим принципиальным установкам, потому что в этом случае речь идет о заимствовании, как одном из фактов общности формальных данных, но далеко не единственном и не главенствующем. Последним для нас остается однородность социально-экономической структуры, которая устанавливается нами и для обитателей Абхазии, и для жителей Осетии эпохи первого тысячелетия до н. эры. (В настоящей статье мы

¹ От турецк. *jajla* «летнее пастбище».

ограничились оценкой социальной принадлежности строителей лишь абхазских погребений, но надеемся, что указания на однотипность абхазской кобани с подлинной Кобанью и ссылки на Аммиана Марцеллина, позволяют нам применить эту оценку и к населению Осетии этой эпохи).

Для нас важно установить, что бронзовые предметы, обнаруженные и в Осетии, и в Абхазии имеют местное происхождение, что производственные центры этой культуры лежали в пределах Западного Кавказа, при этом по обе стороны хребта.

И первое, и последнее подтверждается, как найденными¹ в Абхазии каменными формами для литья металла и многочисленными находками шлака, вблизи кобанских погребений, так и данными абхазо-адыгейского и осетинского фольклора.

Для нас важно затем отметить, что в основе общности культурных форм лежит общность способа производства материальной жизни и однотипность социальных отношений, что не исключает возможности обоюдных заимствований, которые, однако, опять-таки были обусловлены одной и той же спецификой хозяйственного уклада (эйлажное скотоводство).

В заключение, чтобы ответить на вопрос о значении открытия кобанской культуры в Абхазии, позволим себе привести один из тезисов академика И.И. Мещанинова к его докладу на тему «Язык и материальная культура», прочитанному 5 сентября 1932 года в АбНИИК'е.

«Найденные в Абхазии памятники материальной культуры (кобанского типа) указывают на связь Абхазии с Северным Кавказом еще в первом тысячелетии до нашей эры. Об этом же свидетельствуют данные языка и фольклора.

Можно полагать, что основанием племенных взаимоотношений Абхазии с Северным Кавказом было эйлажное скотоводство (а так же «береговая колонизация»)².

¹ Мат. по археологии Кавказа, т. VIII, стр. 366.

² Опублик. в газ. «Сов Абхазия» от 10 сентября 1933 г.

Следовательно, открытие кобани в Абхазии не только бьет ее исследователей из лагеря буржуазной археологии, но открывает широкие перспективы для изучения во всей полноте проблемы становления племен и проблемы становления классового общества на материалах истории Кавказа».

Октябрь 1934 года.

Москва.

Опубликовано: А. Фадеев. К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии // В кн.: Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Сухум, 1934. С. 67–75.

АБХАЗСКИЙ ТЕРМИН АТӘЫ (РАБ – СОБСТВЕННОСТЬ)

Новое учение о языке академика Н.Я. Марра открыло широкие возможности для изучения истории тех народов, которые не имели письменности, и историческое значение которых стремились затушевать, а иногда и прямо отрицала великодержавная буржуазно-дворянская историческая наука.

Палеонтологический анализ значений слов дает богатый материал для историка, в значительной степени восполняя отсутствие письменных источников и бедность памятниками материальной культуры, об охране которых в колониальных окраинах быв. царской России никто не заботился.

Академик Н.Я. Марр во многих своих трудах уделял большое внимание абхазскому языку и неоднократно указывал на значение его для изучения общекавказской культуры.

В ряде тех многозначительных данных, которые предоставляет историку семантический анализ современной абхазской речи, особый интерес представляет исследование абхазского термина «атәы».

Этот термин распространен в современном абхазском языке чаще всего в значении «собственность» (отсюда глагольная форма «атәра» – «принадлежность» или точнее «принадлежание»). Но в тоже время еще и сейчас «атәы» употребляется, как «раб» и в этом значении данное слово в прошлом имело более широкое распространение. Кроме того, производной формой этого термина служит «ахра-тәра», что выражает понятие «рабовладения», но и употребляется для определения «крепостничества».

Таким образом, семантическое исследование термина «атэы», очевидно, может дать ценный материал для историка, представляя ценные данные для изучения проблемы генезиса рабства и крепостничества в Абхазии.

Академик И.И. Мещанинов в своем докладе «Язык и материальная культура», прочитанном в Абхазском научно-исследовательском институте краеведения 5 сентября 1933 года, указывал, что «история Абхазии дает богатый материал для изучения проблемы становления классового общества» (см. газету «Сов. Абхазия», № 209 от 10 сен. 1933 г.).

Разумеется, языковые данные могут быть полезными в этом отношении только при одновременном использовании соответствующих данных материальной культуры и этнографии. Именно при таком комплексном подходе семантическое исследование термина «атэы» раскрывает наиболее интересные и наименее изученные страницы истории абхазов.

Социальные корни термина «атэы», очевидно, надо искать в тех общественно-экономических условиях, которые характеризуют доклассовое общество в Абхазии в тот период, когда в недрах его уже вызревают силы впоследствии взрывающие оболочку первобытно-коммунистических отношений. Материальная культура древнейших аборигенов Абхазии, их архаичных объединений, объединявших группы людей узами кровного родства, отражается найденными недавно (1926–1933 гг.) памятниками неолитических каменных и бронзовых предметов.

Если эпоха неолита в Абхазии представлена очень слабо, то бронза, наоборот, выражена довольно ярко. Правда, большее количество обнаруженных бронзовых предметов, типичных кобанских форм, относится уже к тому периоду, когда техника производства металлических орудий достигла уже значительного уровня, а стало быть, и социально-экономическая структура архаических объединений, «мелких этносов», по выражению акад. Н.Я. Марра, не была уже очень примитивна.

Академик И.И. Мещанинов датирует кобанские предметы, найденные в Абхазии, не позднее середины первого тысячелетия до нашей эры (см. газету «Сов. Абхазия» от 10 сент. 1933 г.) Хозяйственная деятель-

ность древних аборигенов Абхазии в то время характеризовалась уже развитием производящего хозяйства. Переход от первобытно-охотничьих промыслов к скотоводству и земледелию был не только совершен, но и в значительной мере закреплен предшествовавшим развитием.

Характерным является то обстоятельство, что скотоводство у древнейших обитателей Абхазии имело первостепенное значение. Об этом говорят, как памятники материальной культуры, так и данные абхазского фольклора.

Бронзовые предметы и гончарные изделия, найденные в Абхазии и датируемые серединой первого тысячелетия до н. эры, лишены характерных земледельческих орнаментов. Многие же бронзовые украшения, обнаруженные в могильниках сел. Мугудзырхва, Азанта, Эшеры и др., имеют изображения домашних животных – барана, быка, собаки и домашних птиц. В сел. В. Яштух в культурных слоях, где была обнаружена бронза, найдены две высеченные из камня головы барана.

Широко распространенная древняя абхазская легенда о карликах (абх. атцан), которые будто бы были самыми древними обитателями Абхазии, гласит, что последние занимались исключительно скотоводством, в частности, разведением коз.

Однако, несмотря на преобладание скотоводства, земледелие также было известно в ту эпоху аборигенам Абхазии. Об этом говорят бронзовые мотыги и заступы, найденные в сел. Эшеры и окрестностях г. Сухума. Очевидно, что сложившаяся на подобной технико-экономической основе общественная организация древних обитателей Абхазии соответствовала развитым формам родового строя.

Это ясно подтверждается и характером могильников, где были найдены бронзовые предметы кобанских форм (Мугудзырхва, Петропавловка). Об этом же говорят и дольмены, один из которых (в урочище Кюр-Дара) был обнаружен в полной неприкосновенности, с тремя скелетами в сидячем положении и целым арсеналом бронзовых и гончарных изделий. Сам факт сооружения дольменов из массивных каменных плит свидетельствует о достаточно глубоком общественном расчленении архаичных объединений.

В этих «мелких этносах»-родах, которые были основаны на коллективной собственности, очевидно, в эту эпоху уже существовало рабство, в самой примитивной, патриархальной форме.

Обилие украшений разного рода, найденных в могильниках кобанского типа, указывает на существование достаточных излишков материальных благ, на рост экономического благосостояния, на умножение прибавочного продукта. Наряду с развивающимся обменом (факт которого подтверждается самим производством бронзовых предметов в Абхазии, для которого необходим был импорт бронзовых слитков или олова, т.к. последнее в Абхазии отсутствует), это обстоятельство вызывало необходимость в применении добавочной рабочей силы – в использовании труда рабов.

«Увеличение производства во всех областях: скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле – сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем, оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода. Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов»... (Энгельс. Происхождение семьи... 1933. С. 190).

Характеризуя родовую собственность, Маркс и Энгельс отмечают что на этой ступени общественное расчленение ограничивается лишь «расширением семьи; это патриархальные главы рода, под ними члены рода, в самом низу – рабы. Скрыто имеющееся в семье рабство развивается лишь постепенно вместе с ростом населения и потребностей и вместе с расширением внешних сношений, а также войн и меновой торговли»... («Архив М. и Э.». Т. I. 1924. С. 254).

Пока рабство скрыто в семье, нет надобности в термине «раб».

Патриархальное рабство довольствовалось определением раба, как «ахашэала», что сейчас употребляется, как «доход», но буквально значит «то, что досталось», «благоприобретенное», «излишек».¹

¹ Этот термин «ахашэала» имел широкое распространение и впоследствии в феодальной Абхазии, как определение захваченного или подаренного раба, являясь почти синонимом термина «атэы».

Но с появлением рабства в родовой коммуне, уже располагающей материальными излишками и вовлеченной в сферу межобщинного и межплеменного обмена, создаются условия для возникновения частной собственности, которая впоследствии взрывает первобытно-коммунистические отношения.

Все чаще практикуется выделение земельных участков или скота в пользование отдельных семей. Урожай с нового участка земли, выкорчеванного из-под леса трудом раба, приплод от скота, выращенного завоеванным рабом – это уже новые категории, не известные прежде родовой коммуне. Эти категории нуждаются в новой терминологии.

Так рождается «атэы», означающий одновременно и «раб», и «собственность», ибо речь здесь идет не о собственности вообще, а именно о новой форме собственности, создаваемой трудом раба – о частной собственности.

В эпоху становления родового строя, при неразвившемся институте патриархального рабства, при отсутствии ясно выраженного разрыва между трудом и собственностью не было необходимости в определении самого понятия «собственность». Акад. Н.Я. Марр говорит: «Собственность ведет свое начало от дородового состояния производственно-социальной группировки человеческих коллективов, но тогда собственность по нашим понятиям вовсе не собственность»... (Н.Я. Марр. Право собственности по сигнализации языка. На боевом посту. 1930. С. 383).

Этот вывод нового учения о языке полностью совпадает и подтверждает замечания Маркса об этом вопросе, высказанные в сочинении «К критике политической экономии». Подчеркивая, что членораздельная звуковая речь возникнет при осознании коллективной собственности на окружающие предметы, Маркс указывает, что первичные человеческие социальные образования владеют, но не имеют собственности, ... «было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только владеют, владеют, но не имеют собственности. Более простая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных или родовых сообществ» (Маркс. К критике полит. экономии». 1932. С.17).

Даже при существовании уже реально родовом устройстве, навряд ли на первых порах, была нужда в термине, означающем «собственность», до тех пор, пока безраздельно господствовала коллективная собственность рода и коллективный труд.

Но когда в родовых образованиях уже развивается рабство, когда в условиях возникающего обмена (в конкретной исторической обстановке Абхазии, второй половине первого тысячелетия до н. эры – в условиях античной колонизации на Кавказском побережье Черного моря и античной транзитной торговли), рабы начинают все более и более выступать как товар, когда эксплуатация рабов становится все более известным источником прибавочного продукта, присваиваемого как частная собственность, тогда возникает необходимость в твердом понятии «собственности».

Родовой строй еще не взорван, но уже чаще и чаще происходят столкновения между родоплеменными группами, и уже очевидна тенденция к разрыву между трудом и собственностью, и это не может не сказаться на развитии терминологии.

Неважно, что на первых порах члены рода владеют рабами коллективно. Это все-таки уже частная собственность, хотя и особого рода. (Напомним, что Маркс употребляет выражение «коллективная частная собственность». (Архив Маркса и Энгельса, кн. I. 1924. С. 254).

И совершенно закономерно, что в сознании членов родового объединения, таким образом, понятия «раб» и «собственность» ассоциируются настолько тесно, что оба эти понятия покрываются без особого труда одним общим термином «атэы». Это явление вполне закономерно, если принять во внимание выводы марксистского анализа генезиса частной собственности. Еще в своей работе, посвященной Фейербаху, Маркс и Энгельс указывали, что: «Настоящая частная собственность начинается у древних народов, как и у новых, лишь вместе с движимой собственностью – рабы» (Архив М. и Э., I, ГИЗ, 1924. С. 251).

Семантическое исследование абхазского термина «атэы», таким образом, является блестящей иллюстрацией этого положения. Что касается производной формы «ахра-тэра», то употребление этого термина в качестве «рабовладения» имеет также определенные исторические корни.

Рабство в Абхазии не создало особый рабовладельческий способ производства. Причину этого следует искать в специфике процесса разложения доклассового общества в Абхазии, который происходил в своеобразном историческом окружении, созданном античной колонизацией и развитой транзитной торговлей на абхазском побережье Черного моря.

В этих условиях в Абхазии разложение сельской общины (абх. ақыта) привело к установлению феодального способа производства. Феодальные отношения сложились в Абхазии на базе того, что прежде свободные сельские общины попадали в зависимость от социальной верхушки, «органически выросшей в процессе длительной жесткой борьбы союзной формации кавказских народов, начиная в первую голову с абхазов и затем грузин, и отнюдь не исключая народов Северного Кавказа» (Март. В тупике ли история матер. культуры. ГАИМК. С. 18).

Центр тяжести феодальной эксплуатации в ранний период феодализма, характеризующийся отработочной формой феодальной ренты, в Абхазии лежал на особой категории зависимых непосредственных производителей.

Абхазский фольклор дает яркие сведения о генезисе этой категории зависимых производителей.

Старики рассказывают, что когда феодалу было выгодно посадить своего раба-«атэы» на землю, то он (владелец) разрешал последнему обзавестись семьей, дарил ему постель, медный котел, цепь для очага, надеялся коровой и участком земли.

Раб превращался, таким образом, в крепостного крестьянина, обязанного обрабатывать со своей семьей и своим инвентарем поле владельца, выполнять домашние работы во дворе феодала, делать приношения по праздникам и т.д.

Генетическая связь «раба» и «крепостного», прослеживаемая в реальной истории абхазского феодализма, полностью объясняет лингвистическую зависимость термина «ахра-тэра» («рабовладение») от «атэы» («раб»), а также и то, почему этот термин выражает в абхазском языке и понятие «крепостничество». Рабовладение существовало на

правах социально-экономического уклада в системе абхазского феодализма чрезвычайно долгое время и еще в XVII–XVIII веках работорговля была весьма развита на берегах Абхазии (подробно см. А. Фадеев «Меч и золото на берегах Абхазии: очерки по истории береговой торговли», изд. АБГИЗ'а, Сухум, 1933 г.).

Опубликовано: А. Фадеев. Абхазский термин атэы (раб – собственность) // В кн.: Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Сухум, 1934. С. 61–66.

СТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕМЕН НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

(К постановке вопроса)

Поскольку «основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию» (из рез. XVII партконференции) – постольку становится совершенно очевидным, что изучение процессов возникновения классового неравенства и происхождения государства имеет для нас актуальное политическое значение.

Классический пример освещения проблемы становления классового общества с точки зрения исторического материализма наиболее полно дан в труде Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

На основе критической разработки результатов знаменитого исследователя – этнографа Моргана, которой «в родовых объединениях североамериканских индейцев нашел ключ, раскрывающий нам важнейшие, до сих пор неразрешимые загадки древнегреческой, римской и германской истории», на основе самостоятельного глубокого изучения материалов по истории кельтских и германских племен, по истории античного мира, Энгельс со всей остротой поставил проблему становления классового общества. Он со всей непримиримостью выступил против буржуазных социологов, провозглашающих принцип незыблемости классовой формации, основанной на частной собственности и эксплуатации, опрокинув их лживые псевдонаучные построения – расовые, биологические и т.п. теории.

Энгельс показал в своей работе, как в недрах общественного строя, «основанного на отношениях родства, все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с нею – частная собственность и обмен, различия в богатстве, возможность пользования чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий – новые социальные элементы, пытающиеся в ряде поколений приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместность того и другого не приводит к полному перевороту» (Энгельс. Предисловие к первому изданию «Происхождение семьи и пр.»).

Однако проблема становления классового общества на конкретном материале истории народов СССР еще не изучена с достаточной полнотой. А между тем, строя на территории СССР бесклассовое социалистическое общество, мы не можем не интересоваться этой проблемой, ибо глубокое изучение исторических причин происхождения классового неравенства и эксплуатации человека человеком поможет нам быстрее ликвидировать в процессе социалистической реконструкции пережитки этих явлений.

История Кавказа, в частности западно-кавказских народов, дает богатый материал для изучения проблемы становления классового общества. Как часть этой большой проблемы особо настоятельно выдвигается вопрос о становлении племен и вопрос племенных взаимоотношений у абхазо-адыгейской группы народов Кавказа.

Здесь мы имеем под руками огромные пласты нетронутого «сырья», которое еще ждет исследователей, способных проанализировать имеющиеся материалы под углом марксистско-ленинской методологии.

Памятники материальной культуры, данные этнографии и языка, письменные источники (античные, грузинские, турецкие, западноевропейские и т.п.) – все это в совокупности должно быть привлечено для изучения этой интересной и актуальной проблемы.

Эпоха становления племен, эпоха образования племенных объединений, их распада и феодализации – наименее изучена и слабее всего освещена в существующих работах по истории Абхазии, Адыгеи и Грузии. До последнего времени здесь господствовали псевдонаучные построения,

основанные на буржуазных «теориях» миграций и «индоевропейской» концепции происхождения языков и народов. До сих пор поэтому именно в этом вопросе находили себе почву различные великодержавные, империалистические, а с другой стороны – шовинистические толкования общественно-исторического развития народов Западного Кавказа.

Первую брешь здесь пробила т.н. яфетическая теория академика Н.Я. Марра, затем – исследования акад. И.И. Мещанинова. Основываясь на последних достижениях марксистского языкознания и истории материальной культуры, вооружившись непобедимым, единственно научным методом исторического материализма, мы должны со всей решимостью, преодолевая все трудности, не боясь возможных промахов и ошибок, поставить себе актуальную задачу изучения проблемы становления племен, как часть общей проблемы становления классового общества на материалах истории народов Западного Кавказа.

I

Находки предметов материальной культуры в Абхазии, Адыгее, Кабарде и т.д., относящихся к середине первого тысячелетия до нашей эры, в сопоставлении с данными языка, фольклора и сведениями из сочинений античных писателей дают возможность установить основное направление и характер хозяйственной деятельности людей, населявших в то время территорию Западного Кавказа.

Способ производства архаичных объединений той эпохи был основан на примитивной технике, которая только что успела вытеснить каменные орудия, причем последние еще несомненно находили себе применение.

Производство металлических орудий эволюционировало чрезвычайно медленно, одно и то же орудие имело разные назначения, функциональная дифференциация орудий была очень слаба, отражением чего является, например, тот факт, что в абхазском языке имело место первоначальное обозначение термином металла вообще уже готовых изделий (аіха – топор, железо), а также общий термин для бронзы и меди (абуа).

Наличие шлака, найденного во многих раскопках (экспонаты Абхазского музея краеведения в Сухуме), а также находка каменных форм для литья металлов (Материалы по археологии Кавказа. Т. VIII. С. 366), свидетельствуют, прежде всего, о том, что не только каменные, но и бронзовые орудия, употреблявшиеся в Абхазии, были по преимуществу местного происхождения.

Постепенно бронзовая техника достигает более высокого уровня. Вместо грубых топоров (раскопки Эшерского дольмена в Сухумском районе) мы имеем уже обточенные топорики, вылитые вместе с рукояткой, изящно выделенные кинжалы, а также разнообразные украшения: браслеты, спирали, булавки, пряжки, фибулы (раскопки в Мугудзырхве и Петропавловском в Гудаутском районе), и наконец – пояса и шлемы из листовой бронзы (найлены в устье р. Келасури). Крайне интересным свидетелем переходной эпохи, характеризующейся появлением железа, является найденный там же, в устье р. Келасури, железный меч с бронзовым эфесом.

Примитивность техники, трудность добывания руд и выплавки металла, могла обеспечить только развитие таких отраслей хозяйства, как экстенсивное скотоводство и первобытное земледелие, плюс древние промыслы присваивающего характера (охота, собирание плодов, добыча дикого мёда и воска и т.п.).

Судя по месту нахождения памятников материальной культуры (Мугудзырхва, Эшеры, Псху, Азанга, Лабры и др.), наибольшей плотностью населения обладали районы приморских возвышенностей и долины горных рек. Береговая же низменность, зачастую заболоченная, характерная высокой влажностью почвы и воздуха, заросшая густыми, труднопроходимыми лесами, не представляла удобного места для обитания людей, слабо вооруженных техническими средствами борьбы с окружающей природой. До тех пор, пока техника не могла обеспечить успешной расчистки площадей из-под леса, отсутствие открытых равнин не давало возможности широко развиваться земледелию.

Очевидно, что большое значение в те времена имело поэтому скотоводство. Это подтверждается данными истории материальной культуры

и фольклора. Большинство бронзовых украшений (найденных в Мугудзырхве, Азанте, Эшеры и т.д.) содержат изображения баранов, быков, собак, свидетельствующие о распространении скотоводческого хозяйства по всей нагорной Абхазии. Об этом же, очевидно, говорят и каменные изображения головы барана больших размеров, найденные в сел. Верхний Яштух Сухумского района.

Скотоводство в Абхазии в то время имело эйлажный характер, свойственный многим современным районам Сев. Кавказа и Вост. Закавказья. Эйлажное скотоводство представляет собой разновидность кочевнического хозяйства. Эйлаг – летние пастбища, высокогорные луга (от тур. «*aila*»), куда выгоняется скот на летние месяцы. В зимнее время эти пастбища недоступны по климатическим условиям и скот возвращается в нижнюю предгорную зону. Когда все благосостояние населения базируется на скотоводстве, то ясно, что постоянные передвижения скота вызывали и частые переходы его хозяев. Скот гонялся на значительные расстояния и нередко стада переваливали даже через главный хребет, как с севера на юг, так и обратно. Отсюда неудивительно, что многие античные писатели (Страбон, Аммиан и др.) называют местных жителей Кавказского побережья кочевниками.

Вот что пишет, например, римский историк Аммиан Марцеллин (IV век) об аланах:

«У них нет постоянных жилищ, они не занимаются земледелием, питаются мясом и больше молоком, живут в своих повозках, которые покрывают кусками древесной коры. Когда они доходят до лугов, то располагают свои двухколесные повозки (арбы? – А.Ф.) в круг. Они гонят перед собой стада крупного и мелкого скота и таким образом пасут его. (Сб. свед. о кавк. горцах, IV, 190).

Очевидно, в этой же специфике хозяйственного уклада надо искать причину передвижений многих абхазо-адыгейских племен, нашедших отражение в народных преданиях. Среди кабардинцев, например, существует легенда о том, что в IV веке гиджры кабардинцы занимали область низовьев р. Дона, Таманский полуостров и Сев. Побережье Азовского

моря, вплоть до Крыма, откуда вождь Инал вывел их на территорию нынешней Кабарды.

Подобные передвижения родовых и племенных групп, вероятно, были одним из факторов переноса культурных форм и развития межплеменных взаимоотношений.

Выражением этого является, возможно, необычайное сходство памятников материальной культуры, обнаруженных в различных районах Западного Кавказа.

В ряде мест в современной Абхазии (Эшеры, Лабры, Лечкоп, Сухум, Мугудзырхва) были недавно найдены бронзовые орудия (топоры и т.д.), в точности воспроизводящие подобные же предметы из известных раскопок в ауле Кобань и др. пунктах Осетии. Такие же предметы найдены были в Боржоме (Грузия) и Гурии.

Мы отвергаем буржуазную теорию заимствования культурных форм, мы отрицаем, что сходство формальных признаков всегда и везде имеет единственной причиной заимствование и перенесение, мы считаем псевдонаучным положением тезис о происхождении той или иной «культуры» из одного праисточника. Мы принимаем за основу замечание Маркса и Энгельса о том, что в «первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно наново и в каждой местности неизвестным образом» (Архив М. и Э. Т. I. ГИЗ, 1924. С. 236). Одинаковый экономический базис, одинаковые производственные отношения, один и тот же способ производства – вот, что лежит в основе общности культурных форм.

Но мы, однако, не отрицаем заимствования, как одного из факторов общности формальных данных. Мы всецело разделяем точку зрения акад. И.И. Мещанинова, который, критикуя буржуазную «теорию миграции», указывал: «Яфетидология не отрицает ни возможности заимствования отдельных форм, ни влияния одной культуры на другую. Яфетидология вовсе не отрицает и переселения племен, даже как одного из факторов переноса культурных форм, но она не может примириться с тем, что только одно из слагаемых является действительным фактором культуротворчества, что только переселение является таковым главен-

ствующим фактором». (Мещанинов. О доисторическом переселении народов. С. 205).

В самом деле, бронзовые украшения кобанского типа обнаружены даже на остр. Суматре. Можно ли всерьез предполагать распространение однотипных культурных форм из одного и того же працентра через переселение или через заимствование на такой значительной дистанции – от Осетии до Суматры? Конечно, нет.

Чем же, однако, объясняется это поразительное сходство формальных признаков?

Старая археология не могла дать ответ на этот вопрос.

Если же придерживаться того, что «вещевой памятник может быть осмыслен пониманием обстановки, его создавшей» (Мещанинов), то ясно, что ключ к разрешению этой загадки лежит в общности производственных условий, породивших одинаковые культурные формы. И в Осетии, и в Абхазии в те далекие времена экономическая структура общества была однородна. Она порождала однородные социальные отношения, одни и те же трудовые навыки. Общность базиса определяет общность материальной культуры. Однако в данном конкретном случае, к сравнению бронзовых предметов, изъятых при раскопках в Абхазии и в Осетии, прибавляется еще и возможность обмена производственным опытом, возникающим в процессе развития межплеменных взаимоотношений, вызванных спецификой хозяйственного уклада (эйлажное скотоводство) и связанными с ними частыми передвижениями родовых и племенных сообществ.

Кроме того, нельзя не отметить и значение транзитной торговли, как стимулирующего фактора для укрепления племенных взаимоотношений. Античная колонизация кавказского побережья Черного моря началась еще с VII века до н. эры, с момента основания первых колоний переселенцами из Милета. Эллинские колонии на побережье (Диоскурия, Питиунт, Зуфу, Никопсия, Чамчир и др.) развивали оживленную торговлю с местным населением, имея целью экспорт сырья: леса, пушнины, меда, воска и, наконец, – рабов. Агентура античного купеческого капитала проникала очень глубоко не только в горные районы Абхазии,

но и на Северный Кавказ. Горные ущелья Кодора, Бзыби, Мзымты и др. рек издавна служили торговыми путями, связывавшими античные колонии на побережье с внутренними районами страны.

Свидетельством этого являются хотя бы многочисленные находки античных монет в Абхазии, Осетии, Кабарде и пр. Особенно велико было значение транзитной торговли в эпоху византийской колонизации.

II

Не может быть двух мнений о том, что общественная организация, сложившаяся на базе примитивной бронзовой техники и экстенсивных форм хозяйства, в те времена и на Западном Кавказе соответствовала структуре доклассового общества.

Мы категорически должны отвергнуть попытки представить тогдашнее население Западного Кавказа в виде существующих ныне или даже исчезнувших народов или наций. Не только до нашей эры, но и в первые века нашей эры не существовало ни абхазского, ни черкесского, ни картвельского народов, так же, как не существовало государственных образований под этими наименованиями.

Мелкие этнические группы – родовые группы с однородным производственным базисом, с однообразием языковой (яфетической) основы, а значит, и с однородной по типу материальной культурой и идеологией, пронизанной анимистическими и тотемическими воззрениями – вот какова была социальная структура населения, обитавшего на Западном Кавказе по обе стороны Главного хребта.

Отсюда столько же «народов», столько же «государств» и столько же языков, столько мелких этнических групп, ведущих натуральное хозяйство и замкнутую общественную жизнь, слабо связанных между собой. Однородность культурной и языковой основы, наряду с невероятным разнообразием ее конкретных проявлений – это диалектические противоречия недаром поражало античных колонизаторов – сынов уже единого народа с единой культурой и единым языком. Каждая мелкая этническая группа казалась им самостоятельным «народом», и все современники, побывавшие на берегах Кавказа, рассказывали античному миру

о необычайном разнообразии и множественности языков и народов на побережье Кавказа.

Еще Страбон, описывая Диоскурию – самую крупную эллинскую колонию на берегах Кавказа, говорил, что там «собирались торговцы от 300 племен, из числа которых ни одно не заботится о том, что происходит в остальном мире и не понимает языка соседей, т.к. все живут разрозненно». (Страбон. XI. 5).

Известный римский историк Плиний в I веке н. эры в своем знаменитом сочинении «*Historia naturalis*» писал: «Племя абсиров, крепость Севастополь, племя санигов, наконец – племена гениохов под разными названиями» (VI, 5).

Позднее Аммиан Марцеллин в IV в. отмечал, что на кавказских берегах «живет множество народов, отличающихся разнообразием языков и внутреннего строя – яksamаты, меоты, язиги, аланы, меланхлены, гелонны ..., которые кочуют по разным направлениям».

Все другие античные писатели отмечают также этническое разнообразие кавказского побережья, причем обычно дают указываемым «народам» и «племенам» произвольные названия, часто по чисто внешним признакам: меланхлены (от *melas* – «черный»), фтирофаги («вшееды»), гюнайкократумены («управляемые женщинами»), инииохи или гениохи («перевозчики») и т.д. Правда, здесь есть намеки и на действительное положение вещей. Название «гюнайкократумены», наряду с мифом об амазонках и с данными абхазского и адыгейского фольклора, свидетельствует о первичной форме родовой организации – о материнском роде, матриархате. Название «инииохи» или «гениохи» являются отражением того, что местное население занималось морскими промыслами, перевозило товары для эллинских купцов, поставляло «перевозчиков».

III

Очевидно, что слабому разделению труда в хозяйстве соответствовало и слабое общественное расчленение родовой общины (абх. «ажэла», верхнечеркесск. «*unaofuasa*», груз. «*gvargi*»), внутренняя жизнь которой базировалась на принципах «примитивной демократии» (Энгельс).

Во главе родовой группы стояли старейшины (абх. «ажәла-аиҳабы» от «аиҳа» – старший и «ab» – отец, груз. «mamasahlisi», от «мама» – отец и «sahli» – дом), разрешавшие главнейшие вопросы общественной жизни на родовых собраниях. Несомненно, что подобная родовая организация первоначально не знала ни частной собственности, ни эксплуатации, ни классового разделения, ни государственной власти. Иосиф Флавий (II в.) отмечал, что «гениохи даже не знали собственного повелителя». Впоследствии же рост производительности и разделения труда в результате усложнения хозяйственной деятельности, наряду с развитием обмена, приводит к тому, что «представилось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов». (Энгельс. Происхождение семьи. С. 162). Эксплуатация рабов стимулирует возникновение частной собственности, а следовательно – имущественное неравенство. «Наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными» (ibid С. 165).

Чрезвычайно интересно, что абхазский термин «атәы» означает одновременно и «раб», и «собственность», что является блестящим доказательством тезиса Маркса и Энгельса о том, что настоящая частная собственность начинается с появлением движимой собственности рабов (Архив М. и Э. ГИЗ. 1924. С. 251).

Разложению родового строя на побережье Кавказа несомненно способствовала береговая торговля и античная колонизация. Здесь рабы выступали не только как рабочая сила для местных общин, но и как товар, получивший широкое распространение в системе античной торговли. Эксплуататорская верхушка местных родовых и племенных объединений очень скоро осознала работорговлю, как источник обогащения.

Еще Страбон, касаясь влияния античной колонизации на «припонтийские» племена, писал:

«Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося расколы, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность в значительной степени проникла и к варварам, между

прочим, и к номадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество» (Strabo, VII, 3–7).

Береговая торговля, усиливая разделение труда, стимулирует развитие межродовых и межплеменных связей. Одновременно и расширение пастбищ, и возрастающая плотность населения содействуют образованию племен, занимающих определенную территорию и приобретающих единый язык и культуру, путем скрещения многообразных языков мелких этнических групп. Родовая община перерастает в сельскую общину (абх. «ақыта»). Все более приобретают значение племенные вожди (абх. «апыза», груз. «eristavi»). Они, выражая интересы социальной верхушки, предпринимают военные походы с целью завоевания пастбищ, добычи скота и рабов. Завоеванные общины ставятся в зависимость и облагаются данью.

Условия для порабощения соседей уже подготовлены тем, что внутри племен «первобытную демократию» сменило господство рабовладельцев, узурпировавших власть и создающих основы государственности, возникающей в результате разделения общества на классы.

Побережье Западного Кавказа в эту эпоху (первые века нашей эры) становится ареной крупнейших исторических событий. Местные племена втягиваются в сферу великих войн Рима и Митридата, затем Византии и Персии. Последние втягивают местные племена в сложные политические комбинации, применяя разнообразные методы воздействия – от оккупации и коррупции до религиозной пропаганды. Они способствуют феодализации племенных объединений. Так, например, Страбон сообщает, что «Помпей разделил Колхиду между князьями, которые помогли ему завоевать ее». Одновременно местные племена восстают против колонизаторов, пытаясь освободиться от иноземного влияния. Процесс становления племен, так же как впоследствии процесс образования наций, сопровождается мощным освободительным движением. V–VIII века на Западном Кавказе, характеризуются рядом крупнейших восстаний и ожесточенной борьбой местных племен с Византией, пока, наконец,

последняя совершенно не лишается своих колоний на побережье. В процессе этой борьбы, «возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и вне. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой же необходимостью становится и слияние, тем самым слияние отдельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа» (Энгельс). Именно в этом свете особенно ясным становится образование Лаики (V век), Абхазии (VIII век) и, наконец, Грузии (XII век).

Именно только как результат подобного процесса становления племен мы можем уяснить подлинную историческую сущность объединения абхазов, картлов, сванов, кахов и др., создавшего великое союзное государство Западного Кавказа – государство Баграта, Давида, Тамары. И совершенно прав академик Н.Я. Марр, когда он заявляет: Тамара XII–XIII века, царица не одних грузин, не грузин «вообще», а определенных социальных слоев, органически выросшей в процессе длительной жестокой борьбы союзной формации кавказских народов, начиная с первой головы с абхазов и затем грузин и отнюдь не исключая народов Северного Кавказа, в том числе и аваров» (Марр. В тупике ли история материальной культуры. С. 18).

Это новое государственное объединение – не древняя Иберия. В нем первую скрипку долгое время играют абхазские племена и только впоследствии политические центры его переносятся из южной Абхазии (Бедия) в долины Риона (Кутаис) и Куры (Уплис-Цихе, Тифлис), по мере того, как гегемония переходит от абхазов к грузинам.

«С VIII–IX века на руководящую роль выступают грузины, «картлы» или «картвелы». Нельзя сказать, что начатое ими грузинское строительство шло эволюционно, без внутрикавказской борьбы с абхазами, оказывающимися на первом месте отнюдь не только в титулатуре Тамары» (ibid., стр. 20).

Именно в эту эпоху, путем ожесточенной борьбы складываются адыгейские, абхазские и картвельские племена, вышедшие из рамок доклассовой формации, но сохранившие в материальной культуре, в языке, в этнологии, в самых своих наименованиях пережитки своей однородной

первобытной основы. Эти пережитки существовали и в эпоху развитого феодализма (в XIII веке) и порой еще остались до наших дней, свидетельством чего является хотя бы удивительное сходство фольклорных данных (легенда о нартах и пр.).

Но одновременно сохраняется и разнообразие культурных форм, свойственное первобытной формации, хотя и не в такой степени. По крайней мере, араб Абу-аль-Хасан Массуди в X веке отмечает на берегах Кавказа «72 племени, и у каждого свой царь и свой язык, несходный с другими наречиями» (II, 17).

Подобный процесс становления племен, «скачок от мелких этносов-родов в этот своеобразный уклад феодального общества» (Марр), характерен для истории всех народов Западного Кавказа. Еще раз прав академик Марр, констатирующий, что «было время, когда хевсуры, кабардины, абхазы, не исключая армян, и не только балкар и осов (осетин. – А.Ф.), но и грузин, и соседящие народы, возглавлялись одним общим господствовавшим социальным слоем» (ibid., стр. 38).

Мы горячо разделяем положение Н.Я. Марра о существовании особого «соцонимического» термина «os» – «ovs», или что то же по-нашему «as» – «az» – «ias», определявшего эту господствующую социальную верхушку, общую для многих племен и народов Кавказа. Мы считаем, что этим термином образованы и «gub+az» (вождь лазских племен V–VI века) и «az-ov», и «haz-ar», и «l-az», и древнерусское «ias», а также и выросший впоследствии отсюда «az-nauri» (груз. «дворянин») и «u-az-по» (несвободный).

И действительно, не здесь ли в таком случае лежит ключ к пониманию самого наименования «абхазы», которое разлагается теперь на «ab-haz» или «ab-az», где «az» – вышеупомянутый «соцонимический» термин. «Ab» – «отец» и в то время «козел», что в свою очередь является исключительным аргументом живучести тотемических пережитков. Сравнение современных адыгейских и абхазских языков и наречий даст еще больше примеров в доказательство действительного процесса становления племен и соответствующего скрещения и схождения языков и культурных форм, путь которых лежит от «мелких этносов»-родов

через племена и племенные союзы к народам, возникающим в обстановке жестокой классовой борьбы и формирования государств уже феодального типа.

*Опубликовано: А. Фадеев. Становление племен на Западном Кавказе
// Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения.
Вып. I. Сухум, 1934. С. 168–176.*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1866 ГОДА В АБХАЗИИ¹

Если крестьянские движения 1841 г. в Грузии и 1857 г. в Мегрелии нашли отражение в нашей исторической литературе, то крестьянское восстание 1866 года в Абхазии до сих пор не освещено с достаточной полнотой, будучи обычно локализовано в узких районах «события в Лыхны». А между тем Лыхны было только очагом массового движения абхазского крестьянства, охватившего всю страну и чрезвычайно ярко отразившего ту политическую обстановку, которая сложилась на Кавказе к 60-м годам прошлого столетия.

Шестидесятые годы были тем переломным этапом, когда русский царизм, завершив в основном «покорение» Кавказа, приступил к «устройению доселе диких местностей» этого края. Открытый и прямолинейный военно-феодальный грабеж сменяется в этот период системой широких мероприятий, которые должны были положить начало «экономическому завоеванию» Кавказа, которое, по словам Ленина, «совершалось гораздо позднее, чем политическое»².

Основными звеньями в цепи этих мероприятий являлись: насильственное выселение в Турцию сотен тысяч кавказских горцев, колонизация опустевших пространств русскими и другими «христианскими»

¹ Настоящая статья написана по новым архивным данным. Цитируемые документы будут полностью опубликованы в 1-м томе «Материалов по истории Абхазии», выпускаемом в свет в 1935 г. Историко-археографическим институтом Академии наук СССР по договору с Наркомпросом АССР Абхазии.

² Собр. соч. Т. III. С. 462.

переселенцами (черногорцы, болгары, греки), ликвидация автономии (хотя бы и номинальной) феодальных «владельцев» и замена их русской администрацией, интенсивное дорожное строительство и протекционистская таможенная политика, и наконец, подготовка и проведение крестьянской реформы в Грузии и Абхазии, а также попытки разрешения крестьянского вопроса в Восточном Закавказье.

Разумеется, осуществление этих мероприятий на другой день после прекращения ожесточенной полувековой борьбы трудящихся масс народов Кавказа¹ не могло не вызвать упорного сопротивления со стороны последних. Если освободительное движение на Кавказе, подорванное предательством феодального дворянства, и было сломлено силой оружия, то это, однако, не давало никаких гарантий в том, что «покоренные» трудящиеся Кавказа терпеливо будут нести ярмо колониального порабощения. Классовые противоречия между местным крестьянством и союзниками самодержавия – тавадами, азнаурами, ханами, беками и т.д., после победы царизма не только не сгладились, но наоборот, обострились.

Это убедительно доказывало крестьянское движение в Мегрелии в 1857 г. Выражением этого явилось и восстание в Абхазии в 1886 г., о котором идет речь.

Несмотря на то, что еще в 1810 году «владелец» Георгий (Сафар-бей) Шервашидзе передал себя и Абхазию в вечное подданство и рабство «престолу всероссийскому»² и Сухум был занят русскими войсками, в продолжении 50 лет русский царизм не мог прочно овладеть Абхазией, несмотря на поддержку, какую он имел со стороны абхазской феодально-дворянской верхушки. Восстания против царских захватчиков следовали одно за другим. 1821, 1824, 1830 и 1840–1842 гг. были только датами наиболее высоких подъемов волны освободительного движения в Абхазии, которое не прекращалось (в форме партизанской борьбы) ни на минуту, а в 1854 г., с началом Крымской войны, достигло такой силы, что царское командование вынуждено было совершенно очистить Абхазию и ликвидировать «Черноморскую береговую линию».

¹ Шамиль сдался в 1859 г., сопротивление убыхов и шапсугов было сломлено в 1864 году.

² См. Акты Кав. арх. ком., III, 209.

После заключения мира, в 1856 г., царским генералам пришлось начинать «покорение Абхазии» почти с нуля.

Снова водворяются на побережье русские гарнизоны, возводятся укрепления, освободительное движение спадает, береговая полоса «замирается», но все-таки царские сатрапы не чувствуют уверенности в том, что эта победа является окончательной. В своем рапорте от 13 мая 1859 г. командующий войсками Правого крыла «кавказской линии» генерал Филипсон пессимистически заявляет: «Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: также наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен. Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею»¹.

И вот, для того, чтобы «овладеть» Абхазией, в 1861–1862 гг. предпринимается ряд карательных экспедиций в горные местности Цабал, Дал, Псху, Ахчипсху, результатом которых служит массовое выселение десятков тысяч абхазов в Турцию и экспроприация их земель, сопровождаемая абсолютным опустошением этих цветущих районов страны, разорением целых селений, сожжением запасов кукурузы, вырубкой садов и виноградников и т.д.²

Вслед за этим, после «очищения» долин Мзымты и Псху от «непокорных» убыхов и садзов в 1864 г., царское правительство спешит закрепить свои позиции в Абхазии, принимая решение об устранении «владельца» Михаила Шервашидзе и замене его русской администрацией.

«Владелец» сыграл свою роль в первый период завоевания, выполняя роль буфера, сдерживавшего натиск освободительного движения и подрывая его мощь иллюзией национальной автономии. Теперь владелец» не нужен и, более того, опасен: среди феодального дворянства еще жива туркофильская оппозиция, которая может возглавить новую вспышку освободительного движения. «Мавр сделал свое дело – мавр может уйти». Разумеется, он не уходит сам, но его попросту убирают. Осенью 1864 года арестованный генералом Шатиловым в Очемчирах Михаил Шервашидзе лишается звания «владельца» и отправляется в

¹ Акты К. А. К. Т. XII, ч. 3, С. 618.

² См. «Журнал экспедиции в Псху», т. XV личного архива гр. Евдокимова, ЦВИА, ВУА.

ссылку, сначала в Ставрополь, а затем в Воронеж, причем в ознаменование его прежних заслуг перед самодержавием, за ним сохраняется еще титул «светлейшего князя», а также назначается пенсия 1000 рублей при выплате аренды за земли, оставшиеся в Абхазии, в 10.000 руб. ежегодно¹.

Абхазия объявляется «Сухумским военным отделом», входящим в состав Кутаисского генерал-губернаторства. В ней учреждается «военно-народное управление», под которым подразумевается неограниченная ничем власть царских офицеров, управляющих страной, будто бы «в согласии с народными обычаями».

Как раз в том же 1864 г. начинается проведение крестьянской реформы в Грузии по образцу и подобию того «освобождения крестьян», которое было осуществлено в России актом 19 февраля 1861 года.

Летом 1866 г. в Абхазию приезжают из Тифлиса три чиновника, командированные «наместником» для изучения сословно-поземельных отношений «в целях подготовки реформы» в «Сухумском отделе».

Однако деятельность этих «исследователей» с самого начала наталкивается на враждебное отношение крестьянства, причем один из них – Черепов, даже жалуется начальнику «сухумского отдела» полковнику Коньяру, что народ стал угрожать ему смертью².

Наученное горьким опытом, только что пережившее ужасы карательных экспедиций и «махаджирства», абхазское крестьянство не могло представить себе готовящуюся реформу иначе, как в виде новых карательных мероприятий царского правительства. В народе распространяются слухи о том, что правительство хочет вырубить все леса и отнять общинные земли, заставить всех жить в казармах, ввести воинскую повинность, обратить всех мусульман в христианство и т.д.

Следует отметить, что в распространении этих слухов видную роль играли агенты туркофильской дворянской оппозиции, которая значительно усилилась после ссылки Михаила Шервашидзе, и последовавшей вскоре его смерти в Воронеже (16 апреля 1866 г.). Несмотря на то что аб-

¹ Отношение Департамента Исполнительной Полиции Мин-ва Внутр. Дел от 4 февраля 1865 г., д. № 55, 1 эксп. III отделения за 1865 г. А. Р.

² Донесение ген. Консула в Трапезунде ст. сов. Мошкина за 1866 г. В. А. П. ф. МИД, разряд 1–3, 1866–70 гг. № 2.

хазское дворянство во главе с «владельцем», усердно служило царизму в качестве социальной опоры его колониальной политики, некоторые феодалы опасались потери своих привилегий, после прочного утверждения царизма в Абхазии и, ободренные недавним поражением России в Крымской войне провоцировали новые осложнения между Петербургом и Стамбулом, предпочитая турецкий протекторат русскому владычеству. Введение «военно-народного» управления, твердый курс царского правительства на русификацию и христианизацию Абхазии грозил лишить местное дворянство всякого политического влияния, а реформа ставила последнее перед перспективой потери значительной части земель и почти всех доходов, ибо в Абхазии не было юридически оформленного крепостного права и освобождение крестьян от личной зависимости означало – уход их от владельца со всеми землями¹.

Поэтому-то туркофильская дворянская оппозиция развивает бешеную активность именно летом 1866 г., после приезда чиновников из Тифлиса, для изучения «сословно-поземельных отношений».

Агенты ее проникают в гущу крестьянства, играя на силе патриархальных обычаев и общинных традиций, возбуждая на угасшую ненависть к захватчикам, а вожди ее, те самые, которые 20 лет назад получили чины и награды от царского правительства, в это время действуют за границей. Глава туркофильской оппозиции, известный Хасан Маан, произведенный в 1844 году императором Николаем I в поручики, за «усердие» в карательной экспедиции против псхувцев теперь становится ревностным поборником «независимости» Абхазии и путешествует из Батума в Трапезунд и обратно, ведя переговоры не только с турецкими пашами, но и даже с французским консулом².

Однако события в Абхазии развиваются быстрее, чем Хасан Маан и его друзья находят союзников в Турции.

¹ Известно, что в действительности реформа 1870 г. была проведена в интересах помещиков: крестьяне были оставлены на положении «временно-обязанных», а дворяне получили крупные наделы из общинных земель и 400.000 р. пособия от казны. Но в 1866 г. абхазское дворянство имело основание бояться реформы.

² Там же.

В отличие от прежних времен, абхазское крестьянство, очевидно, не слишком доверяет «тавадам» и «аамыста», которые стремятся возглавить разгорающееся движение и проявляет небывалую активность, выдвигая собственных руководителей из крестьян. Сельские сходы в ряде крупнейших селений Абхазии выносят решение о посылке делегата в Тифлис к «наместнику» за разъяснениями по поводу готовящейся реформы. Этим народным делегатом избирается крестьянин из села Эшеры – Осман Шамба.

Начальник «Сухумского отдела» полковник Коньяр не разрешил поездку Шамба в Тифлис, но в ответ на настойчивые просьбы крестьян сам обещал приехать в Лыхны и выслушать их требования для передачи «наместнику». Однако, приехав в Лыхны и созвав сход, Коньяр только сам выступил с «увещеваниями» и угрозами по адресу «возмутителей». При этом он встретил настолько враждебное отношение со стороны крестьян, что поспешил закрыть сход и уехать в Сухум. Вернувшись туда, он немедленно отправил майора Красницкого к кутаисскому генерал-губернатору князю Святополк-Мирскому с письмом, где, описывая тревожное положение в Абхазии и указывая на слабость сухумского гарнизона (всего 2 роты), просил выслать войска на случай возможного «возмущения».

Не дождавшись ответа из Кутаиса и получив сведения о созыве «самочинного» схода в Лыхны, Коньяр опять решил выехать туда (в Лыхны) сам, причем, не надеясь на свой авторитет, он захватил с собой князей Георгия и Александра Шервашидзе, из которых первый был сыном, а второй – братом бывшего «владельца» Михаила. Конвой Коньяра состоял из 80 казаков.

Приехав в Лыхны 21 июля 1866 г., Коньяр застал там несколько тысяч возбужденных и вооруженных крестьян. На этот раз Коньяр выступил с обширной речью, в которой пытался изложить основы готовящейся реформы, стараясь представить в радужном свете положение «освобожденных» русских и грузинских крестьян и убеждая абхазских «анхайю» не противодействовать правительству, которое хочет сделать их «свободными крестьянами».

Характерно, что когда Коньяр упомянул, что «крестьяне не будут зависеть от помещиков», присутствовавший на сходе «аамыста» Титу Маан, перебил его возгласом: «Они наши рабы были и будут» ... Это вы-

звало большое возмущение крестьян, один из которых, Хучина Гагулия, крикнул: «Врешь. Мы землей не зависим» ...

Этот инцидент на Лыхненском сходе лишний раз подчеркивает разницу между истинными намерениями дворянской оппозиции и крестьянской программой движения.

После речи Коньяра, выступили ораторы из крестьян. Оказывается, что абхазские крестьяне достаточно уяснили себе классовой характер реформы, зная по всей вероятности о тех бедствиях, которые она принесла трудящимся в соседней Грузии.

«Выбранные от зависимых сословий в длинной речи объявили от имени народа причины их неудовольствия и настаивали в особенности на невыгоде для зависимых сословий выкупаться от владельцев собственными средствами»¹.

Сам факт, что на сходе выступили выбранные ораторы, свидетельствует об известной организованности крестьянства, а содержание их речей ясно говорит о том, что крестьянская масса боролась против крепостнических методов проведения реформы, тогда как местную дворянскую оппозицию именно и страшила та последовательность и радикальность, которой требовали от реформы крестьяне.

В заключение выступил, приехавший с Коньяром чиновник Черепов, допустивший угрозы и даже оскорбления по адресу крестьянских ораторов.

Сход был закрыт. Коньяр, Черепов и князя Шервашидзе отправились обедать во дворец быв. «владельца». Но многотысячная толпа не расходилась. Группа возбужденных крестьян, только что горячо обсуждавшая положение на окраине обширной Лыхненской площади (у родника), направилась ко дворцу, требуя новой беседы с Коньяром. Когда же последний приказал им разойтись, раздались выстрелы, которые послужили факелом, брошенным в пороховой погреб. Крестьяне кинулись во дворец и на казаков, расположившихся в ограде церкви.

Черепов и прапорщик Суринович были зарублены во дворце. Там же был убит и Коньяр, извлеченный из камина, куда он спрятался. Только

¹ Доклад кутаисского ген.-губернатора о восстании в Абхазии. Центр-архив ССР Грузии, д. 1636.

сила патриархальных традиций, сковавших занесенную руку крестьянина, спасла обоих Шервашидзе. Бой с казаками продолжился до вечера.

Казаки, засев за каменными стенами церкви, отбивались почти двое суток, пока ночью оставшихся в живых, жена князя Александра Шервашидзе не провела на берег моря в Бомборы.

Оттуда, оставив в Лыхны убитыми 49 казаков, 2 урядников, 2-х офицеров, они добрались на военном корабле в Сухум.

На другой день после событий в Лыхны по всем селениям начали формироваться крестьянские отряды. Из уст в уста передавалась весть о полученном будто бы из Турции письме Хасана Маана, в котором последний обещал помощь от Турции, Франции и Англии¹. Крымская война была у всех в памяти, и этого слуха было достаточно для того, чтобы к восстанию примкнули самые широкие массы крестьянства.

Повстанцы в количестве 15.000 чел. направились прямо к Сухуму. Однако разлившаяся река Гумиста задержала их на целые сутки, благодаря чему из Поти было на военном транспорте спешно переброшено подкрепление сухумскому гарнизону.

27 июля 1866 г. повстанцы взяли сухумский форштадт (на горе Трапезия), сожгли дом Коньяра и начали штурм сухумской крепости. очевидцы рассказывают, что крестьяне шли в атаку стройными рядами, с песнями, неся впереди цветные флажки, в том числе один – красного цвета, с вышитой на нем шашкой.

Однако, не имея артиллерии, повстанцы не смогли взять крепость, батареи которой были усилены огнем морских орудий с военных судов, стоящих на рейде.

В то же время на помощь сухумскому гарнизону были двинуты крупные силы численностью до 8.000 штыков и сабель, с полевой артиллерией, под начальством кутаисского генерал-губернатора князя Святополк-Мирского.

После упорного сопротивления повстанцы были разбиты.

30 августа русское командование предъявило им ультиматум: выдать оружие, захваченное казенное имущество и «зачинщиков».

¹ Донесения ген. консула в Трапезунде за 1866 г.

Несмотря на то что первые два требования были выполнены (сдано было до 400 ружей), захваченные в плен активные участники восстания были расстреляны у стены сухумской крепости.

Восстание с начала до конца было крестьянским движением. Отсюда его сила и его слабость. До 1866 г. Абхазия не знала подобного по размеру массового выступления крестьян.

Представители дворянской оппозиции фактически не принимали в ней участия. Большинство дворян открыто встало на сторону царизма. Цебельдинские «тавады» Маршания укрыли у себя небольшой русский гарнизон из Марамбинского укрепления и удерживали своих подвластных от присоединения к восставшим бзыбцам.

В авангарде карательной экспедиции кн. Святополк-Мирского шли одетые в офицерские мундиры дворяне Званбая и Лакербая.

Их участие и сочувствие большинства дворян, облегчило победу царизма и на этот раз.

Нас не должно смущать и то обстоятельство, что у руководства восставших будто бы стояли князья Александр и Георгий Шервашидзе – родственники быв. владетеля. Они, после событий 21 июля в Лыхны, оказались в лагере повстанцев. Волей-неволей они вынуждены были, спасая свою шкуру, отречься на словах от союза с царизмом. Когда по предложению стариков-крестьян, чье патриархальное сознание еще хранило традиционное преклонение перед личностью и титулом «владетеля», Александра и Георгия Шервашидзе выдвинули к руководству восстанием, то им ничего не оставалось делать, как подчиниться. Однако они не столько были руководителями восстания, сколько «орудием в руках мятежников»¹.

Тот факт, что жена князя Александра спасла от гибели, засевших в Лыхненском храме казаков, и то, что оба Шервашидзе за свою «измену» царизму остались почти не наказанными, свидетельствует об их двуличном поведении в стане восставших крестьян.

Таким образом, их участие в восстании не опровергает крестьянского характера движения, а только указывает на низкий идейно-политический уровень его, на силу патриархальных традиций, которые и обусловили

¹ Д. № 76, архив Кавказск. комитета, ЛОЦИА.

безграничное доверие, оказанное крестьянской массой родственникам «своего» бывшего владельца, лицемерно присягнувшим восстанию для того, чтобы затем предать его. Именно эта патриархальщина и стихийность и были слабыми сторонами движения.

Как следствие правительственного террора, после восстания по всей Абхазии поднялась новая волна «махаджирства». За полгода эмигрировало в Турцию 14.458 чел.¹

Характерно, что в августе 1866 г. русский посланник в Константинополе Игнатьев сделал демарш с требованием выдачи Турцией всех участников восстания, которые высадутся на малоазийское побережье. Однако потом царское правительство переменило курс и само стимулировало эмиграцию в целях «очищения края».

Восстание 1866 г. вынудило абхазское дворянство покончить с игрой в сепаратизм и ориентироваться только на прочный союз с царизмом, что и было закреплено реформой 1870 г.

В то же время это восстание, несомненно, содействовало сплочению крестьянских масс и развитию в них революционного самосознания.

Уже в октябре 1866 г. в Трапезунде распространились слухи о том, что в Абхазии готовится новое восстание². Однако прошло еще 11 лет, пока ограбленное реформой абхазское крестьянство восстало против угнетателей.

Это восстание снова было подавлено, но традиции героической борьбы свято хранились в сердцах трудящихся крестьян Абхазии, впоследствии исправивших ошибки 1866 г. в революционных битвах 1905-го и 1917–1921 гг., когда они выступили уже в союзе с пролетариатом и под руководством его ленинской партии.

Опубликовано: А. Фадеев. Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии // В кн.: Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Сухум, 1934. С. 119–126.

¹ Донесение ген. консула в Трапезунде от 19 июля 1867 г.

² Донесение ген. консула в Трапезунде.

УБЫХИ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В нашей исторической литературе, посвященной изучению проблем освободительной борьбы трудящихся масс Кавказа против колониальной экспансии русского царизма, почти совершенно не отражена роль убыхов, которые в процессе этой борьбы в XIX веке занимали на Западном Кавказе весьма видное место.

Подобная недооценка роли убыхов в истории народов Кавказа объясняется исключительной скудностью материалов.

На территории СССР в настоящее время убыхов нет, а памятники их материальной и духовной культуры исчезли в пламени войны. Одно это обстоятельство, наряду с отсутствием убыхской письменности, весьма ограничивает возможности исследования.

Истории убыхов до последнего времени касались, главным образом, лингвисты, которых поражало своеобразие убыхского языка в системе яфетических языков Кавказа. Так, убыхскому языку уделяли внимание Услар¹, Генко², Дирр³ и др. Примерами из убыхской терминологии пользовался и покойный акад. Н.Я. Марр.

Однако исторический материал в сочинениях этих авторов играл, разумеется, подчиненную роль по отношению к рассуждениям лингвистического порядка.

¹ Услар П.К. О языке убыхов, статья в сб. «Этнография Кавказа», Тифлис. 1887.

² Генко А.Н. О языке убыхов, статья в «Изв. Акад. наук СССР», 1928.

³ Dirr Ad. Die Sprache der Ubychen, Leipzig. 1928.

Специальных же исторических работ, посвященных убыхам, не было. Краткие и весьма поверхностные замечания Дубровина, Берже и др. всерьез принимать не приходится.

Значительный материал об историческом прошлом убыхского народа дают документы, выявленные в ряде центральных архивов, в результате обширной работы, предпринятой в 1934 г. Историко-археологическим институтом Академии наук СССР по договору с Наркомпросом АССР Абхазии. Эта работа, участником которой был и автор, имела целью разработку архивных материалов по истории Абхазии и издание таковых в виде специальных сборников. В процессе этой работы был выявлен ряд ценных, нигде не опубликованных в печати документов, выясняющих со всей очевидностью роль убыхов в освободительном движении на Западном Кавказе. На основе этих документальных материалов и построена настоящая статья¹.

I

Убыхи заселяли участок Черноморского побережья Кавказа от р. Шахэ до р. Хоста (Хамышь). На востоке убыхи граничили с джигетами (садзами) и ахчипсху – абхазскими племенами, населявшими современный Гагринский и часть Сочинского районов, а на западе – с шапсугами, территория которых простиралась вдоль берега моря до р. Пшада.

Соседями убыхов с севера были абдзахи (абадзехи), занимавшие северную покатость Главного хребта в пределах бассейнов р. Белой и р. Пшишь. По устройству поверхности земля убыхов представляла собой сильно пересеченную труднодоступную горную страну, образованную Главным Кавказским хребтом и его отрогами. Главный хребет в этой своей части по своему характеру приближается к скалистой гряде Абхазских Альп² и имеет высоту от 1500 до 3000 м над уровнем моря, достигая,

¹ Большинство цитируемых документов будет полностью опубликовано в I томе «Материалов по истории Абхазии», издаваемых ИАИ Академии наук СССР.

² Абхазские Альпы – отрезок Главного хребта, соприкасающийся непосредственно с Абхазией.

таким образом, линии вечных снегов и льдов. Боковые хребты и отроги прорезаются глубокими ущельями и узкими долинами, по которым протекают быстрые, но мелководные реки, имеющие крайне непостоянный режим и большое падение русла. Кроме наиболее крупных из них (Шахэ, Сасхе, Хоста или Хамышь), насчитывается еще около 20 мелких речек, непосредственно впадающих в Черное море. Ущелья и долины рек по преимуществу и служили местообитанием убыхов.

Если земледелие у убыхов было ограничено отсутствием свободных земельных пространств, то скотоводство имело обширную естественную кормовую базу в виде альпийских пастбищ. Теплая зима облегчала и упрощала жилищное строительство. Обилие тепла и влаги благоприятствовало развитию плодоводства (яблони, груши, сливы) и виноградарства. Богатство флоры и фауны обуславливало выдающееся значение охоты, лесного пчеловодства и других промыслов, связанных с эксплуатацией лесных массивов (сбор дикорастущих плодов и т.д.).

Поселения убыхов имели такой же усадебный характер, как и в Абхазии. Дворы от дворов были расположены нередко на значительном расстоянии. Дома прятались в густой зелени леса, в котором расчищались небольшие участки для пашни и огорода. Виноградная лоза свободно вилась по дикой ольхе. Плодовые деревья, посаженные около дома, часто росли в окружении лесных деревьев.

Численность убыхов к моменту вступления их в борьбу с русским царизмом, т.е. к 1830г., точно определить не представляется возможным. Данные русских официальных источников весьма противоречивы, причем общая цифра всего населения колеблется от 12 000 до 29 000 человек¹. Можно предполагать, что в действительности убыхов в 1830 г. насчитывалось свыше 40 000 чел. Для социально-политической характеристики убыхов важно установить тот основной факт, что они еще и в XIX в. не освободились от скорлупы родоплеменного строя.

Являясь в этническом и лингвистическом отношении промежуточным звеном между абхазами и адыге и занимая совершенно особое место в западной группе яфетических народов Кавказа, убыхи в свою очередь

¹ См. у Торнау, Берже и др.

не представляли этнически абсолютно однородной массы, подразделяясь на несколько племенных сообществ, отличавшихся друг от друга по территориальному, экономическому и политическому признакам и сохранявших некоторые лингвистические особенности. Известны, например, убыхские племена: вардане, сасше, хизе, субаши, алань и др¹. Из этих племен (**dan**) первые два были наиболее передовыми в смысле экономического и социального развития. Они населяли долины в нижнем течении рек Вардане и Сочи и имели более развитое земледелие и плодоводство, принимая активное участие в береговой торговле с турецкими купцами. Остальные племена убыхов расселялись в нагорной полосе, занимаясь по преимуществу скотоводством. К моменту столкновения с русским царизмом убыхские племена еще не имели установившихся феодальных отношений. Феодальная тенденция была скрыта под покровом патриархальных родоплеменных отношений. В то же время и рабство убыхов в своем развитии почти не вышло за пределы патриархальных «домашних» форм. Характерно, что понятие «раб» по-убыхски обозначается термином «агар» и «ojär»². Первый из них, «агар», на языках абхазо-адыгейской группы означает «негр». Второй же термин («ojär») имеет тесную связь с турецким «gagır», что значит: «чужой» – «чужеземец» – «одинокый» – «бедняк». Интересно, что этот термин имеет хождение в значении «бедняк» и у абхазов («aojär»), и у грузин («garebi»).

Таким образом, очевидно, что контингент рабов составлялся из захваченных в плен или выменянных иноплеменников. Факты закабаления в рабство членов своей общины или соплеменников у убыхов неизвестны. Термин же «агар», несомненно, заимствован от «турецких» купцов-работоторговцев, в ассортименте «живого товара», которых на рынках Средиземноморья рабы-негры играли не последнюю роль, почему в их речи «негр» был синонимом «раба». Следует отметить тут же, что работоторговля на отрезке побережья, занятом убыхами, имела большое

¹ Не имея возможности точно воспроизвести племенные названия по-убыхски, мы сохраняем русскую транскрипцию, в той или иной степени искажающую подлинные имена.

² Так в тексте. – *Прим. сост.*

распространение. Не прямая непосредственная эксплуатация раба в своем хозяйстве, но именно продажа его на экспорт интересовала рабовладельцев-убыхов, результатом чего и было сочетание развитой работорговли с патриархальными формами рабства.

Процесс становления племен у убыхов еще не был завершен в полной мере. Но примитивная родовая организация уже уступила свое место сельской общине («qas-ä»), которая, «будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т.е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности» (Архив Маркса и Энгельса. Т. I. 1924. С. 284).

Выделявшаяся в процессе разложения рода племенная верхушка в той или иной мере узурпировала власть над сельскими общинами и не только эксплуатировала рабов, но и стремилась подчинить себе свободное население, с целью присвоения его прибавочного продукта на основе внеэкономического принуждения. Отношения личной зависимости, несомненно, имели место у убыхов, но маскировались всевозможными идиллическими обычаями и псевдо-родственными связями эксплуататора и эксплуатируемого. Зависимое трудящее население отдавало свой прибавочный продукт господствующей племенной верхушке по преимуществу в форме натуральных приношений, носивших характер «добровольных» взносов, «дарений» и прочих явлений «родовой взаимопомощи». Сила патриархально-общинных традиций была еще очень велика, выражаясь в пережитках аграрного коммунизма (родовые пастбища), в наличии в системе сельских общин обособленных родовых поселков, в существовании общинной администрации (сходы, старейшины), родового права и патриархальной морали. Причина слабого развития феодальных тенденций заключалась в обилии неосвоенных земель и низкой плотности населения, с одной стороны, и в наличии широкой возможности военного грабежа на стороне – с другой. Таким образом, нет никаких оснований безоговорочно называть представителей феодализирующейся убыхской племенной знати «дворянством», как это имеет место в русских официальных документах и в трудах буржуазно-дворянских историков и лингвистов (Услар, Берже, Дирр и др.). Однако следует от-

метить, что почти у всех этих авторов, равно как иногда и в официальных документах, термин «дворянство» употребляется по отношению к убыхам с некоторой осторожностью. Видно, что сами употребляющие этот термин не совсем доверяют ему и пользуются им лишь как привычным и наиболее приближенным определением.

Торнау, например, в своем «Обзоре горских племен» говорит, что «дворянских фамилий у убыхов две: Доцен¹ и Берзеки», но одновременно указывает, что «Саше» (одно из убыхских племен. – А.Ф.) – «это одно общество по всему берегу Черного моря, за исключением Абхазии, признающее над собой власть князя»².

Отсюда следует, очевидно, что кроме племени «Саше» другие убыхские племена не признавали «власти князя».

Берже утверждает, что «убыхи не имеют князей, но зато класс дворян у них многочислен и силен», но тут же отмечает: «главные фамилии, Берзек и Дишан, не имеют никакой признанной власти». Немного далее он говорит, что «убыхи не имеют никакого управления», и одновременно подчеркивает, что «племя Саше пользуется вольностью...»³. Характерно, что здесь Берже явно противоречит Торнау, который в только что цитированном отрывке уверяет, что именно это племя «признает над собой власть князя».

Весьма интересен семантический анализ убыхских терминов, которые Усларом и Дирром переводятся, как «дворянин», «князь» и «крепостной». Дирр переводит убыхский термин «хі», «князь», а «куаѣха» – как «дворянин». Но «хі» по-убыхски означает и «главный», а «куаѣха» имеет очевидную связь с «хіѣа» – термином, выражающим понятие «богатый».

Таким образом, получается следующее уравнение: «князь» – «дворянин» = «главный» – «богатый», что не только является блестящей иллюстрацией марксистского анализа процесса классовообразования и про-

¹ «Доцен» передается у Берже, как «Дишан». В действительности, вероятно, это искаженное «Дже».

² ЦВИА, ВУА, д. № 18511. Л. 3 и л. 17.

³ Кав. календарь за 1858 г., с. 290.

исхождения государственной власти, но и служит свидетельством того, что у убыхов не существовало обособленных специальных терминов для определения понятий, свойственных сословно-феодалным отношениям. Это не может не служить выражением того, что подобные отношения у убыхов были, по крайней мере, слабо развиты.

Что же касается положения зависимого от племенной верхушки прочего населения убыхских общин, то и здесь лингвистические данные говорят о примитивности форм личной зависимости и не дают оснований для установления типичных феодално-крепостнических отношений. А. Дирр переводит убыхский термин «geḡ», как «крепостной», но «geḡ» одновременно означает и «крестьянин». Если даже предположить существование крепостных у убыхов, то, во всяком случае, нет никаких данных считать всех убыхских «крестьян» крепостными. Очевидно, что термин «geḡ» именно и соответствует понятию «крестьянин», но так как масса «крестьян» у убыхов не была еще дифференцирована и все крестьяне находились в одинаковых отношениях к господствующей племенной верхушке, то «крестьянин» одновременно был и «зависимый». Но зависимость убыхских крестьян не была крепостнической зависимостью, и если А. Дирр переводит «geḡ» как «крепостной», то только потому, что для него – буржуазного европейского ученого – всякая личная зависимость непременно должна была казаться крепостнической зависимостью. Таким образом, истинное значение термина «geḡ» – не «крестьянин» – «крепостной», а «крестьянин» – «зависимый».

Чрезвычайно интересно, что синонимом «geḡ» является термин «dūsaqa», также употребляемый убыхами, как «крестьянин». При этом, несомненной является тесная связь первого термина с «dūsaqa», что означает «бедный», «бедняк». Таким образом, наряду с уравнением «князь» – «дворянин» = «главный» – «богатый», налицо еще и другое: «крестьянин» = «зависимый» («крепостной» по А. Дирру) = «бедный».

Это еще раз свидетельствует о слабости общественного расчленения убыхских племен. Мы не имеем здесь не только развитых феодално-крепостнических отношений, но даже и окончательного распада родоплеменных форм. Мы застаем убыхов в XIX в. на той стадии общественного

развития, когда «наряду с разделением на свободных и рабов, появляется различие между богатыми и бедными – обусловленное новым разделением общества на классы»¹. Но, очевидно, процесс классовообразования, протекавший на фоне разложения первичных племенных образований, у убыхов отличался крайне замедленным темпом развития.

Мы имеем у убыхов свободных и рабов, имеем богатых и бедных, имеем, следовательно, налицо личную зависимость и эксплуатацию, но все это покрывалось внешней оболочкой общинных порядков и сохранившимися в немалой степени свою силу патриархально-родовыми традициями.

В сочетании феодальных элементов с рабством и патриархально-общинным укладом и заключается специфика социальной структуры убыхского общества.

Убыхи в большей степени, чем их ближайшие соседи, сохранили примитивное общинное устройство; хотя известно, что и у шапсугов феодальные отношения отличались низким уровнем развития, в то время как формы патриархальной демократии сохраняли у них свою силу еще и в XIX веке. Точно так же феодальные элементы у абзахов и садзов (джигетов) были гораздо слабее, чем в Кабарде или в Абхазии.

Относительно религии убыхов следует отметить, что миссионерская деятельность крымских и турецких мулл, развернувшаяся в конце XVIII в. по всему Западнему Кавказу, первоначально не имела успеха среди убыхов. Новая религия более или менее прочно привилась в тех местностях, где было достаточно сильно феодальное дворянство. Так, например, мусульманство распространилось довольно широко в Кабарде, у бжедухов, в Абхазии, т.е. там, где местная феодальная знать, находящаяся в вассальных отношениях к Турции или к крымским ханам, находила в себе достаточно силы для борьбы с древними родоплеменными религиозными верованиями. Но убыхская племенная верхушка при всем возможном сочувствии к мусульманской религии не оказалась способной навязать ее своим соплеменникам, почему здесь пропаганда ислама и не дала значительных результатов до 1840-х гг., когда она возобновляется с новой силой и гораздо более успешно, но когда источником ее является уже не Крым, а Дагестан.

¹ Энгельс. Происхождение семьи... Партиздат, 1934.

II

До 1830 г. убыхи не имели непосредственных серьезных столкновений с русским царизмом, т.к. занимаемая ими территория до этого времени еще не была объектом активных захватнических действий со стороны русского командования на Кавказе. Царское правительство, разумеется, имело в виду захват всего восточного побережья Черного моря, в том числе и земли убыхов, но воздерживалось от осуществления этого намерения из-за боязни осложнений с Турцией.

Только Адрианопольский трактат 1829 г., согласно которому Турция уступила царской России права на Черноморском побережье Кавказа, дал возможность последней приступить к осуществлению своих захватнических планов в отношении Западного Кавказа.

Еще в начале 1830 г. Паскевичем был разработан план т. наз. «Абхазской экспедиции», целью которой было: 1) овладение побережьем Абхазии и 2) установление прямого сухопутного сообщения между Сухумом и Анапой. Проведение экспедиции было возложено на генерал-майора Гессе, который в июле 1830 г. перевез вверенный ему отряд (численностью около 2000 штыков и сабель) из Редут-калэ в Сухум, откуда часть отряда была направлена морем для высадки десанта в Гаграх, а остальные войска двинуты по берегу от Сухума через Лыхны в Пицунду. Однако по мере передвижения на север выяснилось, что русское командование в Тифлисе во главе с Паскевичем абсолютно незнакомо не только с местными географическими условиями, но – главное – с политической обстановкой района экспедиции.

Заняв несколько пунктов на побережье Абхазии (Гагры, Пицунды, Бомборы), Гессе вынужден был отказаться от выполнения второй задачи, поставленной перед ним Паскевичем, т.е. от продвижения к северу от Гагр. Таким образом, территория, занятая убыхами, опять-таки осталась вне сферы военных действий.

Тем не менее, убыхи, видя приближение царских войск к границам своей страны, не остались безучастными к этому факту и активно помогали своим соседям в борьбе, развернувшейся на Западном Кавказе. Мы видим убыхов и в рядах садзов (джигетов), упорно штурмовавших в ав-

густе 1830 г. возведенное генералом Гессе Гагринское укрепление. Мы видим их тогда же и на Кубани, куда они явились по призыву шапсугов, наткуаджей (натухайцев) и абадзахов участвовать в набегах на построенные летом 1830 г. генералом Эммануэлем Георгиевско-Афонское и Алексеевское укрепления¹.

С 1831 по 1836 гг. русское командование на Кавказе воздерживалось от широких наступательных мероприятий на Черноморском побережье, ограничиваясь обороной Гагр на юге, Анапы и Геленджика – на севере. Поэтому снова имя убухов почти исчезает со страниц официальной переписки царских генералов.

Вплотную убухи сталкиваются с российской колониальной политикой в 1837–1839 гг., когда по приказу Николая I, лично побывавшего на Кавказе в 1837 г., начинается сооружение ряда береговых укреплений в целях создания так наз. «Черноморской береговой линии».

В 1837 г. возникают укрепления: в устье р. Пшада (Ново-Троицкое), в устье реки Вулан (Михайловское) и на мысе Адлер (укрепление «Святого духа»). Первые два построены отрядом ген. Вельяминова, а последнее – в результате десантной операции под начальством ген. Розена.

В 1838 г. сооружаются укрепления: Новороссийское, Вельяминовское (устье р. Туапсе) и Навагинское (на р. Сочи), а в 1839 г. Лазаревское (на р. Псеуапсе) и Головинское (устье р. Шахэ).

Таким образом, на территории, занятой убухами, оказались три форпоста русского царизма – укрепления Головинское, Навагинское и Святого духа, что, с одной стороны, наносило смертельный удар их береговой торговле с турецкими контрабандистами, а с другой – создавало непосредственную опасность вторжения царских войск во внутренние районы страны.

Неудивительно поэтому, что постройка этих укреплений вызывает единодушный протест со стороны убухов, и они начинают ожесточенную борьбу против наступающего царизма. Отпор, который встретили царские войска в земле убухов, был настолько стремителен и решителен, что русскому командованию приходилось постоянно пополнять гарни-

¹ Кубанский Войсковой Архив, л. 1113, с. 85.

зоны вышеуказанных трех укреплений, не думая о продвижении вперед, а беспокоясь лишь о том, как бы не потерять занятые береговые пункты. С самого начала возникновения Черноморской береговой линии царские генералы убедились в том, что наиболее сильным противником на побережье были убыхи.

Несмотря на сравнительную малочисленность, убыхские отряды отличались высокими боевыми качествами. Чаще всего они выступали в пешем строю, причем завоевали себе славу самой «лучшей в горах пехоты»¹.

О военной организации убыхов рассказывает генерал Н. Дубровин – этот «почти официальный историк царского правительства», как называет его М.Н. Покровский.

«Перед выступлением своим в поход... убыхи выбирали себе предводителя. Последним мог быть только человек, известный своей храбростью... Во время похода предводитель пользовался безусловным повиновением своей партии... предводителю предоставлялось действовать по своему усмотрению и не открывать никому заранее своих намерений. Каждый терпеливо переносил от него брань, и даже побои, на которые в обыкновенное время убых, не признававший никаких властей, ответил бы кинжалом. Местом сбора партии назначалось обыкновенно необитаемое ущелье. Только дряхлые старики и малые дети не участвовали в походе. Каждый обязывался иметь с собой необходимую одежду, состоящую из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной воловьей кожи, двух или трех пар толстых носков, сшитых из войлока или толстого горского сукна. Продовольствие такой партии обычно составляли: гоми (пшено), копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, вареное на меду. Все продовольствие каждый, кроме предводителя, нес на себе, на целый месяц. Когда, бывало, партия соберется и составит скопище от 800 до 3000 человек, тогда предводитель отправлялся на место сбора, где осматривал платье и провизию собравшихся... После проверки назначались люди в состав авангарда и арьергарда. Собранная партия делилась на части: люди одной деревни, числом от 10 до 100 человек,

¹ Щербина. История Кубан. войска. С. 261.

составляли особую часть или, по выражению убыхов, отдельный огонь [курсив автора] ... Каждый отдельный огонь имел своего старшину, обязанного делать наряды, вести очередь и в важных случаях приходить к предводителю за получением приказаний и для совещаний... В походе убыхи следовали в две шеренги или, лучше сказать, по два человека рядом... Убыхи делали нападения только ночью, перед рассветом. Перед нападением предводитель делил всю партию на три части: первые две предназначались для нападения и составлялись из самых отборных, а третья часть из стариков, молодых, кашеваров, дровосеков и т.п., образовала резерв»¹.

Таким образом, очевидно, что военная организация убыхов была основана на патриархальных началах. Выборы предводителя, деление на отряды по родам или общинам, своеобразная организация снабжения – все это подтверждает примитивную структуру убыхского войска. Она весьма напоминает нам военную организацию древних германцев, ирокезов и др. племен, о которых говорит Энгельс².

Однако именно эта патриархальность и объясняет, с другой стороны, ту сплоченность, упорство, единство, беззаветную храбрость и героическое самопожертвование, которыми отличались убыхи, крепко связанные между собой родоплеменной общностью. Этими качествами уже не обладали ополчения, построенные по феодальному принципу, и вообще войска тех кавказских народов, общественное устройство которых было уже типично феодальным. Именно в социальной специфике убыхского общества, а не в «национальном характере» убыхов, лежат причины их упорства и стойкости, непримиримости и храбрости в борьбе с русским царизмом. Недаром Энгельс, характеризуя родовое общество, говорил: «А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывает восхищение всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямотушием, силой характера и храбростью этих варваров. Примеры этой храбрости мы видели

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. I. Изд. 1871. С. 254–257.

² Происхождение семьи... Партиздат, 1934. С. 121, 81, 96 и 97.

совсем недавно в Африке¹. Кафры-зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад – племена, у которых родовые учредения еще не исчезли, [курсив наш. – А.Ф.] – сделали то, чего не смогло бы выполнить ни одно европейское войско... Они под дождем пуль скорострельных ружей английской пехоты... довели дело до штыкового боя: не один раз приводили они ее в расстройство и даже опрокидывали, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то, что они не отбывают воинской повинности и не знают, что такое военное обучение»².

В первый период борьбы убыхов с русским царизмом военно-политическое руководство находилось в руках рода Берзек, который представлял собой племенную верхушку, выделившуюся в процессе развития экономического и социального неравенства среди своих соплеменников. Из рода Берзек чаще всего выбирались предводители при военных набегах. Из рода Берзек вышел известный Хаджи-Берзек, пользовавшийся большим авторитетом не только среди убыхов, но и на всем Западном Кавказе; в 1839 г. голова его была оценена царским правительством крупной суммой денег.

Хаджи-Берзек с самого начала не ограничивался обороной территории, занятой убыхами, а ставил своей задачей организацию всеобщей совместной борьбы против русского царизма всех соседних народов и племен. Вместе с шапсугами он нападает с убыхским отрядом в 1837 г. на Михайловское укрепление (на р. Вулан), вместе с абхазским племенем Ахчипсы он угрожает в 1839 г. приморским общинам садзов (джигетов), которые не оказывают сопротивления царским войскам. Он ведет переговоры о совместных действиях с псхувцами и посылает гонцов в Цабал и Дал, жители которого держат под ударом Сухум-калэ³.

Это стремление к объединению в борьбе с царскими захватчиками находит отклик в сердцах трудящихся масс народов Западного Кавказа. Массовый характер освободительное движение принимает зимой

¹ Речь идет о захватнических войнах Англии в Африке в 1879 и 1882 гг.

² Ibid. С. 99.

³ ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 2–7.

1840 г., когда вследствие неурожая и вызванного суровой зимой падежа скота на южном склоне Главного хребта разразился страшный голод. Отрезанные от побережья русскими укреплениями жители приморских районов были лишены возможности поправить свое положение и путем товарообмена с турецкими купцами. Все это подняло народные массы против царских захватчиков. В феврале 1840 г. все Черноморское побережье пылает огнем всеобщего восстания.

Повстанцами были взяты штурмом в течение полутора месяцев 4 укрепления: 7 февраля – Лазаревское, 27 февраля – Головинское, 29 февраля – Вельяминовское, 22 марта – Михайловское. 14 марта под угрозой штурма находилось укрепление Святого духа, а 23 и 24 марта едва было не взято Навагинское укрепление.

Характерно, что повсюду в рядах повстанцев сражались бок о бок убыхи, шапсуги и наткуаджи, причем ведущая роль почти всегда принадлежала убыхам. Так, например, Лазаревское укрепление было взято отрядом убыхов, шапсугов и наткуаджей численностью до 1200 человек, с помощью убыха Шоген-Муса, который до этого три месяца жил в укреплении, выдавая себя за бежавшего от преследования кровников, а на деле являясь лазутчиком повстанцев. Благодаря Шоген-Муса предводители повстанцев знали все слабые стороны и уязвимые пункты укрепления. В ночь на 7 февраля Шоген-Муса бежал, а на рассвете подвел авангард повстанцев, состоявший из убыхов, под самые стены укрепления, убил часового и этим обеспечил полную внезапность атаки. Благодаря этому, спустя три часа, из 184 офицеров и солдат гарнизона было уничтожено 144, а 40 взято в плен, несмотря на то что укрепление имело крепкие валы из туров и несколько орудий, которые могли поражать картечным огнем все ближайшее пространство на 180°.

Может показаться странным, почему убыхи, державшие в своих руках инициативу восстания, нанесли первый удар не по тем форпостам русского царизма, которые находились на их территории (Навагинское и Головинское), а по тем, которые замыкали участок побережья, принадлежащий шапсугам.

Однако именно в этом и заключался стратегический план убыхского руководства. Организаторам восстания было прекрасно известно

состояние укреплений Черноморской береговой линии. Наименее боеспособными были как раз гарнизоны Лазаревского, Михайловского и Вельяминовского укреплений, среди которых насчитывалось от 50 до 75% больных цингой и малярией. Кроме того, нанося удар по этим укреплениям, повстанцы вбивали клин на стыке 1-го и 2-го отделений Черноморской береговой линии, лишая гарнизоны Головинского и Навагинского укреплений надежды на выручку с севера, что, принимая во внимание малочисленность царских войск в Абхазии, обрекало гарнизоны вышеуказанных укреплений, казалось, на верную гибель.

Кроме того, развертывая первые победоносные операции против укреплений, лежащих на шапсугском побережье, убыхское руководство этим самым сразу вовлекало в ряды восставших массы шапсугов и наткуаджей. Следовательно, направление первого удара (Лазаревское – Вельяминовское), намеченное убыхским руководством, можно было бы признать абсолютно правильным, если бы отсутствовал важный стратегический фактор, каким являлась царская военная эскадра, господствовавшая на Черном море. Значение этого фактора не было учтено руководителями восстания, а именно благодаря десантным операциям, проводимым под прикрытием судовой артиллерии, царское командование не только сумело оказать помощь Навагинскому и Адлерскому («Св. духа») укреплениям, но и перейти впоследствии в контрнаступление по всему побережью.

Внешняя обстановка благоприятствовала восстанию. С 1837 г. особенно активной стала деятельность англо-турецких контрабандистов и эмиссаров на Черноморье, которые, отвлекая внимание русского командования, одновременно оказывали помощь повстанцам оружием и боеприпасами, причем это не могло не оказывать влияния и на политико-моральное состояние последних, укрепляя популярную в то время среди кавказских трудящихся идею о скором конфликте между Россией, с одной стороны, Турцией и европейскими державами – с другой.

На Восточном Кавказе царское командование было обеспокоено восстанием в Чечне, которое дало возможность снова поднять голову Шамилю в Дагестане, потерпевшему было поражение в 1839 г. под Ахульго.

Однако в этот период тесных связей между повстанцами Дагестана и Чечни с движением на Западном Кавказе еще установлено не было.

Восстание на Черноморском побережье, начатое убыхами, подняло лишь шапсугов и наткуаджей. Даже абхазы держались довольно пассивно. То, что ведущая роль в восстании 1840 г. на побережье принадлежала убыхам, подтверждается официальными документами и, в первую очередь, распоряжениями и мероприятиями царского правительства.

12 апреля 1840 г. военный министр граф Чернышев, получив известия о разгроме Черноморской береговой линии, в резких тонах осуждает начальника ее, генерала Раевского, и приказывает командующему Отдельным Кавказским корпусом немедленно направить карательную экспедицию в «землю убыхов», предписывая «жечь и уничтожать их посе́вы, жатву и запасы»¹.

В рапорте Чернышеву Раевский, в свою очередь, обращает внимание военного министра на необходимость «более решительно действовать против убыхов».

«Мы едва можем защищать Абхазию, – пишет Раевский, – пока убыхи в связи с джигетами. Из этого следует необходимость принудить сих последних к немедленной покорности, а потом, соединенными силами джигетов и Абхазии, поддержанными нашими войсками, действовать решительно против убыхов»².

«Цебельдинцы подстрекаются убыхами... В Абхазии часть народа готова восстать против владельца и присоединиться к убыхам», – доносит Раевский в другом рапорте³.

Тем не менее, пламя восстания, начатого стремительным натиском на береговые укрепления, к апрелю 1840 г. стало затухать. Причиной этого были, во-первых, пассивность шапсугов и наткуаджей, населявших северную покатость Главного хребта, во-вторых, низкий идейно-политический уровень массы повстанцев, обусловленный родоплеменной ограниченностью их сознания. Большинство рядовых участников движения

¹ Арх. Шт. Отд. Кавк. корпуса, д. № 13 за 1840 г.

² Рапорт от 16-го июля 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 1–5.

³ Рапорт от 17 окт. 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 1–2.

видело свою задачу лишь в том, чтобы уничтожить те ближайшие русские форпосты, которые угрожали независимости их селений и общин, не поднимаясь до осознания необходимости борьбы за освобождение всего Кавказа или хотя бы всего Черноморского побережья. Боеспособность и смелость повстанцев падала тем сильнее, чем дальше они уходили от родных селений.

Кроме того, и среди убыхской племенной знати, державшей в своих руках руководство восстанием, начала расти тенденция к примирению с царским правительством, по мере того, как снята была непосредственная угроза российской экспансии в виде разгромленных в феврале-марте береговых укреплений. Феодалы же элементы шапсугов и наткуаджей вообще не принимали участия в движении.

Все это дало возможность царскому командованию в мае 1840 г. путем десантных операций занять развалины Вельяминовского и Лазаревского укреплений. При этом из последнего была отправлена карательная экспедиция по долине р. Псецуапе, в результате которой сожжено было 13 шапсугских аулов с уничтожением всех виноградников и насаждений.

Это обстоятельство окончательно парализовало распространение восстания на северо-запад и поставило убыхов лицом к лицу с русским царизмом.

Не рассчитывая теперь уже на шапсугов, убыхское руководство во главе с Хаджи-Берзеком стремится обеспечить себе поддержку на юго-востоке, надеясь привлечь к восстанию садзов (джигетов), ахчипсы, айбга и другие абхазские племена.

Эта задача является для Хаджи-Берзека тем более актуальной, что царское командование усиленно ведет переговоры с джигетским дворянством, рассчитывая в свою очередь натравить их на убыхов со стороны р. Мзымты.

«Появление русского отряда... заставит всех прибрежных джигетов решиться на явную покорность и выдать аманатов. Это поставит их в явную вражду с убыхами»¹.

¹Рапорт г. Раевского от 16 июля 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 2.

Осенью 1840 г. Хаджи-Берзек с 2.500 убыхов и ахчипсы появляется на берегах р. Бзыби, одновременно посылая гонцов к дальцам (абхазы, населявшие ущелье р. Кодора)¹.

Однако развертыванию решительных действий Хаджи-Берзека в Абхазии помешали, очевидно, противоречия его с некоторыми другими представителями убыхской племенной знати, настроенными примиренчески. Во главе последних стоял вождь сочинских убыхов Аубла-Ахмет.

Генерал Раевский объясняет неожиданную пассивность Хаджи-Берзека следующим образом:

«Цель движения Хаджи-Берзека с убыхами к границе Абхазии – или не была вторжение в сию последнюю, или исполнению ее помешали раздоры между Хаджи-Берзеком и убыхским князем Аубла-Ахметом. Сей последний, как говорят, не хотел участвовать в нападении на Абхазию, имея там свои связи. Хаджи-Берзек остановился, не доходя до Бзыби, составляющей границу Абхазии... Он ограничился: 1) войти в сношения с Цебельдою и Далом, и в них найти себе союзников в тылу Абхазии; 2) наказать цандрипшских князей (часть джигетов), вступивших нынешний год в русское подданство. Он успел и в том, и в другом. Цандрипш им опустошен, и Цебельда начала волноваться, но сие волнение имело важность только в Далах, т.е. горной ее части... Дальцы укрепляют завалами все тропы своего ущелья и ожидают на помощь 1000 горцев, которых Хаджи-Берзек обещал им прислать на всю зиму»².

К этому времени русские гарнизоны береговых укреплений от Геленджика до Адлера были удвоены и даже утроены, но это в значительной мере было проведено за счет ослабления гарнизонов в Абхазии. Хаджи-Берзек, учитывая это, тем более активно проявляет себя в отношении Абхазии, где он ищет союзников не только в жителях горных районов (Ахчипсы, Псху, Дал), но и среди трудового крестьянства, поднимающегося на борьбу с местными феодалами – союзниками русского царизма. Восстание абхазских крестьян во главе с Измаилом Допуа, вспыхнувшее

¹ Ibid., л. 6.

² Рапорт ген. Раевского от 17 октября 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 7–8.

летом 1840 г. в Кодорском районе, несомненно, имело связь с движением убыхов. Политическое положение Абхазии поэтому не могло не внушать опасений царскому командованию, через лазутчиков и джигетских дворян осведомленному о намерениях Хаджи-Берзека. Рапорт генерала Раевского графу Чернышеву от 23 ноября 1840 г. подтверждает это со всей очевидностью.

«По собранным мною сведениям, убыхи с соумышленниками своими, обратятся нынешнюю зиму не на 1 отделение¹, а на Абхазию. Береговые укрепления приведены в такое оборонительное положение, что можно надеяться на их безопасность. Все заставляет думать, что Хаджи-Берзек преимущественно обратится на Абхазию, где он не найдет сопротивления, где ожидает его надежда взволновать край против нас, а, во всяком случае, добыча гораздо богаче, чем в укреплениях, хотя мы можем надеяться на преданность Владетеля Абхазии, но есть часть народа, которая готова восстать против него и присоединиться к убыхам. Вторжение Хаджи-Берзека будет сигналом восстания Абхазии, Цебельды, Самурзакании, восстания, которое остановится только на границах Мингрелии, Имеретии, и подвергнет разорению ту и другую. Тогда, что будет стоить вновь покорение Абхазии, Цебельды и Самурзакании?

По всем береговым укреплениям уже носят слухи, что Хаджи-Берзек сзывает береговые и закубанские племена, но между тем как все угрожает Абхазии, – средства к ее обороне уменьшаются: по новой дислокации гарнизоны в Гаграх и Бомборах, главнейших пунктах Абхазии, уменьшены против прежнего в каждом одною ротой. Распоряжение это уже приводится в исполнение.

Десятилетнее спокойствие не должно вводить нас в заблуждение, тогда мы еще не занимали восточного берега, тогда еще занятием Субаши и Сочи в земле убыхов мы их не вооружили против себя... тогда, наконец, вместо 2 линейных батальонов, разбитых в укреплениях Абхазии, Цебельды и Самурзакании, мы в одних Бомборах держали целый 22-й Егерский полк».

¹ «Черноморская береговая линия» разделялась тогда на 2 отделения: от Анапы до Навагинского укрепления и от Навагинского до Ингура.

Раевский просит Чернышева усилить гарнизоны в Абхазии еще одним линейным батальоном, а в Новороссийске расположить Тенгинский пехотный полк «в виде резерва Береговой линии».

«В противном случае, повторится в предстоящую зиму то, что было в прошедшую, и я не знаю, что сделается с Абхазией, если Хаджи-Берзек обратится на нее с 15000 человек, как в прошлом году, на береговые укрепления»¹.

Просьба Раевского была удовлетворена. Гарнизоны Сухума, Гагр, Бомбор и др. укреплений были усилены, а в конце декабря 1840 г. была организована карательная экспедиция для «приведения к покорности возмутившихся дальцев». Несмотря на упорное сопротивление последних, Дал в январе 1841 г. был разгромлен, причем по приказу начальника экспедиции полковника Муравьева, все жители были выселены, а жилища их и запасы «преданы огню»².

С Далом полковнику Муравьеву удалось покончить раньше, чем убыхи сумели оказать ему помощь, но что последняя могла быть оказана, подтверждает тот факт, что немедленно, по занятии Дала, Муравьев отделил часть своего отряда «в составе 3-х рот Тенгинского пехотного полка с одним горным единорогом и 4 негорными мортирками» для движения на р. Бзыбь, «где опять угрожали Абхазии убыхи»³.

Авангарды убыхов, обойдя Гагры, действительно консолидировались в Бзыбском ущелье.

15 февраля 1841 г. отряд убыхов, числом около 1000 человек, под предводительством Керентуха Берзека (племянника Хаджи-Берзека) сделал глубокий рейд по Бзыбской Абхазии, напав на селение Отхары, принадлежащее владельцу Абхазии князю Михаилу Шервашидзе. Возвращаясь оттуда, 20 февраля этот отряд атаковал Гагры, но был отбит орудийным огнем⁴.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 10–11.

² Ibid., л. 44–50, рапорт полк. Муравьева.

³ Рапорт полк. Муравьева от 7 января 1841 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 45.

⁴ Журнал военным происшествиям в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 93.

Одновременно убыхи не оставляли в покое и береговые укрепления, о чем доносит графу Чернышеву командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Головин:

«Между укреплениями Лазарева и Головинским имеют они (убыхи. – А.Ф.) несколько орудий, к которым приучают артиллеристов с намерением бомбардировать оба эти укрепления. Между фортами Головинским и Навагинским горцы в довольно значительном сборе и беспрестанно выстрелами тревожат по ночам как то, так и другое укрепление...»¹.

Однако поражение дальцев и пребывание большого количества царских войск в Абхазии содействовало активизации примиренческих русофильских настроений не только среди абхазского дворянства, но и в кругах убыхской племенной знати.

Мероприятия царского правительства в Абхазии служили конкретным выражением военно-феодальной колониальной политики. Царское правительство в своей захватнической политике повсеместно опиралось на местные феодальные элементы, закрепляя их эксплуататорские права, покупая их щедрой раздачей чинов и наград и превращая их, таким образом, в орудие колониального порабощения трудящихся масс местного населения.

Постройка укреплений на побережье Абхазии и карательные экспедиции, предпринимаемые царскими генералами во внутренние районы страны, укрепили авторитет князя Михаила Шервашидзе, который был «высочайше утвержден» владельцем Абхазии еще в 1824 г., но до 1830 г. вынужден был скитаться за ее пределами, будучи изгнан восставшим крестьянством.

Сами царские сатрапы признавались впоследствии, что «Раевский сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии»².

В свою очередь Михаил Шервашидзе и его тавады и аамыста (Хасан Чачба, Хасан Маан, Кац Маан, Званбая и др.) были верными проводниками колониальной политики российского самодержавия, получая «за

¹ Журнал военных происшествий в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 93.

² Воспоминания ген. Филипсона, «Рус. архив», 1884. С. 209.

усердие к службе царской» офицерские чины, награды, денежные подарки.

Примером может служить «приведение к покорности» джигетов (садзов), представители феодальной верхушки которых (дворяне Хамыш, Гячъ, Цанба, Чуу и др.) дали клятвенное обещание на верность «самодержцу и великому государю всероссийскому». По поводу этого акта новый начальник Черноморской береговой линии генерал-майор Анреп в своем рапорте писал: «Спешу доложить вашему высокопревосходительству¹, что главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии генерал-майор князь Михаил Шервашидзе, которого ревность к пользам нашего правительства превосходит всякую похвалу... Он не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами... При том же он мог в подтверждение своих слов указывать на пример Абхазии, которая в подданстве его императорского величества, сохранив все свои права и обычаи, достигла небывалого прежде благосостояния»².

Если в последней фразе этой цитаты выражение «пример Абхазии» заменить словами «пример абхазского дворянства», то очевидно, что это соответствовало действительности. В самом деле, под защитой русских штыков, абхазские феодалы, «сохранив все свои права, достигли небывалого прежде благосостояния», что не могло не импонировать не только джигетским дворянам, но и убыхской племенной знати. Представители последней, вслед за присягой джигетского дворянства, начинают склоняться к переговорам с царским правительством. Немалую роль и здесь играл Михаил Шервашидзе, находившийся в близких отношениях с самим Хаджи-Берзеком³.

9 мая 1841 г. произошла первая встреча убыхских делегатов во главе с Хаджи-Берзеком с генералом Анрепом в присутствии Михаила Шервашидзе, Каца Маан и других «почетных дворян абхазских».

¹ Рапорт адресован ген. Головину.

² Рапорт ген. Анрепа от 25 мая 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 11.

³ В детстве Михаил Шервашидзе воспитывался в семье Хаджи-Берзека и, согласно родовым обычаям, считался, таким образом, его названным сыном.

С самого начала переговоров среди убыхской делегации выявились разногласия. Сторонником мира с русскими, немедленного «принесения покорности» был вышеупомянутый вождь сочинских убыхов Аубла-Ахмет, «которого владения простирались между устьями рек Мица, Соче и Псаха, и состояли из 700 дворов». Противниками соглашения были «убыхи с Вардане и из окрестностей укрепления Головинского (Шахэ. – А.Ф.), которые поддерживали закоренелую вражду своих соплеменников»¹.

Хаджи-Берзек, по словам ген. Анрепа, «опасаясь потерять влияние на народ, говорил в собрании против мирных сношений с русскими, но, с другой стороны, выслушав все обещания владетеля (Шервашидзе. – А.Ф.), тайно дал ему слово, что не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся...»².

Следовательно, племенная знать убыхов (Берзеки) уже полностью склонилась к соглашению с царизмом, тогда как «простой народ» по-прежнему был готов защищать свою независимость. Если Хаджи-Берзек, видимо, еще колебался, то его племянник Керентух проявил откровенную решимость. «Он... дал и мне, и владетелю Абхазии слово за себя и за дядю, – пишет Анреп, – что у убыхов не будет такого сближения, которое бы могло быть опасно покорившимся. Вообще, Керентух показался мне человеком замечательным и могущим впоследствии быть для нас весьма полезным»³.

Генерал Анреп далее выражает сожаление о том, что прямолинейная захватническая политика его предшественника Раевского восстановила Берзеков против царизма и считает «ошибочной мерой» то, что в 1839 г. Раевским была оценена голова Хаджи-Берзека.

Первый тур переговоров окончился 12 мая 1841 г., когда Аубла-Ахмет принес присягу на верность «престолу всероссийскому», а остальные убыхские делегаты уехали обратно, возмущенные этим поступком.

«Приведение к покорности» джигетов и небезуспешные переговоры с убыхами настолько обрадовали Николая I, что он пожаловал ге-

¹ Рапорт ген. Анрепа от 25 мая 1841 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 12–13.

² Ibid.

³ Ibid.

нералу Анрепу «всемиловейший рескрипт», полковника Муравьева произвел в генерал-майоры, Михаила Шервашидзе наградил «орденом святой Анны первой степени» и «всем присягавшим князьям и дворянам» распорядился выдать денежные подарки в сумме 39 червонцев и 2311 рублей серебром¹.

Обилие «монарших щедрот» показывало, что царское правительство считало «покорение» убыхов делом первостепенной важности, что еще раз подтверждает выдающуюся политическую роль, какую играли убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе.

Измена Берзеков делу освободительного движения вызвала глубокое возмущение народа. Интересы племенной знати столкнулись с решениями народных собраний. Отбросив оболочку идиллических родовых обычаев, «главные» и «богатые» обнажили свою эксплуататорскую сущность, пойдя по стопам абхазского дворянства на союз с российским самодержавием.

Однако они не располагали аппаратом для подавления протестующих соплеменников. Патриархальная демократия нашла еще силу противопоставить себя узурпаторам. Взрыв народного гнева заставил Берзеков отступить от своих обещаний, данных царскому правительству. «20 мая, – читаем мы в очередном рапорте ген. Анрепа, – убыхи, собравшись в значительном числе, арестовали покорившихся князей Аубла-Ахмета и Зураба Хамыша и сверх того несколько других лиц, имевших с нами переговоры, в бытность мою в укреплении Святого духа. Между сими последними были: Хаджи-Берзек, племянник его Керентух и Мурад, житель долины Вардане, известный между убыхами своею храбростью. Князья Аубла-Ахмет и Зураб Хамыш были вынуждены отречься от принесенной ими присяги и тогда только освобождены из-под ареста. Задержание Хаджи-Берзека продолжалось недолго, и он тотчас же начал делать распоряжения о сборе всех убыхов для действий против покорившихся джигетов»².

Что Хаджи-Берзек вынужден был нарушить тайное свое обещание, данное им Михаилу Шервашидзе, и встал опять во главе освободитель-

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 23–27.

² Рапорт ген. Анрепа от 30 мая 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 42.

ного движения только ради того, чтобы не потерять окончательно своего авторитета в глазах народа, совершенно очевидно. Тот же ген. Анреп, спустя некоторое время, характеризовал Хаджи-Берзека следующим образом: «Многие обстоятельства заставляют меня полагать, что в его враждебной предприимчивости есть более расчета, чем ожесточения»¹.

Однако демобилизованные настроения Берзекос внесли, разумеется, разложение в ряды убыхов. К тому же и Хаджи-Берзек, может быть, преднамеренно, от наступательной тактики перешел к оборонительной, что дало возможность царскому командованию сосредоточить крупные силы на месте Адлер для проведения карательной экспедиции в землю убыхов.

Когда в устье р. Мзымты (вблизи укрепления Св. духа) в начале июня 1841 г. собрался готовый к выступлению отряд царских войск в составе 12 рот пехоты, полусотни казаков при 6 горных орудиях, подкрепленный абхазской «милицией»² князя Михаила Шервашидзе, то эта угроза была столь значительной и реальной, что теперь уже все представители убыхских общин вынуждены были, ради выигрыша времени, пойти на переговоры с царизмом. Однако и царские генералы не чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы немедленно покончить с убыхами, и потому заключенное в результате этих переговоров соглашение носило крайне половинчатый и, разумеется, временный характер.

«Я склонил убыхов согласиться на следующие условия», – писал Муравьев: «1) Что я им назначаю трехмесячный срок для размышления, чтобы последовать джигетам – покориться правительству и принести присягу в верности. 2) В течение этого срока они не должны не только действовать силою против покорных нам джигетов, но и не проходить через их землю для набегов на Абхазию. 3) Они немедленно должны возвратить джигетам аманатов, издавна у них находившихся, и 4) джигеты в замену этого не будут делать набегов на землю убыхов»³.

¹ То же от 6 июня 1842 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 39.

² «Милиция» – иррегулярные отряды, собиравшиеся владетельными князьями в порядке феодальной повинности.

³ ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 65–66.

Соглашение с убыхами было заключено 4 июня 1841 г., но прочность его была, разумеется, весьма сомнительна. Оно было нарушено, прежде всего, самим же царским командованием. Сообщая графу Чернышеву о состоявшемся соглашении, генерал Анреп одновременно добавляет: «Впрочем, и теперь опасность не миновалась... На этих соображениях основано мое полное и совершенное убеждение, что высочайше одобренная сухопутная экспедиция к убыхам непременно должна быть произведена в нынешнем году; отложить же ее до будущего года – значит несравненно увеличить все затруднения, а может быть, и потерять то, что ныне приобретено»¹.

Не теряли времени и убыхи, представители которых в июле 1841 г. вели оживленные переговоры с шапсугами, наткуаджами и абдзахами, стараясь снова организовать всеобщее восстание на Черноморском побережье. Н. Дубровин приводит цитату из «Дефтера»², принятого «народным собранием черкесских племен», состоявшимся в 1841 году на р. Пшехе с участием убыхов, шапсугов, абдзахов и наткуаджей: «Никто из нас не должен идти к неверным, дружеские сношения с неверными строжайше запрещены, и потому всякий мир и предложение с их стороны должны быть постоянно отвергаемы... Как только русские войска вступят в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, куда требует опасность»³.

Однако, попытка убыхов привлечь шапсугов и абдзахов к действиям против отряда ген. Муравьева, угрожавшего им со стороны мыса Адлер (укрепление «Святого духа»), не имела успеха. Абдзахи были отвлечены операциями генерала Засса на р. Кубани. Шапсуги отбивались на два фронта – против того же Засса на севере и против «поисков», совершаемых гарнизонами береговых укреплений.

Неудачной оказалась и попытка убыхов взять штурмом Навагинское укрепление, предварительно бомбардировав его из нескольких имею-

¹ Рапорт ген. Анрепа от 18 июня 1841 г., Акты К. А. К. Т. IX. С. 509.

² «Дефтер» – по-турецки «лист», «книга».

³ Дубровин Н. Черкесы, изд. Адыг. общ-ва краеведения, Краснодар, 1927. С. 158.

щихся в их распоряжении пушек. Ген. Муравьев направил в Навагинское часть своего отряда, который и заставил повстанцев отступить в горы. Появление крупного отряда царских войск на р. Сочи (у Навагинского укрепления) в «сердце земли убыхов» имело, конечно, весьма отрицательное влияние на политико-моральное состояние последних. Прежде всего, окончательно восторжествовала пораженческая тенденция в кругах племенной знати. «Вчера, после отчаянной атаки на наше правое прикрытие, Хаджи-Берзек оставил сборище, сказав: «Теперь дерись кто хочет, а я еду домой»¹.

Царское командование, однако, не решилось осуществить полностью свои планы в отношении проведения карательной экспедиции вглубь занятой убыхами территории, ограничившись лишь проходом вдоль берега моря и разрушением нескольких приморских селений, жители которых «бежали в дальние горы».

Несмотря на поражение повстанцев, еще не могло быть и речи о полной победе русского царизма. В рапорте от 19 марта 1842 г. ген. Анреп снова вынужден напомнить Чернышеву, что «глава этого племени (адыге. – А.Ф.) – убыхи, и пока они сохранят то же влияние на эту часть Кавказа, никакое приобретение наше не может быть прочным...»².

Тем не менее, с 1842 г. освободительное движение на Западном Кавказе вступает в новую фазу. Последняя характеризуется окончательным переходом убыхской племенной знати и феодальных элементов адыгейского народа на сторону русского царизма, социальной опорой которого они становятся, благодаря чему освободительное движение становится крестьянским движением и принимает новые организационные формы и иную идейную окраску.

Союз российского правительства с предателями Берзеками закрепляется весной 1842 г. Генерал Анреп описывает эти решающие переговоры с Берзеками следующим образом: «Начальник 3 отделения генерал-майор Муравьев донес мне от 18 февраля за № 4 об известии, которое он

¹ Рапорт ген. Анрепа от 11 октября 1841 г., Акты К. А. К. Т. IX. С. 513.

² ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 5.

получил от воинского начальника укрепления Головинского, капитана князя Туманова, что живущие по рекам Шахэ, Субаши и окрестным долинам дворяне главной между убыхами фамилии Берзек неоднократно приезжали в укрепление Головинское и просили представить их главному начальнику для изъявления покорности его императорскому величеству со всеми их подвластными. Время было бурно, и ген. Муравьев не съезжал с парохода, но к нему немедленно явились значительнейшие из тех дворян – Эдик и Мату Берзеки, которые уже готовы были ехать с сею целью в Абхазию на казачьем баркасе.

Убеждаясь в искренности этих людей, просивших принять их покорность на тех же основаниях, как таковая принята была от джигетов, генерал-майор Муравьев назначил им собраться в долине реки Шахэ, близ укрепления Головинского, а сам немедленно прибыл в Керчь с этим известием.

Понимая всю важность этого события, могущего иметь решительное влияние на покорение всех убыхов, я отправился 22-го февраля в укрепление Головинское, но застигнутый в море бурями, мог прибыть туда лишь 25 числа того месяца.

Жители окрестных долин были в сборе недалеко от укрепления, а 27 февраля убыхские дворяне: Шеулех-уко-Амщук Берзек, Хапеш-уко-Эльбуз Берзек, Шеулех-уко-Эдик Берзек и Шеуей-уко-Мату Берзек присягнули за себя и своих подвластных на вечное подданство великому государю. Обязательства, которые приняли на себя присягнувшие, ваше сиятельство (рапорт Анрепа адресован графу Чернышеву. – А.Ф.) изволите усмотреть из представляемой при сем копии клятвенного обещания»¹.

Из текста этого клятвенного обещания видно, что, признав себя поданным царской России, Берзеки были только ограничены во внешней политике, но ничем не были ущемлены в отношении своих прав над субашинскими общинами. Напротив, поддержка царского правительства, вассалами которого они теперь являлись, обеспечивала усиление их политического авторитета и открывала возможность для дальнейшего

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 6–7.

расширения их эксплуататорских прав. Утвержденные царским правительством автономными владельцами субашинского ущелья, Берзеки несомненно сделали этим самым крупный шаг по пути феодализации, по пути укрепления феодальной собственности.

Пункты «клятвенного обещания» говорят только о подданстве и вообще сформулированы гораздо мягче, чем многие подобные акты, подписанные в свое время феодальными владельцами Кавказа. Это объясняется, конечно, только тем, что убыхи представляли собой в это время еще достаточно грозную силу, еще сохраняли свою боеспособность, и царское командование не могло еще разговаривать с убыхами языком победителя. Разумеется, царское правительство рассматривало данный акт как первую ступень к достижению своей цели в отношении покорения убыхов, надеясь в лице Берзеков создать для себя опору в своей колониальной политике на Черноморском побережье. Переговорам с Берзеками царское правительство придавало весьма серьезное значение. Это видно хотя бы из того, что сразу же после получения известия о присяге Берзеков, Николай I «пожаловал» каждого из них в поручики и «повелеть соизволили производить сим офицерам жалованье по 200 руб. серебром в год и сверх того выслать им эполеты... за особые услуги нашему Правительству»¹.

Расчеты царского правительства Берзеков оправдались полностью. В очередном рапорте ген.-м. Анрепа содержится указание на то, что «поведение новых подданных государя императора превзошло все мои ожидания» и что, вслед за субашинскими Берзеками, «Хаджи-Берзек чрез нарочного дал мне знать, что он желает иметь со мной свидание»².

При этом Анреп подчеркивал, что он «совершенно убежден, что от прочного покорения убыхов зависит покорение и спокойствие не только вверенной мне линии, но всего нагорного края Кавказа от Военно-грузинской дороги до берегов Черного моря»³.

¹ Отнош. директора канцелярии Воен. мин. от 14.III.1842 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 12.

² ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 25.

³ Ibid.

Хотя соглашение с Берзеками и не означало «прочного покорения» убыхов, но, тем не менее, оно оказало отрицательное влияние на их боеспособность. Берзеки использовали весь свой авторитет для того, чтобы ослабить мощь освободительного движения, которое теперь лишилось военно-политического руководства. Однако их измена еще не привела к полной победе русского царизма. Патриархальная демократия еще раз сумела показать свою силу, противопоставив себя теперь уже блоку русского царизма со своей «собственной» племенной верхушкой. С 1842 г. влияние Берзеков среди трудящихся масс убыхских племен быстро падает. Даже наиболее популярный вождь, каким был Хаджи-Берзек, хотя и не присягнувший официально царской России, теряет свой авторитет. Убедившись в этом, он отрекается от политической деятельности, направляясь на богомолье, о чем, как о «замечательнейшем происшествии», сообщает начальник Черноморской береговой линии ген. Будберг в рапорте графу Чернышеву от 2 июля 1846 г.¹ Смерть Хаджи-Берзека совпадает с новым подъемом освободительного движения на Западном Кавказе, которое, однако, приобретает совершенно иные формы и развиваются на новой основе.

III

Новый подъем освободительного движения на Западном Кавказе совпадает с победами мюридизма в Дагестане и Чечне.

Последние оказывают настолько сильное влияние на адыгейские племена и убыхов, что новая фаза их борьбы с русским царизмом развивается в основном под теми же лозунгами, которые были начертаны на знамени Шамиля.

«Мюрид должен поставить себя ниже всякой божьей твари так, чтобы самый сильный вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными, чтобы слон и мошка производили на него равное впечатление»². Эта формулировка содержит именно то рациональное

¹ Ibid., д. № 6597, л. 59. Характерно, что Будберг называет Хаджи-Берзека не «дворянином», а «старшиной».

² Заповеди мюридизма. Сб. свед. о кавк. горцах, IV.

зерно программы мюридизма, которое, будучи освобождено от «божественной» шелухи дало такие богатые всходы на почве кавказской патриархальной демократии.

Мюридизм имел наибольшие успехи именно там, где больше всего сохранились патриархально-общинные порядки, где демократические общины нашли силу противопоставить себя феодально-родовой знати, открывавшей ворота царским захватчикам.

«Чтобы понять, почему Дагестан сделался родиной мюридизма, надо иметь в виду еще его две черты. Первой из них является чрезвычайная сплоченность и дружность той первобытной общины, которая представляла здесь основную социальную ячейку»¹.

Как бы ни критиковать внутреннюю политику Шамиля и его наивов, как бы ни расценивать противоречия между «аульской верхушкой» и крестьянской массой, но нельзя не признать, что «мюридизм был демократическим движением, всюду низвергавшим власть беков и ханов, основанную на наследственном праве»², нельзя не согласиться, что несмотря на теократические формы, «власть Шамиля была чисто демократической»³.

Недаром же Маркс, внимательно следивший за освободительной борьбой трудящихся Кавказа, назвал Шамиля «великим демократом».

Такие мероприятия, как избиение аварских ханов, ликвидация феодальных привилегий местной знати, освобождение рабов (кулов), находившихся во владении последней, не могли не воспламенять сердца угнетенных и эксплуатируемых.

Сила мюридизма была в том, что он восстанавливал примитивно-демократическую организацию кавказских общин, что он объединял трудящихся в борьбе против местной феодальной знати и против захватнической политики дворянско-крепостнической России. Шариат содействовал сплочению разноплеменной крестьянской массы под

¹ Покровский М.Н.

² Ibid. С. 216.

³ Ibid. С. 212.

руководством имамата. Газават оформлял ее примитивное политическое сознание. Конечно, религиозная окраска движения является признаком низкого идейного уровня восставшей массы и ее руководителей, но это не может опровергнуть его революционного значения. «Из равенства сынов божьих они выводили гражданское равенство». Это было сказано Энгельсом о плебейских ересьх средневековой Европы, и это вполне применимо к освободительному движению на Кавказе в XIX веке. Вот почему под знамена мюридизма собирались и те, кто ранее отнюдь не могли считаться «правоверными» мусульманами. Выше указывалось, что среди адыгейских племен и убыхов ислам начал проповедоваться еще в XVII–XVIII вв. Однако и в первые десятилетия XIX в. мусульманская религия не получила широкого распространения, несмотря на активную деятельность мулл – агентов Турции. Ислам был прочно воспринят убыхами, шапсугами, абдзахами только в 1840 гг. и только через призму мюридизма.

Трудящиеся Западного Кавказа были глухи к проповеди турецких мулл, но они горячо отзывались на призывы наибов Шамиля. Это еще раз подчеркивает то, что принципы мюридизма нашли отклик в массах только потому, что они служили наиболее удобной формой для выражения революционных требований крестьянства на том этапе освободительного движения, когда измена феодально-родовой знати стала свершившимся фактом. Обычно считают, что идеи мюридизма были занесены на Западный Кавказ официальными эмиссарами Шамиля, первым из которых был наиб Хаджи-Мохаммед, появившийся среди абдзахов в 1842 г.

Но это неверно. Еще раньше, чем Шамиль решил обратиться к народам Западного Кавказа, провозглашенное им и его предшественниками принципы, передаваемые из уст в уста, донеслись до слуха трудящихся убыхов и адыге.

Выше упоминалось о собрании убыхов, шапсугов и абдзахов на р. Пшеха в 1841 г., где был принят цитированный уже нами «дефтер». Это собрание проходило под знаком газавата. Целью собрания было объединение всех адыге и убыхов в борьбе с русским царизмом. Средством для

достижения этой цели было в первую очередь нивелирование управления и права, что выражалось в установлении шариата.

«Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата», – гласил один из первых пунктов принятого на собрании «дефтера».

Однако собрание 1841 г. не довело до конца начатого дела. Не было создано единого руководящего органа исполнительной власти. Благодаря этому, «дефтер» так и остался листом бумаги, и его указания не были реализованы.

Однако почва для агитации эмиссаров Шамиля была подготовлена, несмотря на открытое сопротивление этой агитации со стороны местной феодально-родовой знати. Последняя крайне враждебно встретила наиба Хаджи-Мохаммеда, который, появившись в 1842 г. среди абдзахов, энергично взялся за насаждение принципов мюридизма. Он декларировал не только религиозное, но и социальное равенство, освобождение рабов и зависимых, замену адата шариатом, организацию постоянных вооруженных отрядов и так называемых «мутазигов»¹.

Попытка Хаджи-Мохаммеда осуществить эти положения не увенчалась успехом. Причиной этого был, очевидно, слишком прямолинейный подход его к ломке старого общественного уклада и недооценка особенностей социальной структуры племенных образований Западного Кавказа. Эти особенности заключались в неразвитости феодальных отношений. У большинства адыгейских племен эксплуататорскую верхушку составляли не столько феодальные элементы, сколько близкая к ним родовая знать сельских общин. Таким образом, освобождение рабов и крепостных наносило удар не только феодалам, но и верхушечной прослойке «крестьянских» родов, представлявшей собой одновременно и общинную администрацию. Кроме того, на Западном Кавказе гораздо сильнее проявлялась племенная раздробленность, обусловленная слабостью меновых связей. В этих условиях ликвидация адата была более трудным делом.

Все эти обстоятельства учитывало и царское командование, уверенное в безуспешности миссии Хаджи-Мохаммеда. В рапорте от 14 июля

¹ От турецк. *mutassavif* – суфий.

1842 г. ген. Анреп говорит, что Хаджи-Мохаммед «может произвести волнение в этом пылом и восприимчивом народе (речь идет о наткуаджах. – А.Ф.), может возбудить их предприимчивость, которая увеличится в случае, чего боже сохрани, какой-либо неудачи с нашей стороны, но вообще это обстоятельство может быть только поводом к временному усилению враждебных действий, а по всем вероятностям, не сделается постоянною причиною общего соединения всего племени адыге в один народ для единодушного и продолжительного противу нас действия»¹.

Действительно, деятельность Хаджи-Мохаммеда принесла мало результатов, и сам он внезапно умер в 1843 году, возможно, отравленный своими противниками.

Однако неудачные попытки объединить племена адыге и убыхов во все не означали того, что они сложили оружие. Русские гарнизоны береговых укреплений по-прежнему находились под постоянной угрозой нападений. В июле 1844 г. около 6000 убыхов и шапсугов штурмовали Головинское и Лазаревское укрепления.

Весной 1845 г. убыхами едва не было взято Навагинское укрепление, причем характерно, что повстанцы возглавлялись тут абреком из крестьян Омером Чизма.

В приказе по отдельному кавказскому корпусу от 3 февраля 1847 г. отмечается, что за 1846 год на Черноморской береговой линии было 88 сражений, из них наибольший процент падает на Головинское и Навагинское укрепления, расположенные на территории убыхов.

Странной на первый взгляд кажется пассивность царского командования на Черноморском побережье. Оно ограничивалось в эти годы только обороной «береговой линии», не совершая глубоких «поисков» и карательных экспедиций во внутренние районы страны. Пассивность эта, однако, объясняется очень просто. Все внимание царского командования было в это время сосредоточено на Восточном Кавказе, где дагестанские пастухи одерживали одну за другой победы над лучшими полками Николая I.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 76.

В 1842 г. Шамиль наносит страшное поражение генералу Граббе в лесах Ичкерии. В 1843 г. ни одного царского солдата не остается на территории Чечни и северного Дагестана. Летом 1845 г. оканчивается полным крахом грандиозная Даргинская экспедиция, причем начальник ее – главнокомандующий на Кавказе граф Воронцов – едва спасается от плена, оставив в руках противника свыше трети своих солдат, всю артиллерию и обозы. Освободив Дагестан и Чечню, Шамиль в 1846 г. переходит в дальнейшее наступление на запад, совершая поход в Кабарду.

Победы Шамиля, несомненно, активизируют трудящихся Западного Кавказа. По-прежнему на побережье ведущую роль играют убыхи.

В августе 1842 г. ген. Анреп доносит Чернышеву, что «старшины убыхов, вместе с шапсугскими и абадзехскими, отправились в Кабарду, с намерением склонить жителей оной к враждебным против нас действиям вместе с ними»¹.

Летом 1844 г., как было указано выше, убыхи стремятся снова организовать всеобщее восстание на побережье, привлекая шапсугов.

В январе 1846 г. убыхи направляют удар в сторону Абхазии.

Начальник Черноморской береговой линии ген. Будберг в рапорте Воронцову от 25 февраля 1846 г. сообщает об этом так: «В конце января в укреплении Навагинском получены были сведения от лазутчиков и от окрестного жителя капитана Аубла-Ахмета, что вблизи укрепления в селе Джамбулата Берзека составлен большой сбор горцев разных племен с намерением вторгнуться в Абхазию и по пути сделать покушение против укреплений Св. духа и Пицунды»².

Однако это предприятие убыхов не увенчалось успехом, причем на помощь царским войскам выступили «окрестные владельцы князя Инал-Иповы и Маршаниевы». Однако активные действия убыхов вызвали брожение среди абхазского крестьянства. 15 января абхазские абреки напали на солдат Пицундского гарнизона, а 4 февраля произошла стычка

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 98.

² ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 13.

10 абреков с командой солдат, вышедшей на рубку леса в окрестностях Сухум-Калэ¹.

Абреческое движение особенно сильно давало себя чувствовать в районах Дал и Цабал.

В июле 1846 г. в течение 12 дней около 4000 убыхов и шапсугов осаждали Головинское укрепление².

Тогда же ген. Будберг сообщает о росте «враждебных настроений» среди садзов (джигетов)³.

С 1845 г. среди наткуаджей и абзахов находился эмиссар Шамиля Сулейман-Эффенди, который пытался организовать среди адыге отряд на помощь Шамилю. Эта попытка не имела успеха, но агитация Сулеймана-Эффенди оказывала большое влияние на активизацию трудящихся адыге в пределах их родины. Победы Шамиля воодушевляли повстанцев и в Черноморье. Ген. Будберг пишет, что «у шапсугов было собрание из нескольких преданных Шамилю старшин между укреплениями Тенгинским и Вельяминовским, в уверенности, что раннею весною предприятие это должно увенчаться успехом, подобно как в 1840 году... По слухам, требующим подтверждения, собрание это составилось по предложению Сулеймана-Эффенди»⁴.

Сулейман-Эффенди не только не выполнил поручения Шамиля об организации вспомогательного отряда, но боясь, очевидно, его гнева, летом 1846 г. изменил ему и предался русским. По приказу кн. Воронцова он написал даже прокламацию против Шамиля, но как справедливо замечает даже русский великодержавный историк Щербина – «Шамиль был очень крупным вождем и новатором на Кавказе, чтобы его авторитет мог поколебать маленький Сельмен» (Сулейман. – А.Ф.)⁵.

¹ Ibid., л. 14–15.

² Рапорт ген. Будберга от 30 июля 1846 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 16.

³ Ibid., л. 69–70.

⁴ Рапорт от 25 февраля 1846 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 16.

⁵ История Кубан. войска. С. 541.

Однако стремления Шамиля вовлечь в орбиту имамата народные массы Западного Кавказа этим не ограничились. В 1848 г. он посылает на Кубань одного из лучших своих наибов Мохаммеда-Эмина.

Мы уже не раз подчеркивали, что распространение идей мюридизма на Западном Кавказе нельзя считать только следствием агитации посланцев Шамиля, ибо оно было подготовлено всем ходом событий. Особенно ясно это видно при анализе деятельности Мохаммеда-Эмина, успех которого по сравнению с Хаджи-Мохаммедом и Сулейманом-Эффенди объясняется не столько его личными качествами, сколько тем, что к моменту его появления обострились до крайности противоречия между феодально-родовой верхушкой и трудящимися массами адыгских и убыхских племен. В середине 1840-х годов и Берзеки у убыхов и племенная знать у адыге открыто перешли на сторону русского царизма, ища у него защиты своих эксплуататорских прав. Освободительное движение под знаком мюридизма угрожало не только царским захватчикам, но и местной феодально-родовой аристократии.

В 1846 г. представители 5 аристократических родов у шапсугов и 4 у наткуаджей обратились с письмом к Воронцову. Вот что писали они в этой замечательной «петиции»: «С древнейших времен мы имели над народом распорядительную власть. Все порядки для народа зависели от нас... Такой порядок вещей продолжался до настоящего времени. Ныне же народ вышел из повиновения и во всем равняется с нами; все простые люди самоуправствуют и производят беспорядки, не слушаясь один другого. Таким образом, простой народ присваивает себе такие права и преимущества, какими пользовались только наши деды и отцы... Извещаем вас о сем и покорнейше просим как вас, так и милостивейшего государя императора возвратить нам права наши над народом. Принимая русское подданство, мы в этих видах отделяемся от народа в особое общество с тем, чтобы сохранили мы свои дворянские права, подобно прочему дворянству Российской империи»¹.

¹ Цит. по книге: Щербина, Ист. Кубан. войска. С. 568.

В ответ на эту петицию Воронцов написал «просителям», что не может «не одобрить их намерения» и обещал им всяческую поддержку. Обнадеженные Воронцовым представители знати просили у него немедленной помощи войсками, заявляя: «По оставшимся от предков черкесским обычаям мы имели право на владение крестьянами, но народ для своей пользы выдумал другой какой-то шариат под предлогом, чтобы никаких властей не признавать»¹. Трудно найти более яркое свидетельство для подтверждения того, что за религиозной оболочкой мюридизма скрывалось подлинно революционная программа крестьянского движения.

Отсюда понятно, почему таким успехом пользовался Мохаммед-Эмин в конце 1840-х гг. среди «простого народа» адыгейских и убыхских племен. Восстанавливая древнюю общинную структуру на началах патриархальной демократии, он жестоко расправлялся с теми представителями родовой знати, которые оказывали ему сопротивление. Так, по приказу Мохаммед-Эмина был расстрелян махашевский князь М. Багарсоков², казнен шапсугский старшина Хоротокор Хамырза Кобле³.

Племенная знать в лице феодалов и рабовладельческой родовой верхушки была лишена всех привилегий. Рабы, находившиеся во владении знатных родов, были освобождены⁴. Шариат восторжествовал. Формировались боевые отряды «мутазигов». Первоначально Моххамед-Эмин развивал свою деятельность среди абзахов и бждедухов, причем у последних он встречал ожесточенное сопротивление со стороны местных феодалов. Однако накануне Крымской войны мы видим его на побережье среди убыхов, где его мероприятия пользовались наибольшим успехом, т.к. авторитет местной знати в лице Берзеков был к этому времени совершенно ничтожен.

С началом войны все гарнизоны Черноморской береговой линии царским командованием были в 1854 г. эвакуированы, ибо появление в

¹ Ibid. С. 569.

² Дубровин. Адыге. С. 122.

³ Щербина. История Кубан. войска. С. 545.

⁴ См. письмо абзахских дворян Воронцову от 1847 г., в книге Щербины. С. 573.

Черном море англо-французской эскадры и турецкие десанты ставили их в безнадежное положение перед лицом восстания трудящихся адыге и убыхов.

Три года последние были свободны от насилий царских захватчиков, не воспользовавшись, однако, плодами своей победы для укрепления своей обороноспособности. Племенная раздробленность, общинная замкнутость, ограниченность патриархального сознания – все это выразилось наиболее ярко в том, что после изгнания царских войск с берегов Черного моря союз адыгейских и убыхских племен немедленно распался.

Уверенные в окончательном поражении царской России, адыгейские и убыхские крестьяне в массе своей вернулись к мирному труду и, не видя у порога своих домов царского солдата, оставались глухи к призывам как Моххамед-Эмина, так и турецкого эмиссара Сефер-бея, между которыми, кстати, шла ожесточенная борьба за власть¹.

Но три года свободы прошли, и весной 1857 г. над кавказским побережьем снова начал расправлять свои крылья двуглавый хищник. Царские войска заняли Абхазию. Одновременно они начали с севера теснить абзахов, замыкая их территорию цепью фронтов, составивших так наз. Адагумскую и Белореченскую линии.

Летом 1857 г. идет ожесточенная борьба за Гагры. Вместе с убыхами выступают садзы. 1 апреля они совершают набег на владение абхазских князей Инал-ипа – сел. Колдохвары². В мае атакуют десантный отряд царских войск, занявший бывшее Гагринское укрепление.

Однако внутренние противоречия между крестьянской массой и представителями племенной знати снова подрывают боеспособность повстанцев. В годы Крымской войны Берзеки, равно как абхазские и адыгейские феодалы, поспешили отречься от российского подданства и даже оказывали активную поддержку турецким оккупантам. Этим они несколько сумели восстановить свой авторитет среди народа, выступая в роли борцов за независимость (на деле – за утверждение протектората Турции).

¹ В 1856–1857 гг. дело доходило до вооруженных столкновений между абзахами (Мохаммед-Эмин) и наткуаджами (Сефер-бей).

² ЦВИА, ВУА, д. № 6668, л. 4.

С возвращением же царских войск Берзеки снова начали нащупывать почву для переговоров с царским правительством, деморализуя ряды повстанцев.

«В первых числах июня около Адлера собралось значительное скопище, числом до 5000, как показывали лазутчики. Главное начальствование приняли на себя Хаджи-Керентух-Берзек и Брах-Ипа-Измали Дзейшев [Дзиаш или Дзейш. – А.Ф.]. Последний доставил даже 3 небольших медных орудия, которые приобрели неизвестно каким способом в продолжение минувшей войны. Случай окончательно расстроил эти приготовления. В конце мая племянник Хаджи-Керентух-Берзека, так называемый меньшей Хаджи-Берзек, тайно приезжал в Сухум, где представлен мне (ген. Гагарину. – А.Ф.) полковником князем Дмитрием Шервашидзе и обещал при благоприятных обстоятельствах служить усердно нашему правительству. Как не скрытна была эта поездка, но о ней проведали на Адлере. Это возбудило крайнее негодование на всех Берзеков, которые собирают партии, чтобы казаться смелыми и предприимчивыми старшинами, и в то же время подводят людей под беду, находясь в тайных сношениях с русскими. Для наказания меньшего Хаджи-Берзека и вместе с тем для овладения богатыми подарками, которые будто бы он привез из Сухума, скопище отправилось грабить его имущество, что и было исполнено. Затем никакого уже согласия восстановить было невозможно, и скопище окончательно разошлось по домам, оставив предприятие на Гагры неисполненным»¹. Двuruшничеству феодально-родовой знати, блоку Берзеков и Шервашидзе готов был противостоять единый фронт крестьянского движения. Под влиянием убыхов росло повстанческое движение у садзов, смелели абреки в Абхазии, пламя восстания разгоралось в Дале.

«В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей в Абхазии значительно увеличилось в Бзыбском округе, и они могут, соединяясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии», – писал

¹ Журнал происшествий в Кутаис. ген. губ-ве по 2 июля 1857 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6668, л. 30.

в 1857 г. ген. Гагарин, обосновывая свое распоряжение о сосредоточении 1300 чел. пехоты на мысе Пицунда¹.

«Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: также наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен. Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею», – признавался в мае 1859 г. ген. Филипсон².

Однако и на этот раз момент был упущен. Отсутствие единого руководства и крепкого, сплоченного авангарда, неспособность уничтожить изменников и ренегатов типа Берзеков и Шервашидзе, обусловили оборончески-выжидательную тактику повстанцев.

А в то же время в ущельях Дагестана, замкнутый железным кольцом двухсоттысячной царской армии, как раненый лев отбивался Шамиль, с горсточкой своих мюридов. В августе 1859 г. с Дагестаном было покончено. Главнокомандующий кавказской армией Барятинский издал свой «знаменитый» приказ: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию».

Теперь наступила очередь Западного Кавказа. Еще в мае 1859 г. «присягнули на верность» старшины бжедухских общин, в июле сложили оружие термигой, «махошевы», бесленей, шагереи и др. 20 ноября 1859 г. сдался Мохаммед-Эмин, находившийся все это время среди абдзахов. 12 января 1860 г. «покорились» и начали выселяться в Турцию 40 000 наткуаджей. Командующий войсками вновь образованной Кубанской области генерал Евдокимов приступил к планомерному наступлению на абдзахов и шапсугов, сопровождавшемуся уничтожением садов и посевов, сожжением мирных селений и поголовным выселением жителей. Представители племенной знати все еще пытались выслужиться «приведением к покорности» своих «подвластных». Они убеждали массу в необходимости сложить оружие и начать мирные переговоры. Осенью 1861 г. в Тифлис прибыли в качестве депутатов: от убыхов – Хаджи-Керентух Берзек, от абдзахов – Гассан Бидхев и от шапсугов – Ислам Тхауш. «Наместника» – князя Барятинского они не застали и были приняты

¹ Журнал ... по 15 июля 1857 г., там же, л. 33.

² Акты К. А. К., XII, ч. 3, с. 618.

его заместителем – князем Орбелиани. Последний выставил требование немедленно «покориться» и принять «начальников, которые будут назначены». Вернувшись на родину, эти депутаты в сентябре 1861 г. направились к верховьям р. Фарс, где в этот момент царские войска ожидали приезда Александра II, «обозревавшего» свои новые владения, в течение полувека обильно политые кровью, как местных жителей, так и русских мужиков, одетых в солдатские мундиры. При встрече с царем, Хаджи-Керентух Берзек просил от имени убыхов и абхазов принять их в подданство России. Александр II повторил то, что сказал в Тифлисе Орбелиани, добавив: «Я даю месячный срок, – они должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получают земли в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию»¹.

Пресмыкание «депутатов» перед царскими захватчиками и требования последних вызвали возмущение среди крестьянства. «Когда о царском ответе, – говорит в своих воспоминаниях ген. Ольшевский, – было узвано в неприятельском стане, то одновременно с тем, как абадзехи пришли в уныние, шапсуги с убыхами явились подстрекателями»². Грозная опасность сплотила трудящихся убыхов, шапсугов и абдзахов. Еще 13 июня 1861 г. в долине р. Сочи состоялся съезд «выборных старшин», на котором приняты были важные решения. Вот как о них рассказывает кутаисский ген.-губернатор кн. Гагарин.

«Должно отдать справедливость противникам нашим – черкесы не потеряли ни головы, ни сердца, напротив они решились отстаивать самобытность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергичным обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе оружием пала по необходимости на абдзехов, то убыхи, не уступающие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу и направление мер административных и дипломатических, соответствующих принятой ими решимости (подчеркнуто мною. – А.Ф.). И должно сказать, что они некоторым образом приспособлены к такому роду деятельности: живя на берегу моря, посещая Константинополь,

¹ Эсадзе С. Покорение Зап. Кавказа. Тифлис, 1914. С. 119.

² Ibid. С. 121.

знакомясь там с взявшими их, так сказать, под свое покровительство представителями различных враждебных нам интересов, агитаторами разнородных оттенков, они сознали недостатки своей организации и постигли двуличность международных отношений, темные оковы посольских канцелярий. Таким образом, прежде всего они обратили внимание на внутренний быт свой и захотели заменить расслабляющую усобицу сильною централизацией (подчеркнуто в подлиннике – А.Ф.), которая в обыкновенное время бывает предметом стольких нареканий, но в которую, в минуты большой опасности, всегда, везде слагались все формы общественного устройства. Для этого они устроили меджлис. Чтобы объяснить значение этого нововведения, обращаюсь к попавшему в наши руки... письму самих черкес к великобританскому консулу в Сухуме. Вот что, между прочим, сказано в нем: «В 17 день зильхиджа 1277 г. (13 июня 1861 г. – А.Ф.) для восстановления Аррахийской власти и для учреждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили: учредить чрезвычайный союз и не отставать от одного с тем, чтобы сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать. В черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек улема и умных людей. Этому меджлису дано название великого и свободного заседания. По повелению же меджлиса учреждены в нашем крае 12 округов. В каждом округе определены муфти и кади, а также и мухтар (старшина. – *Прим. перевод.*) под названием заптие. Они должны исполнять повеления меджлиса и действовать заодно с великим заседанием. Во владении же черкесском от каждых 100 дымов взять по 5 всадников и с каждых же 100 дымов по 1 заптие, чтоб они исполняли предписание окружного мохакема по сбору доходов и распределению податей, в экономии и наблюдении за выборочными имениями. Во всех случаях доходы превышали расходы и, благодаря бога, великий меджлис вольности черкесов, управляя краем, всегда соответствовал своему назначению»¹.

Цитируемое кн. Гагариным письмо убыхов представляет собой документ чрезвычайной исторической ценности. Во-первых, из него мы уз-

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 21–22.

наем о характере того демократического устройства, которое пытались осуществить убыхи и их союзники, а во-вторых, этот документ характеризует стремление последних апеллировать к международному общественному мнению.

Попытки объединения и организации разноплеменных трудящихся масс Западного Кавказа были и раньше. Выше указывалось на съезды «народных представителей», происходившие в 1840-х гг. Однако все соответствующие постановления этих съездов никогда не были реализованы до конца, равно как оставались, в конце концов, почти бесплодными и попытки формирования отрядов «мутазигов» Хаджи-Мохаммедом и ликвидации родовых адатов Мохаммед-Эмином. Действительно, как справедливо замечает кн. Гагарин в цитированном выше докладе, всегда попытки централизации руководства «в обыкновенное время бывали предметом стольких нареканий».

Патриархальная ограниченность сознания, приобретающая силу вековых традиций родовая разобщенность, усугубляемая преднамеренно представителями эксплуататорской верхушки, этнические различия, – все эти последствия примитивности способа производства и неразвитости социальных отношений могли быть преодолены (да и то не всей массой, а лишь передовыми ее элементами) только тогда, когда тяжкие поражения повстанцев доказали несостоятельность родоплеменной организации в борьбе с наступающим русским царизмом. Только тогда руководители освободительного движения решаются вновь на героическую попытку организовать массы, осуществив административно-политическую реформу, основанную на принципе территориального устройства.

Разделение жителей по территориальному признаку (округа, дымы) наносило удар разобщенности. Создание новой администрации на местах в лице окружных «мехкеме»¹ и избранных «мухтаров» подрывало влияние представителей родовой и феодальной знати. (Любопытно, что арабский термин «мухтар» наряду с понятием «старшины» означает одновременно и «свободный», «независимый»).

¹ От араб. «mahkeme» – суд, трибунал.

Исполнение воинской повинности (по 5 всадников от 100 дымов) и уплата налогов, целью которых было, прежде всего, создание фонда обороны, равно как и проведение прочих постановлений центрального совета – «меджлиса» – обеспечивалось наличием «заптийев», сосредоточивавших в своих руках полицейские и вообще исполнительные функции.

Таким образом, эта убыхская конституция 1861 г. на первый взгляд кажется образцом демократического устройства. Однако мы имеем дело лишь с проектом социальной реформы. И не трудно обнаружить, что осуществление этого проекта, очевидно, наталкивалось на ряд таких трудностей, которые делали его утопичным. «Народ» у шапсугов или убыхов не составлял абсолютно однородной массы. Как бы ни были у них неразвиты общественные отношения, но эксплуататорская прослойка, владевшая рабами, узурпировавшая общинную власть и стремившаяся к порабощению свободных мелких производителей, эта прослойка была налицо. Несмотря на ряд предательств и измен, эта родовая знать не была уничтожена и, несомненно, при выборах «мухтаров» и «мехкеме» оказывала свое влияние на массу, опираясь на силу патриархальных традиций, которые нельзя было ликвидировать одним постановлением меджлиса. Внутри округов продолжала существовать родовая разобщенность, которую также нельзя было стереть одним взмахом пера. Никакие «заптийе» не могли примирить внутренние социальные противоречия. Только смертельная опасность, опасность физического уничтожения могла породить в умах передовых элементов крестьянской массы убыхов, шапсугов и абдзахов социальную идею, идущую вразрез с вековым укладом общественной жизни.

Если даже поверить авторам цитированного выше письма к английскому консулу, что эта реформа была полностью осуществлена, то все же нет сомнения в том, что стоило бы царскому правительству отказаться от своих намерений, как вся эта искусственно созданная на почве примитивных производственных отношений политическая система лопнула бы, как мыльный пузырь, ибо прочную «организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских

хозяев **только** [подчеркнуто Лениным. – А.Ф.] руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»¹.

Проект убыхской конституции 1861 г. представляет крупный интерес в том смысле, что он выражает высшую ступень политического сознания, на которую могут подняться передовики революционного крестьянства в редких, особых, совершенно исключительных условиях.

Но, по самой сущности своей, этот проект является утопичным именно потому, что авторы его стремились объять необъятное, осуществить неосуществимое – преодолеть разрозненность выступлений, отсутствие централизации и организованности крестьян силами только самих крестьян. Тот проект, который пытались осуществить вожди убыхского крестьянства, разумеется, зародился под влиянием идей мюридизма, но, надо к чести убыхов признать, что они пошли при его составлении значительно дальше конституции имамата. Проектируемая ими политическая система была уже значительно очищена от реакционных теократических примесей, хотя и имела некоторую религиозную окраску.

Письмо убыхов к английскому консулу в Сухуме, из которого мы узнаем о принятой Сочинским уездом конституции, интересно и в другом отношении. Более всех на Кавказе убыхские и шапсугские повстанцы старались завязать международные сношения в целях получения помощи от государств, враждебных царской России. Именно через убыхов и приморских адыге осуществлялась контрабандная торговля и деятельность турецких, английских и польских эмиссаров. Крымская война и поражение в ней русского царизма были свежи в памяти убыхов и укрепляли их надежды на иностранное вмешательство. При этом весьма характерно, что убыхи обращаются не к турецкому правительству, а к Англии, учитывая, вероятно, преимущества Британской империи перед Турцией. Замечательным является стиль письма. Здесь нет и намека на пресмыкание перед могуществом адресата, на униженные просьбы о принятии в подданство, и т.д. «Великий и свободный меджлис» разговаривает с правительством Англии как равный с равным, ища не столько покровителя, сколько союзника.

¹ Ленин. Т. XIV, ч. 2. С. 25.

Однако письмо это до адресата не дошло и попало в руки царского командования. В том же докладе кн. Гагарина описывается, как это произошло.

«Он (данный документ. – А.Ф.) был отдан в августе месяце прошлого года (1861 г. – А.Ф.) для передачи в Сухуме г. Диксону (английскому консулу. – А.Ф.) джигетскому жителю Абычу Сомехо... Побужденный любопытством, Сомехо распечатал письмо и, сломав печать, боялся передать по назначению и сохранил у себя. Когда же, после некоторого времени убыхи, не получив ответа, спросили Сомехо, отдал ли он письмо, сей последний сказал, что отдал не самому консулу, которого не застал дома, а его человеку, и в подтверждение принес очистительную присягу. Наконец, в июне месяце настоящего года (1862 г. – А.Ф.), желая извлечь из этого письма возможную пользу, он вручил его начальнику укрепления в Гаграх полковнику Стражецу»¹.

Тем не менее, царское правительство было весьма обеспокоено обращением убыхско-адыгейского меджлиса к европейским державам. Международное положение царской России в это время, через 5 лет после Крымской войны, было еще достаточно напряженным. Поэтому перехваченное письмо убыхов было направлено военным министром ген. Милютиным вице-консулу кн. Горчакову «для сведения и соображения». Милютин при этом уведомлял Министерство иностранных дел, что «непокорными горскими племенами Западного Кавказа весною сего года (1862 г. – А.Ф.) отправлено посольство к представителям Англии и Франции в Константинополе с просьбой о заступничестве против русского оружия»².

Действительно, согласно постановлению чрезвычайного собрания меджлиса, в июне 1862 г. было отправлено такое посольство, причем во главе его стоял убых Измаил-Баракай-Ипа Дзиаш (Дзейш), который, по словам кн. Гагарина, «с некоторого времени присвоил себе исключительно роль дипломата и разыгрывает ее довольно удачно, действуя на вооб-

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 32.

² Ibid., 286, св. 233, д. № 12а, л. 42.

ражение своих единоземцев грамотами с множеством печатей и громкими именами главных деятелей Запада»¹.

Одновременно с этим, в виду наступления царских войск под начальством ген. Евдокимова на абдзехов, со стороны Кубани, меджлис постановил «обнародовать призыв к священной войне и отправить в землю абдзахов на все лето несколько тысяч человек и принудить к такому же содействию джигетов»².

Таким образом, мы видим, что меджлис делает героические попытки преодолеть племенную разобщенность и разрозненность выступлений, прибегая к единственному в его руках средству – к лозунгу газавата. По-видимому, провозглашенная меджлисом социальная реформа, основанная на принципе территориального подразделения жителей, не могла ликвидировать родоплеменные перегородки, препятствовавшие объединению и централизации. Но и лозунг газавата не дал ожидаемого эффекта. В докладе кн. Гагарина сообщается, что «на помощь к абдзехам отправлены от 4 до 5 тысяч убых[ов], под начальством испытанных предводителей. Была сделана вооруженная попытка для принуждения джигетов к отправлению контингента, но сии последние уклонились и в этот раз, а между тем князь Решид Гечь просил нас сделать такое наступательное движение, которое позволило бы им отговориться окончательно»³.

На северном склоне Главного хребта шла ожесточенная борьба буквально за каждую пядь земли абдзахов. Вместе с последними бок о бок сражались посланные меджлисом убыхи. Их мужество, самоотверженность, героизм удивляли даже царских генералов. «Убыхи потеряли убитыми до 60 человек из лучших фамилий. Несмотря на этот относительно чувствительный урон, убыхи вновь принесли присягу действовать еще с большей настойчивостью и, дабы не ослаблять себя, не подавать мало охочим повода к отлучкам, они решили вопреки народному обычаю не отправлять в землю свою ни убитых, ни раненых. Затем в самых сильных выражениях, с угрозой непримиримой вражды, потребовали от джиге-

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 25.

² Ibid., л. 24.

³ Ibid., л. 25.

тов немедленной высылки 2000 человек. Очевидно было, что противу войск графа Евдокимова, решающих, можно сказать, судьбы Кавказа, соединились одушевленные беспримерным единомыслием все живые силы непокорных земель»¹.

Однако к концу 1863 г. царские войска не только принудили к сдаче абдзахов, но и перевалили на южный склон Главного хребта, заняв ущелья Пшады и Джубги в земле шапсугов.

В феврале 1864 г. убыхи были окружены плотным кольцом царских войск. Так наз. «Даховский отряд» ген. Геймана в составе 13½ батальонов пехоты, 6 орудий, 2 эскадронов драгун и 5 сотен казаков и «кабардинской милиции» двинулся на убыхов вдоль по берегу моря в направлении быв. Лазаревского укрепления – Туапсе – Сочи. 6 марта убыхские повстанцы прекратили сопротивление. Убыхские «старшины» во главе с выплывшими опять на сцену Берзеками (Эльбузом и Хаджи-Бабуком) начали переговоры с ген. Гейманом о перемирии. Последний потребовал, чтобы «те, кто желают идти в Турцию, собрались бы табором на берегу моря к устьям Шахэ, Варданэ и Сочи; к этим пунктам могут приставать турецкие пароходы... Те же, кто хочет идти к нам, должны сейчас же выселиться на Кубань, где им будет отведена земля»².

В течение марта все было кончено. При зловещем свете зарева от пылающих селений убыхские крестьяне направлялись к берегу, чтобы отправиться в Турцию, где муллы обещали им земной рай, и где на деле они нашли скупую землю и безрадостную, безнадежную жизнь, полную лишений, под гнетом султанской бюрократии и мусульманского духовенства. Все убыхи целиком эмигрировали в Турцию³. В апреле 1864 г. царские войска сломили последнее сопротивление горных абхазских племен – ахчипсы и псху – и 21 мая того же года из урочища Кбаада в верховьях р. Мзымты наместник царя на Кавказе кн. Михаил отправил в Петербург донесение об «окончании Кавказской войны».

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 333, д. № 12а, л. 26.

² Эсадзе. Покорение Зап. Кав. С. 156.

³ За исключением нескольких семей, выселенных на Кубань, а затем – в Костромскую губернию.

Но торжество царизма было преждевременным. Через два года вспыхнуло крестьянское восстание в Абхазии. В 1877 г., в связи с Русско-турецкой войной, царским генералам пришлось снова оставить почти все побережье Черного моря, причем в рядах турецкой армии дрались против своих палачей убыхи, адыге и абхазы. 1905 год опять разбудил оставшихся на родине трудящихся Западного Кавказа. Теперь они выступали уже в союзе и под руководством российского пролетариата.

Опубликовано: А. Фадеев. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // В кн.: Исторический сборник АН СССР, № 4. Ленинград, 1935. С. 135–181.

КРЕСТЬЯНСКАЯ «РЕФОРМА» В АБХАЗИИ

(Представлено Исторической комиссией)

Крестьянская «реформа», датируемая для России 1861 г., а для Грузии 1864 г., коснулась Абхазии значительно позднее. «Положение о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве населения в Сухумском отделе» было объявлено лишь 19 февраля 1871 г., т.е. через три месяца после его «высочайшего утверждения» (8 ноября 1870 г.) и ровно через 10 лет после подписания пресловутого манифеста об «освобождении крестьян».

Одно это хронологическое сопоставление позволяет предполагать, что специфические условия, сопровождавшие проведение реформы в Абхазии, представляют собой небезынтересный объект для исследования в свете разработки истории народов СССР.

I

К началу XIX века Абхазия была независимым государством феодального типа. Абхазский феодализм был продуктом длительного процесса разложения родоплеменного строя у абхазо-адыгейских племен. Абхазия как независимая феодальная единица самоопределилась в XIV–XV вв. в результате распада Грузинского царства эпохи Давида и Тамары, в государственном строительстве которого первоначально (X–XI вв.) сами абхазы принимали активное участие.

Развитие производительных сил феодальной Абхазии на протяжении столетий сковывалось колонизацией ее побережья сначала генуэзцами (XIV–XV вв.), а затем турками (XVI–XVIII вв.). И те, и другие были заинтересованы в консервации способа производства в Абхазии на наиболее

низком уровне, ибо именно это обеспечивало колонизаторам монополию и высокую прибыль посреднической береговой торговли, а также гарантировало незыблемость политического протектората, подкрепленного (при турках) вассальной зависимостью абхазских «владельцев». Береговая торговля, которая по преимуществу была работоторговлей, увеличивая феодальную ренту абхазских князей (тавадов) и дворян (аамыста), отнюдь не разрушала, а, наоборот, закрепляла в Абхазии те производственные отношения, основой которых было «мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью» (Маркс).

Натуральное хозяйство, низкий уровень земледелия и скотоводства при значительном удельном весе таких промыслов, как собирание дикорастущих плодов, добыча «дикого» меда и охота, слабость внутренних меновых связей – все это оттеняло картину замедленного экономического развития страны.

При господстве натурального хозяйства, разумеется, и прибавочный продукт труда непосредственного производителя присваивался феодалом в натуральной его форме. До XIX в. Абхазия не знала денежной ренты. Князь (тавад) или дворянин (аамыста) хотя и не вел сам обширного хозяйства, однако обеспечивался в избытке не только продовольственными продуктами (хлеб, мясо, вино, фрукты), но и изделиями домашних крестьянских промыслов (льняные и хлопчатобумажные ткани, шерсть и шерстяные изделия, ковры, посуда, оружие и пр.).

Абсолютное большинство непосредственных производителей находилось в личной зависимости от тавадов и аамыста, причем формы зависимости были весьма разнообразны, хотя способ эксплуатации, основанный на характерном для феодализма внеэкономическом принуждении, был один и тот же. Центр тяжести эксплуатации лежал на категориях рабов («атты») и закрепощенных крестьян («ах-уйю»), создававших «отработочную ренту».

Рабы («атты») не имели своего хозяйства и находились при дворе феодала, большей частью исполняя домашние работы, а «ах-уйю», представлявшие чаще всего бывших рабов, посаженных на землю и наделенных необходимым инвентарем, обязаны были от 1 до 3 дней в неделю работать на поле помещика, что не исключало также и приношений про-

дуктами, и отбывания прочих повинностей (предоставление мальчиков и девочек для услужения, пастьба скота владельца, доставка леса, уплата особого сбора при выходе замуж девушки и т.д.). «Ах-уйю» фактически составляли собственность феодала, который мог их передавать другим членам своей фамилии, а подчас и продавать на сторону, несмотря на то что, согласно обычному праву, продажа «ах-уйю» на сторону была запрещена.

Однако, без сомнения, и к XIX в. крепостное право в Абхазии не было развито в такой степени и распространено так широко, как в соседней Грузии или в России. Значительная масса крестьян – «анхайю»¹ – не знала крепостной зависимости, не была обязана барщинными повинностями, пользовалась правом свободного перехода от одного феодала к другому. Это, конечно, не значит, что «анхайю» были совершенно свободными. К XIX в. переход от одного владельца к другому, в обстановке уже развитых феодальных отношений в приморской Абхазии, практиковался редко. Почти все «анхайю» вынуждены были признать личную зависимость от ближайшего тавада, который и отчуждал прибавочный продукт их труда в форме «ренды продуктами».

В отношении «анхайю» обстоятельством, смягчающим степень личной зависимости, являлось наличие в системе абхазского феодализма патриархально-общинного уклада. Живучесть последнего проявлялась в неограниченном праве «анхайю» на приобретение новых участков земли путем расчистки их из-под леса (древний патриархальный обычай сохранился в народной абхазской поговорке – «кто расчистил, тот и владеет»), в существовании обширных общинных лесов и пастбищ, в сохранении некоторых элементов «примитивной демократии» (общинные сходы, родовые старейшины) и института родового права (фамильные связи, экзогамия, кровная месть).²

¹ По данным Сухумской сословно-позем. комиссии в середине XIX в. к сословию «анхайю» принадлежало около 80% всех крестьян Абхазии, к «ах-уйю» – 16%, к «атты» – 4%.

² См. Записки Торнау, ЦВИА, ВУА, д. №№ 18510 и 18511, а также «Краткую записку о сословно-поземельных отношениях в Абхазии», ЦВИА, оп. 908, св. 543, № 41, лл. 31–57.

Сам факт личной зависимости «анхайю» обычно маскировался всевозможными идиллическими приемами, источником которых был тот же неписанный кодекс родового права и патриархальной морали. Таковы были обычаи: «аатзара» – отдача сына феодала на воспитание крестьянской фамилии, «ахупхара» – усыновление, и т.п. Отчуждение прибавочного продукта выступало в этом случае в виде «дарения» и «добровольных» приношений. Однако если существование патриархально-общинного уклада и являлось моментом, смягчающим до некоторой степени отношения личной зависимости, то ведущее значение все же принадлежало феодально-крепостническому укладу. Тавады и аамыста упорно стремились к закреплению своих подвластных, располагали специальными органами господства и угнетения (вооруженные отряды – «кераз», управители – «акяхя», сборщики дани и «приношений» – «бокауручва» и т.д.), не стеснясь методами открытого военно-феодального грабежа.

К тому же общинная замкнутость и родовая разобщенность ослабляла мощь классового сопротивления абхазского крестьянства, вследствие чего, несмотря на очень яркие факты выступлений отдельных крестьянских фамилий и даже общин против феодального произвола, определенно свидетельствующих о жестокой классовой борьбе (восстание Аджкурея Агрба и пр.), в истории феодальной Абхазии мы не видим массовых крестьянских движений, охватывающих всю страну или хотя бы крупные районы.

Следует также иметь в виду, что даже в начале XIX в. в Абхазии очень сильно чувствовалась племенная дифференциация. Если среди абхазских племен приморской и предгорной зоны (бзыбцы, абжюа, гумаа, цаба-лаа, самурзаканцы, гаграа) феодальные отношения утвердились прочно, то среди горных племен (псху, ахчипсху, убыхи) они не приобрели еще решающего значения. Эти племена еще не высвободились полностью от скорлупы патриархально-родового строя, отличаясь от береговых абхазов также и специфическими особенностями своих племенных языков.

Натуральному характеру производства и слабости меновых связей, усугубляемой племенной замкнутостью, соответствовала резко выраженная децентрализация государственной власти. «Владельцы» Абхазии из рода Шервашидзе, имевшие резиденцию в сел. Лыхны, были в дей-

ствительности лишь «первыми среди равных». Крупные тавады, вроде Маршания и Дзяпш-Ипа, не уступали «владельцам» и чувствовали себя полновластными государями в своих владениях. Горные племена псхувцев, садзов, убыхов, ахчипсхувцев вообще были скорее союзниками, чем вассалами Шервашидзе.

Правда, в конце XVIII в. Келеш-бей Шервашидзе, с помощью покровительствующих ему турок, начал было упорную борьбу за централизацию власти, но полностью реализовать свой план ему не удалось.

Хотя он и перенес резиденцию из Лыхны в Сухум-кале, хотя и сокрушил с помощью наемных отрядов эшерских и закодорских феодалов, но сломить наиболее мощных тавадов Цабала и Дала ему оказалось не по силам. Таким образом, к началу XIX в., ко времени захвата Абхазии русским царизмом, она представляла собой феодальное государство, раздираемое глубокими противоречиями. Феодальный способ производства еще не утвердился на всей территории страны. Патриархально-общинный уклад еще задерживал развитие феодально-крепостнической тенденции. А в то же время, никакие идилические покровы не могли скрыть разгоравшийся классовый протест зависимого и эксплуатируемого крестьянства, и «владельцы» даже с помощью турецких пушек не в силах были сокрушить непокорных вассалов.

Захват Абхазии русским царизмом значительно обострил все эти противоречия и, прежде всего, основное противоречие, выражавшееся в классовой борьбе крестьян против феодалов.

Неправильно было бы считать, что феодально-крепостнические отношения были принесены в Абхазию на штыках русских солдат. Но, несомненно, включение Абхазии в систему российского дворянско-крепостнического государства не могло не быть стимулом для развития феодальных отношений на ее территории в сторону усиления эксплуататорских прав тавадов и аамыста и разрушения патриархально-общинного уклада.

II

Естественно, что захватническая политика царизма строилась на тесном союзе русского самодержавия с феодальной верхушкой завоеванных стран. Так было в Польше, в Приуралье, в Кабарде, в Грузии. Не могло быть иначе и в Абхазии. Появлению русских войск на территории Абхазии предшествовали длительные секретные переговоры абхазского «владельца» Сафар-бея Шервашидзе с правительством Александра I. Русский царизм в то время (1808–1810) был крайне заинтересован в Абхазии прежде всего потому, что обладание абхазским побережьем закрепляло позиции царизма в Западной Грузии и значительным образом меняло соотношение сил в бассейне Черного моря в пользу России против Турции. Это ясно видно хотя бы из донесения графа Гудовича по поводу переговоров с Сафар-беем от 3 марта 1809 г.:

«Главнейшие выгоды, представляющиеся от приобретения Абхазии под всероссийскую державу, состоят в том, что... восстановится безвозбранное сообщение с Крымом и что, наконец, мы будем иметь в своей власти две крепости – Анкару и Сухум-кале, следовательно, тогда с сей стороны Мингрелия будет совершенно обеспечена...» (Акты Кавк. арх. комиссии. Т. III. С. 209).

С другой стороны, и сам Сафар-бей настоятельно стремился к союзу с русским царизмом, за который он готов был уплатить любой ценой. Сафар-бей был сыном упомянутого выше Келеш-бея Шервашидзе, убитого 2 мая 1808 г. заговорщиками, во главе которых стоял другой сын последнего – Аслан-бей (брат Сафар-бея). После смерти Келеш-бея, между братьями – Асланом и Сафаром – разгорелась ожесточенная борьба за власть. Аслан-бей был сторонником турецкой ориентации и избрал своей резиденцией Сухум-кале, где по-прежнему находился турецкий гарнизон. Сафар-бей в это время был вынужден «гостить» у владетельного князя Мингрелии Дадиана, который был его родственником со стороны жены. Ясно, что Дадиан и христианское духовенство постарались убедить Сафар-бея в том, что в борьбе его с Аслан-беем, опиравшимся на поддержку Стамбула, ему не остается ничего другого, как заключить союз с Петербургом. (Напомним, кстати, что Дадиан «вступил в поддан-

ство» России в 1803 г., и что в Мингрелии стояли русские оккупационные отряды.)

Таким образом, Сафар-бей поспешил обратиться с письмом к царю Александру I, в котором он обязывался «предать себя и Абхазию, и все находящееся в ней в наследственное подданство и рабство престола всемилостивейшего и всеавгустейшего монарха всероссийского...»¹. Характерно, что это письмо составлял и писал протоиерей Иоанн Иоселиани, который, по словам Сафар-бея, «искренним сердцем советовал мне предать себя в подданство императорскому престолу...».

Разумеется, «первый помещик» крепостнической России – царь Александр Романов – понял «первого помещика» феодальной Абхазии. 9 августа 1810 г. Александр I утвердил «просительные пункты» Сафар-бея Шервашидзе и «пожаловал» ему грамоту о принятии его в подданство и «назначении владетелем Абхазии».

Но за два месяца до этого, 9 июня 1810 г., русский десант уже взял штурмом крепость Сухум-кале, выбив оттуда турецкий гарнизон. Главнокомандующий войсками в Грузии генерал Торماسов спешил реализовать плоды нового союза.²

С тех пор история колониальной экспансии царизма в Абхазии пестрит фактами классовой солидарности царских захватчиков с феодально-дворянской верхушкой абхазского народа.

В сентябре 1821 г., после смерти Сафар-бея, в Абхазии вспыхнуло крупное восстание против нового «владельца» – Дмитрия Шервашидзе (сына Сафара), воспитывавшегося в пажеском корпусе в Петербурге и произведенного в полковники гвардии. Восстание было жестоко подавлено карательной экспедицией генерала Горчакова. Новый «владелец» остался жить в Сухум-кале под охраной русских штыков, но через год, 16 октября 1822 г., был отравлен абхазским крестьянином Урусом Лакоба. Место Дмитрия занял его младший брат Михаил, для охраны которого

¹ Копия письма Сафар-бея хранится в Абхазском музее краеведения в Сухуме.

² См. ЦВИА, ВУА, д. № 6187, л. 56.

от «благодарного населения» в сел. Лыхны были отправлены две роты русских солдат.

До 1840-х гг. в Абхазии была все еще сильна феодальная оппозиция, возглавлявшаяся Аслан-беем и державшая сторону Турции. Многие из крупных абхазских тавадов были недовольны чрезмерным усилением власти «владельца». Дабы укрепить социальную опору своей колониальной политики, царские администраторы стараются ликвидировать эту оппозицию, усиливая авторитет тавадов и аамыста, расширяя их эксплуататорские права, подкупая их чинами, наградами и подарками. Инструктируя генералов и чиновников, наместник кавказский граф М.С. Воронцов пишет в 1846 г.: «В виду политического положения края, надлежит не только не посягать на права высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных...». Получив подобную установку, русские администраторы, занимаясь анализом общественных отношений в Грузии (куда ими включалась и Абхазия), делают вывод, что «грузинское крепостное право, в существе своем не различающееся с таковым правом российского дворянства, сольется с оным и зависимость крестьян от помещиков установится на одних и тех же главных и прочих основаниях...» (Акты К. А. К., т. VII, стр. 44).

Что означало для абхазского крестьянства подобное нивелирование социальных отношений в Грузии и Абхазии по русскому образцу?

Выше указывалось, что до XIX в. в Абхазии крепостная зависимость не имела широкого распространения и касалась только одной группы крестьян («ах-уйю»), да и то в весьма модифицированной форме. Основная же масса крестьян («анхайю») хотя и находилась в зависимых, несвободных отношениях, но не была прикреплена ни к земле, ни к владельцу. Царской администрации это было известно, и она порой даже была склонна преувеличивать права «анхайю», утверждая, что это сословие «независимое, а ставшее добровольно в обязательные отношения»¹.

Теперь же «анхайю» стремятся превратить в крепостного, заставить его работать на поле тавада. «Добровольные» приношения регламенти-

¹ Сб. свед. о кавк. горцах. Вып. VI. С. 4.

руются. Всякие идиллические покровы срываются. Абхазские феодалы, чувствуя поддержку могучей крепостнической монархии, не стесняются разрушать общинные устои. Князья Шервашидзе в 1840-х гг. захватили большой общинный лес в сел. Джгерды. Они же монополизируют право рубки самшита в общинных лесах сел. Калдахвары и открыто покушаются «реформировать» обычное право в сторону уменьшения авторитета родовых старейшин и общинных сходов.

Все это не могло не вызывать, конечно, растущего сопротивления со стороны крестьянства, ярким примером чего является восстание крестьян закодорской Абхазии во главе с крестьянином Измаилом Джопуа в 1840 г. Это восстание было подавлено царскими войсками с помощью дворянских «сотен», организованных владельцем Шервашидзе и тавадами Маршания.

Абхазские феодалы десятками получают чины и ордена за участие в карательных экспедициях. Они охотно помогают царским генералам. Владелец Михаил Шервашидзе в 1837 г. получает чин генерал-майора за участие в карательной экспедиции в Цабал, за эти же «заслуги» возводится в чин полковника аамыста Кац Маан, получает орден Станислава аамыста Званбая, и т.д.

Абхазское феодальное дворянство в целом служило верным оплотом русского царизма в его колониальной политике на Черноморье и, опираясь на штыки царских войск, стремилось укрепить свои права как крепостников-помещиков.

III

Крымская война вызвала в Абхазии подъем освободительного движения. Русские гарнизоны были спешно эвакуированы. «Черноморская береговая линия», представлявшая собой цепь фортов и укреплений от Поти до Новороссийска, была ликвидирована.

После заключения мира с Турцией, в 1856 г. царским генералам пришлось начинать «покорение» Абхазии почти сызнова. Опять водворяются на побережье русские гарнизоны, возводятся укрепления, освободительное движение спадает, но царские сатрапы не чувствуют уверенности в том, что эта победа является окончательной. Командую-

щий войсками правого крыла «кавказской линии» генерал Филипсон в своем рапорте от 13 мая 1859 г. пессимистически восклицает: «Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: также наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен. Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владем ею...»¹.

И вот, для того чтобы действительно «овладеть» Абхазией, в 1861 и 1862 гг. предпринимается ряд карательных экспедиций в наиболее «непокорные» районы страны – Псху и Дал, где мирные селения бомбардируются артиллерией, казачьи разъезды сжигают кукурузники и тысячи крестьян изгоняются вместе с семьями из родных усадеб. Огромные территории пустуют, пашни зарастают сорняком, сады дичают, виноградники вырождаются, цветущие долины обращаются в непроходимые дебри².

Развертывается кошмарная трагедия «махаджирства» – массовой эмиграции абхазов в Турцию. За четыре года выселяется около 20000 чел.

Царизм стремится закрепить завоеванные позиции устранением «владельца» и заменой его власти русской администрацией: «владельцы» сыграли свою роль, будучи опорой царизма в первый период его колониальной политики в Абхазии, сдерживая натиск освободительного движения и подрывая его мощь иллюзией национальной автономии. Теперь «владелец» не нужен. Русский царизм прочно утвердился в крае. «Мавр сделал свое дело – мавр может уйти». Разумеется, он не уходит сам, но его попросту убивают. Осенью 1864 г. ген. Шатилов по приказу из Петербурга арестовал Михаила Шервашидзе, который был сослан в Воронеж, где вскоре (в апреле 1866 г.) умер.

Абхазия превращается в «Сухумский военный отдел», в котором учреждается «военно-народное управление», под чем скрывается особая система порабощения страны на основе неограниченной власти царских офицеров и военных чиновников, управляющих будто бы в согласии с «народными обычаями».

¹ Акты К. А. К. Т. XII. Ч. III. Ср. 456–457.

² См. Журнал экспедиции в Псху, ЦВИА, ВУА, д. № 6696, XV, лл. 150–170.

В это время (1864–1866) уже проводится крестьянская «реформа» в Грузии и, «успокоив» Абхазию, царская администрация и здесь приступает к подготовке реформы. Необходимость последней признается и здесь для того, чтобы обеспечить успешный ход колонизации опустевших, после «махаджиров», земель, чтобы привлечь капитал к освоению нетронутых природных богатств края, чтобы полностью включить Абхазию в экономическую систему пореформенной России.

Летом 1866 г. в Абхазию из Тифлиса направляется специальная комиссия для изучения «сословно-поземельных отношений».

Но едва слухи о готовящейся реформе доходят до абхазского крестьянства, последнее начинает волноваться. Наученные горьким опытом, только что пережившие ужасы карательных экспедиций и «махаджирства», информированные о бедственном положении «освобожденных» крестьян в соседней Грузии, абхазские крестьяне представляют реформу в виде новых карательных мероприятий царской администрации, преимущественно направленных против национальных обычаев и родового быта. В распространении слухов активную роль играют некоторые элементы абхазского дворянства, ставшие в оппозицию русскому царизму после устранения «владельца» Михаила Шервашидзе, его ареста и смерти в качестве ссыльного. Среди этих оппозиционно настроенных дворян растут туркофильские настроения, а лидер их – Хасан Маан – находится в Турции и пишет оттуда письма, в которых обнадеживает скорым повторением Крымской войны¹.

Следует заметить, что абхазское крестьянство не слишком доверяет дворянским «оппозиционерам», пытающимся возглавить движение. Сельские сходы крестьян, «анхайю», выносят решение о посылке своего делегата в Тифлис к наместнику за разъяснениями по поводу реформы. Этим делегатом был избран крестьянин сел. Эшеры Осман Шамба. Но начальник «Сухумского отдела» полковник Коньяр не разрешил поезду Шамба в Тифлис, что еще более обострило создавшееся положение.

¹ См. донесение ген. консула в Трапезунде Мошкина о восстании в Абхазии от 22 авг. 1866 г. Архив внешн. политики, фонд мин. ин. дел, разряд 1–9, 1856–1870 гг., № 2, лл. 296–299.

Один из членов комиссии, изучавшей сословно-поземельные отношения, чиновник Черепов, находясь в Бзыбском округе (соврем. Гудаутский район), сообщил в Сухум полковнику Коньяру о том, что «деятельность комиссии перетолкована в дурную сторону» и что «народ угрожает [ему] смертью...»¹.

Коньяр приехал в сел. Лыхны, где собрал сход, но после того, как его «увещания» не подействовали, вернулся в Сухум, откуда отправил майора Красницкого в Кутаис, к генерал-губернатору князю Святополк-Мирскому с просьбой выслать войска.

Не дожидаясь ответа из Кутаиса, Коньяр снова поехал в Лыхны, взяв с собой Черепова и князей Георгия и Александра Шервашидзе (сына и брата бывш. «владельца»).

21 июля 1866 г. в Лыхны собрался многотысячный сход крестьян. Коньяр выступил с речью, в которой изложил основы готовящейся реформы, убеждая не противодействовать правительству, которое хочет «освободить» крестьян и заботится об улучшении их участи.

После речи Коньяра выступили ораторы из крестьян. В истории крестьянской реформы в масштабе всей «российской империи» это, кажется, единственный случай, когда крестьянская масса официально участвовала в обсуждении проекта реформы.

Оказывается, выслушав Коньяра, абхазские крестьяне очень быстро разглядели классовую сущность реформы. «Выборные от зависимых сословий в длинной речи объявили от имени народа причины их неудовольствия и настаивали в особенности на невыгоде для зависимых сословии выкупаться от владельцев собственными средствами...»².

Выступление Черепова с речью, полной угроз и оскорблений, еще больше накалило атмосферу.

Коньяр закрыл сход, но толпа не расходилась. В ответ на вторичное приказание Коньяра, сделанное к тому же в резкой форме, раздались выстрелы. Крестьяне бросились на офицеров и чиновников. Коньяр и Че-

¹ Там же.

² См. доклад кутаисского ген.-губернатора о восстании в Абхазии. Центрархив ССР Грузии, фонд архива канцелярии наместника, д. № 1636.

репов были убиты во дворце «владельца». Сопровождавшие Коньяра 80 казаков засели в ограде церкви, находящейся на той же площади, рядом с дворцом. После двух дней осады, уцелевшие из них, потеряв 53 чел. убитыми, пробрались ночью, с помощью жены князя Александра Шервашидзе, на берег Бомборской бухты, откуда на военном корабле были перевезены в Сухум.

Лыхны стало очагом восстания, охватившего всю страну. 27 июля 1866 г. около 15000 восставших крестьян подошли к Сухуму. Русские гарнизоны в других укреплениях были перебиты. Только небольшой отряд, находившийся в Цебальде, был спасен князьями Маршания, укрывшими его в лесу.

Несколько раз повстанцы штурмовали Сухумскую крепость. очевидцы рассказывают, что восставшие крестьяне казались дисциплинированной армией.¹ Они шли на приступ стройными рядами, с песнями, неся впереди цветные флажки, в том числе один красного цвета с вышитой на нем шашкой.

Город Сухум был сожжен и разрушен. На помощь Сухумскому гарнизону были двинуты крупные военные силы численностью до 8000 штыков и сабель, с артиллерией и вспомогательной военной эскадрой. Общее командование было поручено кутаисскому генерал-губернатору князю Святополк-Мирскому.

Восставшие упорно сопротивлялись, но были разбиты. 20 августа русское командование предъявило ультиматум: выдать оружие, захваченное казенное имущество и «зачинщиков» восстания. Несмотря на то, что первые два требования были выполнены (сдано было до 4000 ружей), захваченные в плен и арестованные после подавления восстания активные его участники были расстреляны у стены Сухумской крепости.

IV

В ущельях и долинах Абхазии еще не отзвучало эхо крестьянского восстания, как уже царская администрация вновь приступила к подготовке «реформы». 23 июля 1867 г. была создана официальная «Сухум-

¹ См. газету «Кавказ», 1866 г., № 76.

ская сословно-поземельная комиссия». Один из членов ее, побывавший в Абхазии, генерал Понсэ в предварительном докладе сделал заявление, чрезвычайно обеспокоившее абхазское дворянство. Это заявление гласило, что «в Абхазии приобретение земель зависит не от родовитости и власти, а только от обычного закона...»¹.

Подобная формулировка ставила всех тавадов и аамыста перед перспективой потери земель, которыми они владели через лично зависимых от них крестьян.

Этот странный для царского генерала «радикализм» объяснялся, конечно, не заботами об абхазском крестьянстве, а стремлением правительства использовать реформу для некоторого ограничения политической мощи абхазского дворянства, часть которого, как уже указывалось выше, стала в оппозицию к русскому царизму и была замешана в связях с Турцией и подготовке восстания 1866 г. (хотя активного участия эта дворянская «оппозиция» в самом восстании не принимала).

Известно, что подобная тенденция правительства существовала в эпоху проведения реформы и в других «окраинах», например, в Польше и Белоруссии, по отношению к национальному дворянству.

Суть дела заключалась в том, что русский царизм, с одной стороны, находился под страхом крестьянских волнений, с другой – его позиции в Абхазии были уже достаточно прочны и «оппозиция» дворянства была уже ему не страшна. Нужно было, поэтому, ликвидировать источник политического влияния туземного дворянства. Реформа была для этого самым удобным средством. «Сухумская сословно-поземельная комиссия» представила свои выводы и соображения по поводу проекта реформы в «Комитет по освобождению зависимых сословий в горных племенах Кавказа». Членами комитета были: сенаторы князь Багратион-Мухранский и Старицкий, генерал Понсэ, князь Туманов. Председательствовал князь Святополк-Мирский. На правах «народных представителей» были допущены абхазские дворяне: князья Эмухвари, Маршания, Инал-Ипа и Маан. Последние подали петицию абхазского дворянства, которая гласила следующее: «В целом свете сначала были только крестьяне или

¹ Труды Сухум. сословно-позем. комиссии. Тифлис, 1869. С. 5.

свободные люди, а помещики появились позже. Каким бы образом помещики ни появились, крестьяне не могут отвергать факта существования помещиков в Абхазии с незапамятных времен со всеми теми правами, какие существуют и теперь. Если тот факт был вначале результатом насилия, то он и в других странах был насилием, которое было признано правительством не только в Грузии, где как и в Абхазии оно существовало еще до Р. Х., но даже и в России, где крепостное право появилось гораздо позже. Таким образом, помещичье право владения крестьянами и землею, искони веков установившееся и признанное правительством в остальных частях империи, не может быть по справедливости отвергнуто и в Абхазии ... »¹.

Этот «крик души» абхазского дворянства нашел горячий отклик среди сиятельных членов комитета. Сенатор князь Багратион-Мухранский откровенно выразил это, воскликнув: «В самом деле, для чего для какой-то Абхазии делать исключение!»².

В записке на высочайшее имя по поводу проекта реформы в Абхазии, разработанного комитетом, великий князь Михаил указывал, что «предположенные решения... вполне справедливы и соответствуют условиям всей страны и общим интересам государства, однако же не соответствуют ожиданиям туземных владельцев высшего сословия, в числе которых довольно многие заявляют претензии на принадлежность им на поместном праве всех земель, лежащих в районе принадлежавшего им родового влияния и отрицают права собственности на эти земли лиц низших сословий...»³. Анализируя далее причины недовольства абхазских дворян, великий князь откровенно объясняет, что «такие поместные притязания, противоречащие вековому обычному порядку землевладения в Абхазии и Самурзакани, составляют явление позднейшего времени и объясняются преимущественно соседством этих стран с Мингрелией, где за высшими сословиями признано поместное право на земли, хотя нужно сказать, что почва для подобных притязаний подготовлялась уже и пре-

¹ ЦВИА, оп. 908, св. 543, № 41, л. 2.

² Там же.

³ Там же.

жде – под влиянием русских и соседственных с ними грузинских взглядов на междусословные отношения, причем проводником таких взглядов в туземном населении являлось само прежнее местное начальство... »¹.

Очевидно, петиция абхазских дворян не осталась без внимания, так как комитетом было «признано, что для поддержания общественного значения абхазских и самурзаканских владельцев необходимо совершить прекращение личной зависимости при полном, по возможности, возмещении тех потерь, которые понесут владельцы эти с освобождением их зависимых...»².

Эта точка зрения восторжествовала и при окончательном утверждении проекта реформы, что выразилось в опубликованном «Положении о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве населения в Сухумском отделе».

Статья 2 этого «Положения», утвержденного 8 ноября 1870 г., гласила, что «зависимые люди» в Сухумском отделе отныне приобретают права «свободных сельских обывателей»³.

Однако статья 3 тотчас же разъясняла, что «освобожденные от личной зависимости люди (ст. 2) продолжают отбывать своим владельцам в течение 4 лет службу, работы и другие повинности из числа отбывавшихся до обнаружения сего «Положения», или же, взамен того, буде пожелают, уплачивают владельцам особую выкупную плату...».

Последующие статьи уточняли предыдущую, определяя повинности, подлежащие отбыванию и размеры выкупа их для различных категорий крестьян. «Наиболее зависимая» категория – «атты» (в «Положении» употреблен синоним этого термина – «ахашала») – могла выкупить свои повинности, не отменяемые «Положением», за 50–120 руб. в зависимости «от пола и возраста» (ст. 4). Для категории «ах-уйю» выкупная плата составляла сумму от 100 до 180 руб. за семью, смотря по количеству работников, обязанных полевой работой (ст. 10).

¹ Там же.

² Там же.

³ Цитаты из «Положения» проверены по подлиннику, хран. в ЦВИА, см. опись 908, св. 543, д. № 41, лл. 135–148.

Выкупная плата для «анхайю» была исчислена с наибольшей точностью и определена «по 4-летней сложности» в размере 54 руб. 60 коп. с дыма.

Таким образом, «потери, которые понесут владельцы», возмещались прежде всего самими крестьянами, которые обязывались отбывать все основные феодальные повинности в течение четырех лет, или выкупить их деньгами. В отношении «поземельного устройства» царское правительство также проявило определенную классовую линию, озабочившись сохранением помещичьего хозяйства. Статья 24 «Положения» торжественно заявляла, что «за всеми жителями, как высших, так и низших сословий, утверждаются на праве полной собственности все усадебные, пахотные и возделанные садовые земли, составляющие, по местному обычаю, частную собственность каждого лица или дыма...».

Но эта статья сопровождалась многозначительным «примечанием», согласно которому «пределы обычного права» предоставлялось «установить особыми правилами» главнокомандующему кавказской армией.

Если подобная «неясность» скрывала до поры до времени пореформенные нормы для крестьянского землевладения, то она нисколько не уменьшала значения статей 26 и 27 «Положения», которыми лица «привилегированных сословий» (тавады и аамыста) наделялись из фонда общинных (т.е. по существу крестьянских) земель: во-первых, – двумя десятинами за каждый освобожденный дым «анхайю», во-вторых, – особым наделом, сверх земель, «принадлежащих по обычному праву», в размере от 25 до 250 десятин на семью. Последняя норма не должна была пугать абхазских дворян, так как соответствующим «примечанием» главнокомандующему кавказской армии предоставлялось «право увеличивать наделы против определенной настоящей статьей нормы, если он признает справедливым» это «по важности происхождения или заслуг» того или иного лица или семьи. Здесь царское правительство, между прочим, оставляло для себя возможность, несмотря на общий дворянско-крепостнический дух «Положения», воздействовать в сторону ущемления прав тех дворян, которые были опасны в политическом отношении. Наоборот, это давало, одновременно, право усиливать авторитет

«преданных престолу всероссийскому» абхазских дворян, увеличивая их «наделы» до нескольких тысяч десятин¹.

Наконец, для «возмещения потерь владельцам» одновременно с утверждением «Положения» особым актом было отпущено из государственной казны 400000 руб. для распределения между абхазскими помещиками в виде «единовременного вознаграждения». Характерно, что, испрашивая эту сумму, великий князь Михаил в цитированной выше записке говорит, что после реформы отбывание крестьянами Сухумского отдела «государственных повинностей в усиленном размере восполнит с излишком оказываемое им² пособие...».

Разумеется, в действительности так и оказалось, как предсказывал Михаил Романов, хорошо знавший, что представляет собою налоговая политика самодержавия. В целом, «Положение о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве в Сухумском отделе» имело настолько ярко выраженные классовые крепостнические черты, что нельзя без отвращения читать лицемерный «манифест» великого князя Михаила к абхазскому крестьянству, где говорилось: «отныне весь строй вашей общественной жизни устанавливается на твердых и справедливых основаниях. Милостями великого государя нашего вам предоставляются все средства к развитию хозяйства и обеспечению навсегда материального благополучия вашего...»³.

На деле реформа безмерно ухудшила положение крестьян в Абхазии и увеличила тяжесть эксплуатации его помещиками и помещичьим государством.

Абхазское крестьянство после реформы оказалось еще крепче привязанным к помещикам, т.е., будучи обязано отбывать в течение 4 лет все основные феодальные повинности, оно в то же время было лишено права свободного перехода от одного владельца к другому, права, которым, как выше было указано, пользовались прежде все «анхайю».

¹ Так, один из членов фамилии Шервашидзе – князь Г.Д. Шервашидзе – получил, например, «надел» в 5000 десятин.

² Дворянам. – А.Ф.

³ Цит. по Сб. свед. о кавк. горцах, вып. VI.

Повинности «временно-обязанного» крестьянина почти ничем не отличались от повинностей дореформенного крестьянина. Это убедительно доказывает документ, обнаруженный мной в 1930 г. у крестьянина Квициния (жителя сел. Атара Очемчирского района АССР Абхазии) и представляющий собой «выкупное свидетельство от 12 января 1872 года», составленное на «девять дымов сословия анхае, бывших подвластных князя Григория Шервашидзе». Пункт III этого «свидетельства» гласит: «До 19 февраля 1871 года¹ каждый дым был обязан владельцу отбывать повинности ежегодно: а) полевою работою по 2 дня в год одним пешим работником, б) приношением одной козы, в) приношением одного козленка, у кого имеется свое стадо коз, г) приношением восьми окалат кукурузы»². А пункт IV повторяет: «В период обязательных отношений каждый дым подлежал отбывать владельцу повинности ежегодно: а) полевою работу по 2 дня в год одним пешим работником; б) приношением одной козы; в) приношением одного козленка; г) приношением восьми окалат кукурузы...»³.

Отсюда следует, что дореформенные и пореформенные повинности «анхайю» оставались совершенно одинаковыми. Повинности «ахуйю» также были сохранены реформой, за исключением сокращения числа дней «обязательной работы на поле владельца»: до реформы «ахуйю» обычно должен был работать на поле помещика 3 дня в неделю, а согласно «Положению» эта работа ограничивалась 50 днями в год⁴.

Все же остальные повинности (приношения продуктами, предоставление мальчиков и девочек для домашних услуг, работа на кухне и т.д.) сохранялись в том же объеме. Выкуп крестьянами этих повинностей практиковался редко по причине слабого развития товарно-денежных отношений и низкой цены на хлеб в Абхазии в первые годы после реформы. А вскоре сам по себе этот выкуп сделался бессмысленным, ибо

¹ День официального «прекращения личной зависимости».

² «Окалат» – около 16 килограммов.

³ Цитируемый документ хранится в Абхазском музее краеведения в Сухуме.

⁴ Ст. 9 «Положения».

царское правительство по истечении 4 лет продлило срок «обязательных отношений», каковые были отменены только в 1912 г.

Значит, 42 года «освобожденный» абхазский крестьянин продолжал отбывать феодально-крепостнические повинности, оставаясь прикованным к своему «владельцу».

Но, однако, отбывание этих повинностей в пореформенный период было неизмеримо тяжелее, чем до 1870 г., вследствие экспроприации крестьянских земель при проведении в жизнь «Положения» от 8 ноября в части «поземельного устройства».

Главнокомандующий кавказской армией, которому «Положение» предоставило «установить особыми правилами пределы обычного права» на предмет утверждения собственности на землю (примечание к ст. 24), определил в особой «Инструкции» нормы крестьянских наделов от 3 до 7 десятин на «дым». Однако нарезка наделов на практике, при отсутствии карт и планов местности, затянулась на неопределенное время. Там же, где она и производилась, крестьяне получали не более 2–3 десятин на «дым», причем преимущественно не целым куском, а мелкими участками. А в то же время общинные земли были значительно урезаны в пользу помещиков, т.е. из них составлялись «особые наделы» последним, и из них же дворяне вознаграждались за «потери, понесенные при освобождении зависимых» (по 2 дес. за «дым» подвластного «анхайю»).

Неудивительно, что через 30 лет после реформы крестьянство в Абхазии имело всего 71000 дес. (по 2–2,5 дес. на «дым»), тогда как помещичьи и монастырские земли составляли 136466 дес. (не считая «удельных» и «казенных»)¹.

Малоземелье заставляло крестьян обращаться к помещикам за арендой земли, отнятой от них реформой. Арендные договоры носили явно кабальный характер: арендная плата вносилась натурой, причем размер ее (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ урожая) совпадал с размерами натуральных повинностей «временно-обязанных» крестьян.²

¹ По данным Абх. музея краеведения.

² Примеры арендных договоров приводятся А.А. Олонецким в его «Очерках по развитию капиталистических отношений в Абхазии». Изд. АбНИИК. Сухум. 1934. С. 55.

Таким образом, абхазские крестьяне остались и после реформы в зависимости у помещиков, причем эта зависимость имела теперь не только «внеэкономический», но также и экономический характер. Абхазским же помещикам, помимо сохранения их феодальных привилегий, была предоставлена возможность эксплуатации закрепленных за ними «обязательными отношениями» крестьян и капиталистическими методами. Земли помещиков обрабатывались арендаторами и батраками из тех же крестьян. Кроме того, помещик иногда выступал в качестве агента торгового капитала, занимаясь скупкой табака и посредством системы «затков» и ссуд, ставя крестьянина-табаковода в кабальную зависимость иного – капиталистического – типа.

Помещики в Абхазии в пореформенный период чувствовали себя много лучше, чем их братья по классу в Грузии и в России. Абхазское дворянство не знало «оскудения». Если в Тифлисской губернии было заложено в дворянском земельном банке за период 1875–1889 гг. 290 помещичьих имений, а в Кутаисской губернии – 419, то по Сухумскому округу числилось только... 2 заложенных имения. В процентном отношении это выражалось так: в Тифлисской губ. было заложено 16% всех дворянских земель, в Кутаисской – 3,4%, а в Сухумском округе – 2,1%¹.

Процветание помещиков в Абхазии имело источником те условия, которые были созданы реформой 1870 г. Об этом достаточно убедительно говорит свидетельство акцизного чиновника Г.А. Рыбинского, хорошо изучившего аграрный строй пореформенной Абхазии. Он пишет, что «на счастье сухумских помещиков оказалось, что по соседству имелась рабочая сила, поставленная в условия еще более худшие, чем китайский кули; за наделением привилегированного сословия земель, непривилегированному ничего не осталось – одни камни на горах да болота...»².

Поставленное в такие условия абхазское крестьянство, на которое, помимо всего, еще была взвалена тяжесть государственных повинностей, налогов и сборов, ответило на реформу 1870 г. всеобщим восстанием в

¹ См. «Очерки» А. Олонецкого. С. 34.

² Г.А. Рыбинский. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. Тифлис. 1894. С. 4.

1877 г., когда царские войска снова, как и в 1854–1855 гг., вынуждены были более чем на год покинуть пределы Абхазии. И хотя это восстание было жестоко подавлено, перманентная партизанская борьба абхазских крестьян против царских администраторов и своих «собственных» эксплуататоров – князей и дворян – не прекращалась. С новой силой проявилось в Абхазии массовое движение крестьянства в 1905 г. – на этот раз уже в союзе с пролетариатом и под его руководством.

Опубликовано: А.В. Фадеев. Крестьянская «реформа» в Абхазии // В журн.: Известия Академии наук СССР. 1935, № 7. С. 627–644.

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК» В ПОЭЗИИ И ЖИЗНИ

(В порядке обсуждения)

Тема «Кавказского пленника» оставила след в творчестве лучших представителей русской литературы XIX века. Пушкин и Лермонтов подняли эту тему в поэмах, Лев Толстой написал прозаическое произведение под этим же названием.

Пушкин создал свою поэму после первого пребывания на Кавказе, когда он гостил в семье своего друга Раевского в Пятигорске летом 1820 года. Кавказ произвел неотразимое впечатление на молодого Пушкина, в чем он сам сознавался в посвящении к поэме:

«Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту,
Пустынник величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас».

Суровая, но прекрасная своей суровостью, природа Кавказа, девственная стихия лесов и гор, буйная стремительность кипящих потоков, царственная неприступность сияющих вечными снегами скалистых вершин – все это казалось великолепным фоном для развертывания какого-нибудь необычайного романтического сюжета.

Сюжет вырос из темы, подсказанной жизнью.

Воспеть Кавказ, отобразить поэтически борьбу, пусть «диких», но

«вольнолюбивых» горцев, в грозных ущельях обнаживших кинжал ради защиты своей свободы – это ли не было благодарной задачей?

Столкнуть своего любимого героя, разочаровавшегося в суете петербургских салонов, этого «отступника света», в плаще Чайльд-Гарольда, помчавшегося на Кавказ, столкнуть его с горцами, с их бытом, с патриархальной непосредственностью их сознания и первобытно-наивной свежестью их морали – это ли не манило поэта?

Тема «Кавказского пленника» глубоко взволновала Пушкина. Его муза вырвалась на широкий простор из придавленной сапогом Аракче-ева, иссеченной шпицрутенами, затянутой в солдатский мундир России.

Это настроение переживал впоследствии и Лермонтов, написавший своего «Кавказского пленника» в 1828 году, т.е. через семь лет после Пушкина.

Если герой поэмы Пушкина – старший брат Евгения Онегина, то герой Лермонтова – старший брат Печорина.

Но столкновение российского «Чайльд-Гарольда» с горцами – эта основная коллизия обоих произведений – не могла быть разрешена иначе, как путем мелодраматической развязки.

Правда, у Пушкина и Лермонтова поэтический финал различен. Пушкинский герой благополучно возвращается в Россию. Лермонтов никак не мог позволить герою вернуться обратно на родину. Лермонтов, несомненно, острее ненавидел официальную Россию – «Страну рабов, страну господ», ставшую только что могилой декабристов.

У Лермонтова герой погибает. И это понятно – у автора нет другого выхода.

Единственным выходом, самым заманчивым, самым естественным, исходя из первоначально задуманной композиции, было – оставить героя в стране «вольнолюбивых» горцев.

Ведь герой –
«В край далекий полетел
С веселым призраком свободы».

Но на такое разрешение основного сюжетного противоречия не были способны ни Пушкин, ни Лермонтов.

Ограниченность их мировоззрения, обусловленная их классовой принадлежностью, не могла позволить им пренебречь понятиями о дворянской чести, об офицерском долге. Останься их герой у горцев не как пленник, а как соратник в борьбе за свободу – это было бы изменой родине, дворянской родине, сынами которой все-таки были оба великих автора.

Недаром, когда сюжетное развитие в поэме Пушкина обрывается неожиданной, такой несозвучной первым строфам, шаблонной мелодраматической развязкой, он, как бы стараясь отвлечь читателя от догадок насчет другого варианта судьбы героя, пишет эпилог, в котором поет хвалебный гимн российскому «военно-феодальному» империализму во главе с его цепными собаками – Ермоловым, Цициановым, Котляревским и т.п.

То, что Пушкин и Лермонтов взяли за глубоко взволновавшую их тему «Кавказского пленника», но не могли разрешить ее в ином варианте, чем тот, который дан в их произведениях, – это исторически закономерно. Смешно было бы по этому поводу произносить обвинительные речи теперь, спустя 100 лет...

Но если мы и отмечали тот факт, что ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Лев Толстой, повесть которого «Кавказский пленник» есть по существу перевод данного сюжета с языка романтической поэзии на язык реалистической прозы, не справились и не могли справиться с темой, то делаем это только для того, чтобы апеллировать к советским писателям.

Сюжет «Кавказского пленника» сугубо реалистичен. Он заимствован из жизни.

И только теперь возможно по-настоящему освоить эту замечательную тему.

Исторические документы, десятилетиями хранившиеся в засекреченных фондах царских архивов, восстанавливают реальную подоплеку темы.

«Кавказский пленник» в свете этих документов – не идейный брат Онегина и Печорина, а просто-напросто русский солдат-дезертир, бежавший к горцам и сделавшийся среди них не рабом, а боевым соратником.

При разработке материалов по истории Кавказа, в частности Абхазии, не раз встречаются документы о «Кавказских пленниках» подобного типа.

Генерал Розен в 1837 г. доносит, что во время карательной экспедиции в Цебельду он обнаружил «150 беглых солдат».

Генерал Головин в 1842 г. сообщает, что в Дальском ущелье, в верховьях р. Кодора находится «111 беглых солдат, из которых многие вообще забыли свой язык, отступили от христианской веры и совершенно от русских обычаев, имеют свои семейства (женились на абхазянках) и детей, рожденных в мухамеданстве»...

Генерал Анреп в 1841 г. информирует «Государя Императора», что бежавший из «укрепления св. Духа» (ныне – Адлер) рядовой Иван Руденко унес с собой «казенное ружье и сумку с 60 патронами», направившись в джигетский аул Ляш, но был там задержан «дворянами Улусом и Исламом Ариджаевыми».

Эти примеры бесконечны.

Русские крепостные мужики, одетые в солдатские мундиры, бегут в горы и находят приют у абхазских крестьян. Абхазские дворяне ловят дезертиров и представляют их царским генералам.

Мы видим, что тема «Кавказский пленник» в нашей интерпретации может быть поднята на небывалую высоту и подана, как песня о великой интернациональной солидарности трудящихся в борьбе с угнетателями и эксплуататорами.

Только социалистический реализм дает ключ к раскрытию темы до конца.

Только советский писатель может разрешить то, что было неразрешимо даже для Пушкина, Лермонтова и Льва Толстого.

Опубликовано: А. Тадуа¹. «Кавказский пленник» в поэзии и жизни: (В порядке обсуждения) // В журн.: Альманах писателей Абхазии. Книга первая. Сухум, 1935. С. 180–182.

¹ Псевдоним А. Фадеева. – Прим. сост.

СТАРЫЙ СУХУМИ

9 июля 1810 года войска царского генерала Тормасова захватили старинную турецкую крепость Сухум-Кале.

Прошло почти шестьдесят лет. Огнем и мечом русский царизм завоевал Абхазию, превратив цветущую страну в полупустыню, изгнав с родины свыше ста тысяч «непокорных» абхазских крестьян. Сухум-Кале стал центром «Сухумского округа Российской империи».

В 1867 году в этом окружном городе «набережная отсутствовала и волны подмывали берег... Хорошие дома были наперечет... Было только две мощеных улицы. Вследствие обилия дождей в Сухуме, особенно с марта по июнь, грязь на улицах была невылазная»... (Дьячков-Тарасов – «Сухум и Абхазия в XIX столетии»).

А в 1874 г. в газете «Кавказ» появился фельетон, в котором давалась следующая характеристика Сухум-Кале:

«И теперь город не в состоянии шоссировать свои главные улицы... Водосточные канавы засорились еще с весны, заросли бурьяном и травой и даже главные Лорис-Меликовская и Михайловская улицы истоптаны, избиты ниже подошвы домов и погружены местами в невылазную грязь, не говоря уже о площадях перед духанами вечно затопленных вонючей грязной водой»... («Кавказ», 1874 г., № 2).

Автор фельетона издевался над тем, что в этом городе, который сравнивают с Ниццей, нет водопровода и даже пожарного обоза.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сухум-Кале был сожжен. После войны город стал строиться заново.

В 1880 г. в городе было 1.977 жителей, в 1897 г. – уже 7.809.

Но город по-прежнему имел вид захолустного, утопавшего в грязи местечка.

«Сухум не отличается благоустройством, улицы довольно грязны, освещены плохо, удобных помещений для больных почти вовсе нет»...

За этими намеренно смягченными и осторожными выражениями, запечатленными в «Энциклопедии» Брокгауза и Эфрона (изд. 1901 г.) скрывалась гораздо более убогая действительность провинциального окраинного городка.

Приезжавший в Сухуми лет тридцать назад вынужден был добираться с парохода до берега на широкой и неуклюжей лодке – «магуне», которая приставала к полуразвалившейся деревянной пристани. Парапета не было. В шторм волны заливали низкий песчаный берег, где стояли жалкие лачуги, носившие громкое название «турецких кофеен». Это был приют контрабандистов и спекулянтов, днем азартно стучавших костями над «нардами», а темной ночью творивших свои грязные делишки. На месте нынешней гостиницы «Ткварчели» были развалины, поросшие бурьяном.

Ухабистые, немощеные улицы освещались тусклыми керосиновыми лампочками. Центром городской жизни был «Старый базар», самое зловонное и гнилое место во всем городе (теперь там разбит обширный сквер).

За «Старым базаром» город кончался. Там, где ныне почта и станция Грузавтотреста, была широкая заболоченная равнина, поросшая густым кустарником и колючкой.

С начала 1900-х годов в Сухуми открывается одно за другим несколько отделений крупных табачных фирм. Одновременно делаются попытки превратить Сухуми в аристократический «светский» курорт. Предприимчивые дельцы открывают пансионаты и гостиницы. Облик предреволюционного Сухуми ясно вырисовывается на страницах «Описательного путеводителя» К. Мачавариани, изданного в 1913 году. По данным его, в Сухуми было около десятка торговых контор, четыре банка, два базара, семьдесят два духана, шестьдесят шесть кофеен, одиннадцать церквей и молитвенных домов.

Зато на весь город была одна больница на 35 коек и две средних школы, при этом обе частные, с очень высокой платой за учение (100–120 руб. в год).

Проходя по главной улице города – Колюбакинской (ныне – улица Ленина), можно было сразу обнаружить лицо города. По правую сторону этой улицы, начиная от моря, были расположены: ресторан, «Сухумское общество взаимного кредита», типография и редакция бульварной газетки «Сухумский вестник», два-три магазина, дом спекулянта Самуриди, где помещался «иллюзион» (кино). Далее следовал «Городской электропарк», арендованный господином Козловским (ныне парк профсоюзов), кафедральный собор и архиерейский дом.

По левую сторону улицы красовались, помимо магазинов и лавок, «склад кахетинского вина князя Джандиери» и в трогательной близости с ним «Полицейское управление» и «Управление начальника сухумского округа».

Старый Сухуми резко делился на два разных по типу города. В то время, как на склоне горы, находившейся целиком во владении частного домовладельца Чернявского, белели в зелени садов причудливой постройки виллы и дачи царских генералов, местных дворян и купцов, на берегу в сырой низине, тесные кварталы, населенные городской беднотой, рабочими, кустарями, тонули в грязи, а окраины засасывались малярийным болотом.

«Отцы города» – табачные спекулянты, виноторговцы, отставные генералы, чиновничья челядь, рекламируя Сухуми как курорт, обирали городскую бедноту поборами на «благоустройство города». Но на эти деньги благоустраивались только «чистые» кварталы, только эти кварталы были снабжены электроосвещением и водопроводом. Кварталы же, населенные трудящимися, были лишены элементарных коммунальных удобств.

Правом выборов в городскую думу, хозяйничавшую в городе, пользовалось только 557 человек или 5 процентов всего населения.

Удивительно ли после этого, что на благоустройство и новое строительство городская дума тратила только 5 проц. своего бюджета, а содержание «полицейской стражи» и прочие административные расходы съедали свыше 60 процентов.

Князя Шервашидзе, графы Соллогубы, купцы Заграфопуло и спекулянты Самуриди – вот кто были хозяевами Сухуми в прошлом.

Колониальное захолустье, отвратительное провинциальное болото – вот каково было подлинное лицо дореволюционного Сухуми.

И чем больше мы ненавидим проклятое прошлое нашего города, тем больше мы любим его прекрасное настоящее, тем больше гордимся его великолепным будущим.

Железной метлой выметаем мы грязь и мусор, оставшийся в закоулках нашего города, чтобы наш новый Сухуми, город-сад, город-курорт, был достоин звания столицы орденоносной Абхазии.

Опубликовано: А. Тадуа. Старый Сухуми // В газ.: «Советская Абхазия», 1936 г., 30 сентября, № 226, с. 4.

ХОЗЯЙСТВО И ДВОР АБХАЗСКОГО ПОМЕЩИКА НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1870 ГОДА

I

В пяти километрах от Сухуми, на правом берегу реки Келасури, почти у самого Черного моря, на крутом холме прячутся в зелени обвитые плющом руины.

Это все, что осталось от усадьбы князя Дмитрия (Сеид-бея) Шервашидзе, двоюродного брата последнего владельца Абхазии.

Дом, остатки которого сохранились до наших дней на берегу Келасури, построен был еще отцом Дмитрия – Гасан-беем Шервашидзе.

Гасан-бей был одним из младших сыновей известного владельца Абхазии Келеш-бека. Еще при жизни последнего¹ Гасан-бей получил во владение так наз. Гумскую Абхазию (от р. Гумисты до р. Кодор и от берега моря до Цебельдинского нагорья исключительно). В русских официальных документах первой трети XIX века Гасан-бей поэтому именуется обычно «владельцем Сухумского округа», т.е. района, непосредственно примыкающего к Сухуми².

После смерти своего отца Келеш-бека, Гасан-бей продолжал жить в своем келасурском доме. В период феодальной междоусобицы в Абхазии 1808–1824 гг., во время борьбы за власть между сыновьями Келеш-бека – Аслан-беем и Сафар-беем (Георгием), Гасан-бей был сторонником Аслан-бея. В силу этого Гасан-бей находился в оппозиции к Сафар-бею

¹ Келеш-бек был убит 2 мая 1808 г.

² См., например, докладную записку бар. Розена. 1834, ЦВИА, ВУА, д. № 6312, л. 14–24.

(Георгию), который являлся официальным владельцем Абхазии, утвержденным в этом звании российским императором Александром I в момент присоединения Абхазии к России.

Царское командование в Грузии, поддерживавшее Георгия (Сафар-бея), внимательно следило за действиями Гасан-бея и его связями с Аслан-беем.

В 1821 году комендант Сухумской крепости майор Могилянский, заподозрив Гасан-бея в «измене», арестовал его. Сосланный затем в Сибирь, он жил там вплоть до 1827 года, когда ему было разрешено вернуться в Абхазию.

С этого момента Гасан-бей «верой и правдой» служит российскому царизму, формирует отряд «абхазской милиции» и участвует с ним в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., получает чин майора и золотое оружие «за храбрость» при осаде Поти, ведет усиленную агитацию среди абхазских дворян, склоняя их к союзу с царским командованием.

Однако Гасан-бей не желал играть роль вассала нового владельца Абхазии – князя Михаила (Хамыд-бея) Шервашидзе, сына Сафар-бея (Георгия). Взаимная неприязнь перешла вскоре в открытую вражду. Обе стороны прибегали к всевозможным методам борьбы, вплоть до посылки наемных убийц и организации покушений. Только вмешательство царского командования заставляло противников внешне придерживаться лояльных отношений.

Гасан-бей умер в конце 30-х годов XIX века (точная дата его смерти неизвестна), оставив своим наследником сына Дмитрия (Сеид-бея).

Князь Дмитрий (Сеид-бей) уже не играл такой большой политической роли в Абхазии, как его отец. Он продолжал служить российскому царизму, выполняя его задания. Так, например, князь Дмитрий активно участвовал в карательных экспедициях в Цабал (Цебельду) и Дал в 1840–1842 годах, а также организовал поимку одного из тавадов Маршания (Катмаса), который был расстрелян в Сухумской крепости в 1840 году¹.

¹ См. об этом донесения ген. Раевского, Муравьева, Головина и др. ЦВИА, ВУА, д. № 6392.

Тем не менее по отношению к владельцу Абхазии Михаилу Шервашидзе князь Дмитрий (Сеид-бей) продолжал политику своего отца. Он игнорировал распоряжения владельца, намеренно поддерживал и укрывал его врагов, не хотел признавать его своим сюзереном.

Вражда между владельцем Михаилом и князем Дмитрием зашла так далеко, что в конце 50-х годов она закончилась для последнего трагически. Михаил, раздраженный в этот период своими политическими неудачами, связанными с его поведением во время Крымской войны, решил уничтожить своего противника. Агенты Михаила отравили Дмитрия. Так, по крайней мере, объяснили тогда в Абхазии загадочную смерть Дмитрия¹.

Такова была в кратких чертах судьба этого представителя рода князей Шервашидзе, который имел резиденцию в Келасури.

Князь Дмитрий (Сеид-бей) в пределах данной темы интересует нас, прежде всего, как феодал, крупный помещик и поэтому, ограничившись указанными выше краткими биографическими сведениями, мы продолжаем описание его дома и поместья, начатое на первой странице.

К сожалению, мы не имеем в своем распоряжении никакого свидетельства, которое позволило бы нарисовать картину внешнего и внутреннего состояния дома князя Дмитрия Шервашидзе, каким этот дом был в интересующий нас период (конец 50-х годов XIX века).

Подобного рода свидетельства относятся к 30-м годам XIX столетия. Но, принимая во внимание, что вряд ли этот дом в Келасури претерпел за двадцать лет резкие изменения, мы приведем описания его, составленные двумя лицами, посетившими Келасури в 1833 и в 1835 годах.

Первое из этих известных в литературе свидетельств, относящееся к 1833 г., принадлежит перу французского путешественника, натуралиста и археолога Дюбуа де Монперэ, автора многотомного сочинения «Voyage autour du Caucase».

Путешествуя по Черному морю вдоль берегов Кавказа, Дюбуа в июле 1833 г. прибыл в Сухум-кале. Интересуясь памятниками старины, Дюбуа

¹ Дьячков-Тарасов. Абх. и Сух. в XIX столетии. Изв. КОИРГО. Т. XX. С. 171.

совершил ряд экскурсий в окрестностях Сухуми. Во время одной из этих экскурсий Дюбуа сделал визит князю Гасан-бею и посетил его резиденцию в Келасури.

В указанном выше сочинении Дюбуа так описывает келасурский дом Гасан-бея:

«...Мы пришли к дому зарослями дикой бузины (*sambucus ebulus*); несколько плохо обработанных загороженных участков, вместо овощей были полны сорняками, свежесть которых поддерживала струйка воды, отведенная от реки. Купы белой шелковицы, плакучих ив, каштанов, яблонь, слив, фиговых деревьев и т.д. были рассеяны в беспорядке то там, то здесь, предоставленные самим себе.

Мы увидели, наконец, ворота ограды из толстых неотесанных бревен, защищавшей подступ к дому, довольно обширному и выстроенному целиком из дуба и ясеня. Часть нижнего помещения была совершенно открытой; остальная часть служила конюшней и несколько дверей вели к маленьким отгороженным помещениям, подразделениям большого, предназначенным для лошадей.

Так же, как и у Михаил-бея¹, мы поднялись по деревянной лестнице в первый этаж и вошли на галерею, которая выступала вдоль всего фасада дома. Здесь находилось человек пятнадцать слуг, сидевших на корточках и группировавшихся в самых образных позах. Вооруженные с головы до ног, они напоминали мне двор царей Востока, который ждал у дверей повелителя, чтобы по первому его знаку броситься исполнять приказание. Их одежда почти ни в чем не отличалась от черкесской; большинство носило башлык, длинные концы которого обвивали голову и завязывались сзади. Некоторые из них принадлежали к более высокому сословию, потому что носили тюрбаны из турецкой шали. Я видел такую круглую татарскую шапочку, отороченную черным мехом. Почти все имели бурку на плечах или за спиной в виде свертка.

Князь встретил нас на галерее среди своих приближенных. Это был человек красивой наружности, лет сорока или пятидесяти; его тюрбан из турецкой шали с цветами; его одежда состояла из шелкового полукафта-

¹ Т.е. так же, как в доме Михаила Шервашидзе в Лыхнах. – А.Ф.

на с узкими брюками из коричневого сукна; красные сафьяновые штрипки подхватывали его сапожки из коричневого сафьяна, поверх которых, по турецкому обычаю, были надеты красные сафьяновые туфли.

Его черкеска была желтовато-зеленого цвета, с серебряными газырями, на поясе был привешен, следуя обычаю, прекрасный пистолет, украшенный серебряной резьбой.

Князь попросил нас пройти в первую комнату, где всю мебель составляли только несколько скамеек, которые служили и столами, и широкая грубо сделанная деревянная кровать. Затем мы вошли во вторую комнату, которая вместе с первой занимала одну сторону дома во всю его длину.

Вторая комната была приемной князя, она имела из мебели две огромных кровати, покрытых коврами; по своей прочности они могли бы служить циклопам, между тем как по своей простоте они были достойны Гомера, имея единственным украшением рисунки, похожие на те узоры, которыми башмачники украшают подошвы башмаков.

На стенах из натурального бука не было других украшений, кроме великолепного оружия всевозможных видов, развешанного на деревянных колышках»¹.

Второе свидетельство, относящееся к 1835 г., и во многом совпадающее с предыдущим, принадлежит перу русского офицера барона Торнау, автора известной книги «Воспоминания кавказского офицера».

Торнау, направленный царским командованием на Кавказ в 1835 г. в Абхазию в качестве лазутчика посетил келасурский дом Гасан-бея и оставил следующее описание:

«Не доезжая пяти верст до крепости², лежало на пути абхазское селение Келасури, в котором жил Гасан-бей, дядя владетеля. Его рубленый деревянный дом, имевший вид четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, охватывающая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась

¹ Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase, Paris, 1839, t. I, p. 290–292.

² Имеется в виду крепость Сухум-Кале.

тесная калитка, способная пропустить одного человека или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружавший его палисад, на эту маленькую, плотно затворенную калитку, чтобы понять всегдешнее состояние опасения, в котором Гасан-бей проводил свою жизнь...

Против его дома над самым морем находился длинный ряд деревянных лавочек, принадлежавших туркам, перешедшим из Сухуми в Келасури, когда крепость досталась русским... Келасурские торговцы невозбранно продолжали продавать табак, рагадлукум и бумажные материи...

Гасан-бей вышел ко мне навстречу, имея за собой несколько абхазцев с ружьями в руках. Я увидел в нем плотного человека, небольшого роста, одетого в богатую черкеску с высокой, турецкой чалмой на голове, вооруженного двумя длинными пистолетами, в серебряной оправе, один из них держал в руке, готовый для выстрела»¹.

Анализируя цитированные выше свидетельства, мы, прежде всего, должны согласиться с тем, что они соответствуют действительности.

В самом деле. Во-первых, даже поверхностная археологическая разведка подтверждает сделанные Дюбуа и Торнау описания внешнего вида и внутреннего строения келасурского дома Гасан-бея и Дмитрия (Сеид-бея) Шервашидзе. Во-вторых, в этих описаниях нет ничего необыкновенного, из ряда вон выходящего, идущего вразрез с обычными нормами феодального быта в Абхазии.

Действительно, каждый крупный феодал, могущественный тавад, владелец значительного района, обладавший определенным феодальным иммунитетом, старался выбирать место для своей резиденции на возвышенности, преимущественно с крутыми склонами, причем строил свой дом так, чтобы он одновременно мог служить и оборонительным сооружением, способным выдержать осаду или, во всяком случае, гарантировать от внезапного нападения, набега. Таковы, например, были жилища известных абхазских феодалов Каца Маан («Кац-яшта») в сел. Хуап Гудаутского района, и Хасана Маан, в 4 километрах от Псырци.

Не случайно Гасан-бей Шервашидзе избрал своей резиденцией Келасури. Устье этой реки представляло удобную стоянку для мелких

¹ Воспоминания кавказского офицера, 1864. С. 8.

судов, на которых приезжали к берегам Абхазии турецкие торговцы. Значение Келасури, как пункта береговой торговли, выросло, как это справедливо отмечает Торнау, после занятия Сухумской крепости русскими войсками.

Не вызывает сомнений также правдивость описания внутреннего устройства и мебелировки келасурского дома Гасан-бея Шервашидзе, данного в приведенных выше цитатах. Внутренний вид жилища этого крупного феодала не блещет роскошью и великолепием убранства. Однако обилие дорогого оружия, ковров и наличие импортных материалов (турецкие шали), свидетельствуют о том, что хозяин келасурского дома обладал значительными материальными ценностями. Если же принять во внимание реальную обстановку, в которой находилась Абхазия 30-х годов XIX века, и особенно, подчеркнуть неразвитость, слабость товарных отношений в экономике Абхазии того периода, то значение отмеченных в описаниях Дюбуа и Торнау материальных ценностей, составлявших собственность Гасан-бея, возрастает еще больше.

Дюбуа в своем сочинении приводит следующий интересный пример: он видел у Гасан-бея саблю, оцененную им в 10.000 рублей. Эта сабля пропала при аресте Гасан-бея в 1821 году. По возвращении из сибирской ссылки, Гасан-бей потребовал, чтобы сабля была найдена или возмещена ее стоимость. Дюбуа пишет, что царская администрация в Грузии «находилась в большом затруднении, узнав о претензиях князя, так как она не имела желания отдать за саблю доходы целой губернии¹, ни даже половины их»...² После долгих розысков, сабля была найдена и возвращена Гасан-бею.

Таким образом, несмотря на отсутствие внешней пышности и роскоши, в обиходе Гасан-бея были, очевидно, такие вещи, материальная ценность которых была достаточно высока.

В приведенных описаниях обращает на себя внимание тот факт, что один из авторов – Торнау – не дает никаких сведений о приусадебном хозяйстве келасурского феодала, а другой – Дюбуа – ограничивается очень

¹ Подчеркнуто мной. – А.Ф.

² Dubois, I, 294.

скудной и притом отрицательной характеристикой окружавших дом Гасан-бея огородов и плодового сада. Если в отношении Торнау можно предполагать, что он, как военный разведчик, не обращал внимания на подобные объекты, то в отношении Дюбуа такое предположение не применимо. Дюбуа интересовался экономической географией края и, если он оставил нам такие скудные сведения о господской части келасурского поместья, то, очевидно, она, в самом деле, не заслуживала внимания наблюдательного путешественника.

Поросшие сорняком огороды, «рассеянные в беспорядке, то там, то здесь» плодовые деревья, «предоставленные самим себе», т.е. не имеющие никакого ухода, – вот и все, что бросилось в глаза Дюбуа. Расположенная в нижнем помещении дома «конюшня», о которой он говорит, безусловно, служила только для верховых лошадей князя и его свиты. Рабочего скота при доме не держали. Пахотных участков близ княжеского дома не было, т.к. сама местность, в которой расположена была келасурская усадьба (возвышенность с крутыми склонами), исключает возможность их существования.

Можно с полной уверенностью считать, что и в этом отношении приведенные выше свидетельства соответствуют действительности.

Ни Гасан-бей, ни сын его Сеид-бей (Дмитрий) не вели собственного крупного («господского») хозяйства.

Следует отметить, что отсутствие крупного господского хозяйства и ограниченность барской запашки является характерной особенностью для всей Западной Грузии дореформенной эпохи, – в долинах Имеретии, Гурии, Мегрелии, Абхазии «никто из помещиков не имел устроенного собственного правильного хозяйства и не имел полей для так называемой господской запашки...»¹.

Сами гурийские помещики, например, заявляли накануне крестьянской реформы:

¹ С. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье. Одесса. 1913. II. С. 437.

«Все наше существование зависит от крестьян, на приобретение которых мы издавна тратили жизнь и материальные средства...»¹.

Противоречит ли подобное положение феодальным отношениям?

Ни в коей мере. Оно лишь еще раз подтверждает правильность тезиса Маркса о том, что «могущество феодальных господ определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа ленно зависимых крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство...»².

И Гасан-бей Шервашидзе, и его сын и наследник Дмитрий (Сеид-бей), хотя и не вели собственного крупного (господского) хозяйства, были тем не менее крупными землевладельцами, помещиками, феодалами.

Дальнейшее изложение имеющегося в нашем распоряжении материала полностью убедит нас в этом.

II

В 1869 году «Сухумская сословно-поземельная комиссия», разрабатывавшая проект крестьянской реформы в Абхазии и собиравшая в этих целях сведения о «сословно-поземельных отношениях», заинтересовалась размерами владений и доходов имения князя Дмитрия (Сеид-бея) Шервашидзе.

Сам Дмитрий (Сеид-бей) к этому времени уже умер. Его прямой наследник и сын, Георгий Дмитриевич, находился в России, управляя имением через своего «поверенного» – чиновника А.В. Пахомова и «наблюдающего за имением» юнкера Егора Туркия.

В ответ на запрос «Сухумской сословно-поземельной комиссии» А.В. Пахомов ответил письмом, в котором указывал границы владений поместья князя Дмитрия (Сеид-бея) Шервашидзе и приводил опись до-

¹ Петиция гурийского дворянства, Центр. архив Груз. ССР, д. № 33. Дело канцелярии по делам устр. крестьян Кутаис. губ., л. 246.

² К. Маркс. Капитал. I. С. 575.

ходов этого имения за 1857 год¹. Этот документ и являлся одним из основных источников для данного исследования².

Согласно данным А.В. Пахомова, владения князя Дмитрия (Сейда-бея) Шервашидзе простирались вдоль берега Черного моря от реки Пшап до реки Гумисты, включая отрезок береговой линии на протяжении до 20 километров. Вглубь страны эти владения простирались до 10 километров и менее, будучи ограничены на северо-востоке Герзеульским хребтом, а на севере – отрогами Чедымского хребта, окружающим Гумскую котловину.

Территория, подвластная князю Д. Шервашидзе, по устройству поверхности представляла холмистую низменность, пересекаемую береговыми террасами и отдельными возвышенностями, прорезанными долинами и ущельями многочисленных рек, из которых главными для нашей местности можно считать – Беслетку, Келасури, Маджарку. Наиболее удобная земельная площадь была расположена именно по долинам этих рек, а также на равнине по левому берегу р. Гумисты (Ачадара). В зоне холмов отдельные участки пашни тонули в густых зарослях смешанного широколиственного леса, с пышно развитым подлеском из грабинника, кизила, орешника. Леса этой зоны изобиловали ползучими и лазящими растениями. В ущелье Беслетки и Гумисты были расположены самшитовые массивы.

Пахомов сообщает, что собственная запашка кн. Д. Шервашидзе весьма невелика по размерам. Господские пашни и луга в его имении были разбросаны в четырех местах: 1) в Гульрипше (до 20 десятин); 2) в долине р. Маджарки (до 400 дес.); «часть этих земель занимали ке-

¹ См. приложение к данной статье.

² Безусловно, данный документ требует критического отношения в виду того, что абхазские помещики и их поверенные в делах, выступая перед «Словесно-поземельной комиссией», всячески старались преувеличить свои доходы и принадлежащие им феодальные права, стремясь возможно больше выиграть на выкупных операциях. Тем не менее, документ представляет интерес для нашего исследования, т.к. нас интересует не столько количественные данные, сколько анализ определенных принципиальных положений.

ласурские турки, а часть занимал сам князь Дмитрий. В последние годы своей жизни князь Дмитрий обратил большую часть пахотных полей в луга»; 3) в долине р. Беслетки (до 200 дес.); «часть их (наибольшую, под горами Абжаквы) занимали мингрельские моджалабы, полученные князем Дмитрием в приданое за женой... Большая же часть находилась под помещичьей запашкой, а впоследствии под сенокосами...»; 4) в долине р. Гумисты (более 300 дес.; «прежде... местность эта служила пастбищем, впоследствии князь Дмитрий обратил ее в пашни и луга...»).

Таким образом, всего по четырём участкам Пахомов насчитывал 920 десятин, из которых, однако, известное количество было предоставлено турецким колонистам – жителям сел. Келасури и крепостным крестьянам («мингрельские моджалабы»), а остальная земля занята не только пашней, но и лугами. Исходя из того, что, по данным Пахомова, «с собственных пашней князя Дмитрия собиралось 8.000 пудов гоми и 2.000 пудов кукурузы», можно полагать, что господская запашка составляла в имении кн. Д. Шервашидзе всего 100–120 дес.

В пределах владений князя Д. Шервашидзе находились абхазские селения: Гума, Яшткуа, Абжакуа, Келасури, Бахмарань, Айбухца, Мерхеул, Панавут (Парнаут), Пшалуш, Багаж-яшта, Пшав¹.

Не представляется возможным ныне установить точную цифру жителей этих селений.

В нашем распоряжении только одно указание, которое может пролить некоторый свет на данный вопрос. В составленной А.В. Пахомовым «описи доходов князя Д. Шервашидзе за 1857 год» отмечено, что в его владениях находилось «600 платящих дымов анхайе».

Имея в виду, что «анхайе» было хотя и самой многочисленной, но не единственной категорией крестьян феодальной Абхазии² и, принимая во внимание тогдашние размеры абхазской крестьянской семьи, мы мо-

¹ После выселения гумских абхазов в Турцию в 1866 г. и в 1878 г., многие из этих селений совершенно исчезли. Иные же как, например: Бырцх, Келасури, Мерхеул и др. были заняты переселенцами других национальностей. Процент абхазского населения в этом районе ныне весьма незначителен.

² Понятие «анхайе» будет нами уточнено ниже.

жем ориентировочно полагать, что подвластное князю Д. Шервашидзе и зависимое от него население достигало в 1857 году около 5.000 «душ».

Крестьянское население данного района занималось в основном земледелием и скотоводством.

Несмотря на благоприятные климатические условия (теплая зима, обильная влажность), ценных субтропических культур в этом районе тогда не было и почти вся посевная площадь была занята зерновыми культурами, из которых первое место занимало «гоми» (вид проса), а второе, значительно меньшее – кукуруза¹.

Помимо «гоми» и кукурузы, подвластные кн. Шервашидзе сеяли «лобио» (вид фасоли), хлопок, лен. Однако эти сельскохозяйственные культуры занимали совершенно незначительную площадь, причем выращивались, главным образом, на приусадебных участках.

Гораздо большее значение имело виноградарство. Виноградников типа «даблари» в имении кн. Д. Шервашидзе, как и по всей Абхазии, не было. Виноградная лоза, хотя бы и ценных сортов, причудливо вилась по стволам деревьев, чаще всего – ольхи, без всякого ухода. Вино добывалось самым примитивным способом в каждом крестьянском хозяйстве. Господские виноградники были незначительны. Виноград и вино Д. Шервашидзе большей частью получал от крестьян².

Скотоводство имело резко выраженный экстенсивный характер. Скот проводил зиму на открытом воздухе, на подножном корму, который становился к весне все более скудным. На летние месяцы скот выгоняли на горные пастбища, удаленные от селений на десятки километров.

¹ В натуральной части доходов кн. Д. Шервашидзе за 1857 г. отмечены 8.000 «гоми» и 2.000 пудов кукурузы.

² Пахомов сообщает, что господские виноградники кн. Д. Шервашидзе находились в долинах р. Гумисты и р. Келасури, а также в Бабышире (современные Бабушеры). «Всего же вина, считая с тем, которое получалось от подрядчиков с виноградных садов, бывших в пользовании подвластных князя Дмитрия, собиралось до трех тысяч ведер...», – пишет Пахомов в цит. выше документе.

В таком положении находился не только крестьянский, но и господский скот, составляющий собственность помещика. В имении князя Д. Шервашидзе, как и в других феодальных поместьях Абхазии, господский скот не содержался в одном месте при усадьбе помещика, а был распределен между подвластными крестьянами, обязанными содержать и пасти скот помещиков в порядке выполнения феодальных повинностей. При дворе самого князя находилось только очень ограниченное количество мясного и молочного скота, необходимого для повседневных нужд княжеской семьи и прислуги. Непосредственно в усадьбе князя содержались только верховые лошади, состоявшие в данный момент в личном пользовании членов его семьи.

Горные пастбища, принадлежащие князю Д. Шервашидзе, были расположены на отрогах горы Дзыхвы, горы Шхапач, на склонах Чедымского хребта, а также в верховьях реки Чхалты (в районе Марухского перевала).

Большие стада, угоняемые на летние горные пастбища, сопровождало обычно значительное количество крестьян. Сами келасурские Шервашидзе также нередко проводили лето в зоне альпийских лугов, наслаждаясь чистым воздухом горных высот и пользуясь лечебными водами минеральных источников.

Дюбуа, например, сообщает, что «главное летнее жилище Гасан-бей¹ находится в Цебельде, в верховьях реки Кодор, у подножья горы Марух...»².

Князь Д. Шервашидзе получал от своих крестьян не только все необходимые сельскохозяйственные продукты, но мог пользоваться и предметами домашних крестьянских промыслов.

В то время все предметы домашнего и личного обихода абхазского крестьянина, включая мебель, посуду, одежду, обувь и т.п., обычно производились на месте, почти в каждой крестьянской семье. Эти домашние промыслы крестьян были тесно связаны с сельским хозяйством. Специализации на той или иной отрасли ремесла среди крестьян в Абхазии не

¹ Гассан-бей – отец Дмитрия (Сеид-бей) Шервашидзе.

² Dubois, I, p. 294.

было, равно как нет никаких указаний на то, что князь Д. Шервашидзе держал в своем имении пришлых ремесленников. Если та или иная крестьянская семья и отличалась производством тех или иных предметов особо высокого качества (ковры, бурки, иногда и оружие), то, во всяком случае, производство этих предметов не было единственным и даже главным занятием членов данной семьи.

Техника домашних промыслов стояла в то время на низком уровне и отличалась большой примитивностью.

Ф. Эшба в своей статье о «промысловых занятиях» абхазских крестьян¹ описывает технические промыслы домашнего производства в Абхазии следующим образом:

«Станков для тканья в крае нет: основу наматывают на колышках, установленных в полу или земле перпендикулярно, при помощи разного рода приспособлений, которые известны здесь под названиями: пре, бзынги, апха, марса, серсели и др. В некоторых предварительных работах, каковы чесанье и пряжа, помогают соседи. Готовое сукно держат некоторое время в кипятке; затем топчут его, а через полчаса опять опускают в кипятки и опять топчут: этот процесс продолжается до тех пор, пока материя не примет желаемой плотности. Местное сукно служит большей частью для домашнего употребления. Из него изготовляют сами хозяйки черкески, башлыки, шаровары для мужчин.

Из местной шерсти также готовят в некоторых крестьянских домах бурки... Делают также потники...

Обработыванием хлопчатника занимаются как мужчины, так и женщины, его сеют как кукурузу... Хлопок отделяют от семян посредством снаряда, называемого «чичихи», при этом снаряде работают два человека. Из хлопчатой бумаги ткнут бязь, которая идет для домашнего употребления...

Льна разводят очень мало... Из волокон льна крестьянки готовят крученые нитки для шитья, а также выделывают довольно грубый холст для белья на семью... Готовый холст держат сначала в свежем коровьем навозе сутки, затем расстилают на траве на солнце, моют не раз и при этом выколачивают».

¹ «Сб. мат. опис. местностей и племен Кавказа», в. XI, отд. I. С. 260.

Все продукты домашних промыслов в Абхазии того времени производились почти исключительно для личного потребления самой крестьянской семьи или, по крайней мере, предназначались для приношения господину. (В этом случае, разумеется, продукт обрабатывался с особой тщательностью).

Князь Д. Шервашидзе выбрасывал часть продуктов и на рынок, но эти продукты были все-таки созданы трудом подвластных ему крестьян. Так, например, по данным Пахомова, в 1857 году князь Д. Шервашидзе продавал самшита из ущелья р. Гумисты и р. Амткел на 2.000. рублей, ореховых кряжей на 900 руб., кизилового леса на 400 руб. На рынок же, очевидно, была выброшена также значительная часть собранного в его имении лаврового листа (всего было собрано 2.000 пудов лаврового листа на сумму 600 рублей), а также некоторое количество орехов, которых было собрано около 3.000 пудов, на сумму 1.200 руб.

Всю подвластную ему территорию, составлявшую не менее 25.000 гектаров, князь Дмитрий (Сеид-бей) Шервашидзе считал своей безусловной феодальной собственностью.

Мы видели, что личное господское хозяйство келасурского помещика было, по всем данным, не очень значительно.

Землей, принадлежавшей князю Д. Шервашидзе, пользовались крестьяне.

Но за это крестьяне были обязаны выполнять в пользу помещика различные повинности, обрабатывать или платить ему (обычно натурой) за пользование землей, составлявшей феодальную собственность помещика.

В виду обилия пустопорожних пространств, крестьянин, подвластный князю Д. Шервашидзе, имел право расчищать из-под леса дополнительный участок и даже переносить свою усадьбу с места на место. Но в то же время, когда князь сажал на землю купленного или иным способом «благоприобретенного» раба, переводя его в разряд крепостных крестьян, он точно указывал ему участок земли для расчистки, выступая совершенно очевидно в этом случае, как крупный земельный собственник¹.

¹ См. об этом «Краткую записку о сословно-поземельных отношениях в Абхазии, Самурзакани», ЦВИА, ВУА, оп. 908, св. 543, дело № 41, л. 95.

Кроме того, разнообразные повинности крестьян, которые они «несли в пользу господина трудом или натурой»¹, были, в конечном счете, несомненно, обусловлены именно тем, что крестьяне жили и вели свое хозяйство на земле, составлявшей собственность феодала. Какими бы идиллическими псевдопатриархальными покровами не прикрывались отношения князя Дмитрия Шервашидзе с его подвластными, в основе своей это были отношения крупного феодального землевладельца к лично зависимым от него и эксплуатируемым им непосредственным производителям.

Крестьянин мог сколько угодно считать «своим» тот участок, которым он фактически пользовался, но, тем не менее, эта земля составляла собственность его господина, феодала.

Главным источником дохода князя Дмитрия Шервашидзе были именно сотни мелких крестьянских хозяйств, находящихся в его владении².

«Мелкое крестьянское хозяйство... и производство самостоятельных мелких ремесленников... составляют базис феодального способа производства»³.

Князь Д. Шервашидзе выступал в качестве крупного феодального собственника не только по отношению к тем крестьянам, которые жили и вели хозяйство на его земле. В качестве крупного феодала он выступал, например, перед торговцами, приезжавшими на келасурский рынок.

Что представлял собой этот келасурский рынок?

В течение веков береговая торговля в Абхазии локализовалась в определенных пунктах. Чаще всего, это были небольшие, хорошо укрытые бухты или устья рек, впадающих в Черное море. Скромные парусные суда, баркасы и «фелюги» находили для себя достаточно удобную стоянку в этих пунктах.

¹ Энгельс. Положение раб. класса в Англии. ГИЗ, 1928. С. 49.

² Общий доход имения кн. Д. Шервашидзе исчислен, согласно цитированному выше документу, в 50.000 рублей. Возможно, что эта сумма несколько преувеличена. (См. примечание 15).

³ Маркс. Капитал. I. С. 251.

Выше приводилось справедливое замечание Торнау о том, что устье реки Келасури приобрело особое значение, как пункт береговой торговли после занятия Сухумской крепости войсками российского царизма (1810 год). «Турецкие» купцы, точнее – купцы, плававшие под турецким флагом, предпочитали укрытое от посторонних взоров устье реки Келасури открытому Сухумскому рейду, на котором, кстати, обычно стояли русские военные корабли. Конечно, и устье р. Келасури часто посещалось представителями русской военной администрации, но все же здесь легче было скрыть контрабандные товары, которые привозились сюда, несмотря ни на какие преследования.

В нашу задачу не входит исследование форм и характера береговой торговли в Абхазии. Данный вопрос нас интересует лишь потому, что келасурский рынок находился в непосредственной близости к резиденции князя Д. Шервашидзе, находился в его владениях и, как видно из цитированного выше документа, приносил ему немалый доход.

Еще отец Дмитрия – Гасан-бей Шервашидзе – получал с келасурского базара доход, составлявший в среднем до 1.300 рублей серебром в год¹.

Этим характерным феодальным правом пользовался, как мы видим, и князь Д. Шервашидзе. Правительство «Российской империи», стоявшее на страже интересов феодальных эксплуататоров, выплачивало ему ежегодно определенную сумму в счет взимаемых с келасурских торговцев таможенных пошлин, несмотря на то, что в Сухум-Кале уже давно существовала таможенная застава.

В 1857 году князь Д. Шервашидзе получил за это 5.500 рублей, причем в «описи доходов» отмечено прямо, что данная сумма получена в виде «пошлин с келасурских торговцев».

III

С.Л. Авалиани в своей книге «Крестьянский вопрос в Закавказье» дает достаточно полный очерк феодальных отношений в Абхазии накануне реформы 1870 года, причем начинает свой анализ характерных для Абхазии форм феодальной зависимости крестьян следующими словами:

¹ Дьячков-Тарасов. Указ. соч. С. 167.

«Отношения между владельцами и зависимыми разрядами населения Абхазии и Самурзакани, **правовое положение последних**, меры и роды повинностей регулировались исключительно обычаем...»¹.

Нетрудно заметить, что автора интересуют не производственные отношения, а прежде всего, «правовое положение» крестьян, которое в то же время является и посылкой, и, в значительной мере, объектом его анализа.

С. Авалиани утверждает, что в Абхазии «не могла выработаться крепостная зависимость. Зависимость, которая существовала между различными разрядами населения общины и их патронами, **отнюдь не была зависимостью по земле**»... Мы можем, заявляет он, говорить только о **личной зависимости**.

Но в то же время С. Авалиани вынужден признать, что в дореформенной Абхазии были «зависимые разряды населения, которые не располагали земельной собственностью», которые «не могли осуществить в силу различных обстоятельств того права, которое им фактически принадлежало».

Очевидно, эти «различные обстоятельства» были достаточно сильными, ибо, говоря даже о «высшем разряде» крестьян дореформенной Абхазии, С. Авалиани должен согласиться с тем, что «пиоши, анхае, однако, нельзя признать абсолютно независимым разрядом населения. Прежде всего, они обязаны нести воинскую повинность, являться на зов патрона; обычай возложил на них в знак уважения к патрону **ряд обязанностей**...»². Далее автор перечисляет этот «**ряд обязанностей**», включающих оброчные обязательства и даже барщинные повинности.

Чувствуя противоречивость своей концепции и ненаучность обоснования крестьянских повинностей «**уважением к патрону**», С. Авалиани в заключение вынужден заявить, что «если уж необходимо точно квалифицировать эти отношения (крестьян с помещиками. – А.Ф.), то можно было бы по аналогии характеризовать их как смягченную форму

¹ С. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье. Одесса. 1913. II. С. 70.

² Там же, стр. 66, подчеркнуто мной. – А.Ф.

крепостных отношений, с преобладающим элементом личной зависимости»¹.

Подобные же противоречия ярко выявляются и в других дореволюционных сочинениях по этому вопросу, в частности в двух полуофициозных статьях, помещенных в «Сборниках сведений о кавказских горцах»².

Автор этих статей решительно заявляет, что анхае (пиоши) «совершенно свободные», что «повинности этого сословия образовались из добровольных приношений... или же имели началом разные услуги и пособия...»³.

Все эти утверждения заимствованы названными авторами из материалов «Сухумской сословно-поземельной комиссии», которая разрабатывала проект крестьянской реформы 1870 г. в Абхазии. «Сухумская сословно-поземельная комиссия» утверждала, что «с понятием анхае (пиош) соединяется представление о человеке свободном, пользующимся в полной мере своими личными и имущественными правами»⁴. Это, однако, не мешало «Комиссии» причислять «анхае» к «зависимым сословиям»⁵.

Для того, чтобы окончательно опровергнуть подобные установки и выяснить подлинную сущность отношений крестьян и помещиков дореформенной Абхазии, обратимся еще раз к цитированному выше документу, который дает конкретный материал для исследования данного вопроса.

В этом документе указано, что во владениях было «600 платящих дымов анхае».

«Анхае», или, точнее, «анхафы», составляли количественно самую значительную, но не единственную категорию крестьян дореформенной

¹ Там же, стр. 75, подчеркнуто мной. – А.Ф.

² В III томе – «Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии» и в V томе – «Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе».

³ Сб. свед. о кавк. горцах. Т. V. С. 49.

⁴ ЦВИА, ВУА, оп. 908, св. 543, д. № 41, л. 94.

⁵ Там же, л. 74, 85 и др.

Абхазии. Мы не знаем, к сожалению, какова была численность крестьян других категорий, так называемых «ахэуфы» и «ахашэала». Но, принимая во внимание, что, по данным «Сухумской сословно-поземельной комиссии», накануне реформы 1870 г. по всей Абхазии «ахашэала» составляли только 2 проц., а «ахэуфы» – 16 проц. всего крестьянства, мы можем сделать заключение, что и во владениях князя Д. Шервашидзе крестьяне этих категорий составляли не более одной четверти всех его подвластных.

Следует отметить, что в отношении этих категорий даже дореволюционные источники применяют термины «раб» (для «ахашэала») и «крепостной» (для «ахэуфы») и, таким образом, их «несвободное», зависимое положение не вызывало сомнений.

В материалах «Сухумской сословно-поземельной комиссии» по поводу «ахашэала» сказано: «Рабы не имеют личных прав... Они могут быть по произволу владельца передаваемы, продаваемы и вообще всяким образом отчуждаемы...»¹.

Иные авторы высказываются более определенно: «Раб... составляет неотъемлемую собственность господина своего»².

С. Авалиани говорит, что «ахашэала» по обязанностям своим приближались к дворовым людям и... состояли в полном распоряжении своих владельцев»³.

По положению своему, абхазские «ахашэала» соответствовали мегрельским «моджалабе».

Что касается «ахэуфы», то материалы «Сухумской сословно-поземельной комиссии» характеризовали эту категорию крестьян следующим образом: «Повинности ахэу... состоят: 1) в работах; 2) в отдаче в услужение в дом владельца мальчиков или девочек, 3) во взносе ачмы, т.е. платы владельцу при выходе замуж девиц; 4) в исполнении незначительных повинностей продуктами хозяйства. Все эти повинности исполь-

¹ ЦВИА, ВУА, оп. 908, св. 543, д. № 41, л. 92.

² Торнау. Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния. Рукопись, Краснодарский архив, ф. Кордонной линии.

³ Авалиани. Цит. соч. С. 65.

зуются подымно. Главнейшая же из мужских работ есть работа полевая. Она исполняется три дня в неделю... Владельцы имеют право употреблять ахуйю на исполнение других работ, взамен полевой работы, например, на присмотр за скотом, на услужение в доме, на заготовление дров, на работы по устройству хозяйства и проч.¹ Владелец указывает ахуйю земли для расчистки, имея в этом случае тот интерес, чтобы ахуйю мог удобно являться с занятой земли на обязательную работу к своему владельцу»².

Таким образом, «ахэуы» был прикрепленным к земле крестьянином, обязанным барщинными повинностями. Его положение полностью соответствовало положению крепостных крестьян в Мегрелии, которые были обязаны такими же повинностями. Характерно, что даже размеры барщины в Абхазии и Мегрелии совпадали (3 дня в неделю).

С. Авалиани допускает возможным называть «ахэуы» «крепостным сословием», хотя и пытается оговориться, что в данном случае этот термин «нельзя трактовать... в типичном значении этого понятия»³.

Следовательно, положение «ахэуы» и «ахашэала» является достаточно ясным, и в отношении их мы не считаем необходимым полемизировать с дореволюционными исследователями. Обратимся теперь к наиболее значительной категории крестьян дореформенной Абхазии, так называемым «анхауы»⁴.

«Сухумская сословно-поземельная комиссия» устанавливала, что среди повинностей, которыми они обязывались, было: «...доставление владельцу в известное время года козы или козленка, или барана, или свиньи, или теленка, или коровы, или части ее...», а также – «доставление владельцу, в установленном обычае размере, вина и кукурузы»⁵.

¹ Цит. мат., л. 93.

² Цит. мат., л. 95.

³ Авалиани. С. 71.

⁴ Термин «анхауы», в настоящее время, выражает понятие «крестьянин» вообще, но в дореформенных условиях он применялся лишь к определенной категории крестьян.

⁵ Цит. мат., л. 94.

О размерах этих «приношений» можно судить по «выкупному свидетельству» группы крестьян селения Атара Очемчирского района, которое датировано 12 января 1872 года¹.

В разделе III этого документа сказано, что из девяти дымов, уплативших выкуп своему помещику князю Григорию Шервашидзе (родственнику Дмитрия), «до 19 февраля 1871 г.² каждый дым был обязан... приношением одной козы, приношением одного козленка, у кого имеется свое стадо коз, приношением восьми окалат³ кукурузы»...

Если верить цифровым данным цитированной выше «описи доходов» келасурского имения, где указано, что князь Дмитрий Шервашидзе имел «600 платящих дымов», то, следовательно, одного только хлеба в зерне он получал с них не менее 120 тонн (или 7.200 пудов).

Поэтому неудивительно, что в цитированной выше «описи доходов за 1857 год» отмечено, что «подати с анхае» и «пошлины с сельских произведений» составили в денежном выражении 12.000 рублей.

Затем «анхафы» были обязаны «отбыванием полевой работы в течение нескольких дней в году⁴.

Эти барщинные работы маскировались нередко формой «общественной взаимопомощи». Крестьяне будто бы «помогали» своему помещику «в знак уважения» или в силу ранее установившихся псевдородственных связей.

Здесь именно выявилась эксплуататорская сущность стремлений абхазских феодалов, направленных к консервации некоторых пережитков родового быта и использованию их для присвоения прибавочного труда крестьян путем отдачи детей на воспитание, «усыновление» и т.п.

Характерно, что и в соседней Мегрелии барщина иногда прикрывалась формой подобной же «взаимопомощи». Так, например, полевые работы мегрельских крепостных крестьян, выполняемые в порядке бар-

¹ Документ получен мной от крестьянина с. Атара Квициния. Хранится в Сухумском краеведческом музее.

² Дата официального объявления реформы в Абхазии.

³ Около 192 килограммов, или 12 пудов (в среднем).

⁴ С. Авалиани. I. С. 61.

щинных повинностей, часто назывались «нотоба», несмотря на то, что данный термин имел совершенно иное значение, а именно, выражал понятие «трудовой взаимопомощи».

Следует, однако, подчеркнуть, что в языке абхазских крестьян существовала специальная терминология для обозначения вышеуказанных повинностей. Так, всякая работа по обязанности, барщинная повинность, называлась «ахашэа» от «ах» – «владелец», «владыка», «господин». Приношение продуктов крестьянского труда помещику называлось «ахэгара» от «ахэ» – «доля» и «агара» – «нести». Анализ этих терминов, очевидно, достаточно ярко иллюстрирует эксплуататорскую сущность крестьянских повинностей и содействует разоблачению легенды о том, что эти повинности выполнялись «в знак уважения к патрону».

Кроме того, в описи доходов имения князя Д. Шервашидзе за 1857 год указано: «получено пошлин за дрова и строевой лес – 6.000 рублей, аждз за пастбища 400 коз и баранов на сумму 1.000 рублей и за прогон гуртов – до 10 коров или 100 рублей¹.

Таким образом, совершенно очевидно, что крестьяне вынуждены были платить помещику за право рубки дров в лесу, за пастьбу скота на принадлежавших ему лугах и даже за прогон своих стад на пастбища, т.е. в данном случае «анхаџы», безусловно, относились к князю Д. Шервашидзе как к крупному феодальному собственнику – землевладельцу, а сами выступали как феодально зависимые крестьяне.

Далее, эти крестьяне были обязаны «содержать и кормить лошадей владельца»². Эта повинность была широко распространена и в Мингрелпи.

Точно также они были обязаны повинностью, содержание которой «Сухумская сословно-поземельная комиссия» определяет следующим образом: «Исполнение работ и всякого рода повинностей, оказываемых в особых случаях, как то: при заготовлении материалов для построек, при перевозке их на место, при производстве построек и проч.»³.

¹ Цит. документ.

² Цит. мат., л. 94.

³ Цит. мат., л. 94.

Наконец, в описи доходов князя Д. Шервашидзе за 1857 год имеется еще одна статья, которая составлялась из приношений в случае выхода замуж крестьянской девушки, причем для крестьян-анхаџы эта повинность носила название «ахшбыр», а для крестьян-ахџуџы – ачма.

В 1857 году эти повинности дали князю Д. Шервашидзе 70 ковров или 700 рублей.

Все это достаточно убеждает нас в том, что крестьянин-«анхаџы», обремененный тяжелым грузом повинностей, ни в коем случае не был «свободным поселянином». Он не был в полной мере крепостным крестьянином, но в то же время нес целый ряд повинностей, совершенно идентичных повинностям крепостных крестьян остальных областей Грузии. Зависимость, неполноправие, несвобода этих крестьян несомненна. Эта несвобода, по словам Маркса, может в феодальном обществе, не меняя своей сущности, «от крепостничества с барщинным трудом... смягчаться до простого оброчного обязательства...»¹. Сущность же этой несвободы составляют феодальные производственные отношения, феодальная эксплуатация крестьян помещиками.

IV

Анализ предшествующего материала позволяет сделать следующие выводы.

Хозяйство крупного абхазского феодала середины XIX века было однотипно с хозяйством помещиков других, в особенности западных, районов Грузии. Господская, барская часть этого хозяйства была не очень значительной.

Формы и методы эксплуатации помещиками подвластных им крестьян в Абхазии, имея много общего с установившейся по всей Грузии системой феодальной эксплуатации, отличались, однако, некоторым своеобразием. Положение крестьян феодальной Абхазии характеризовалось наличием многочисленной группы крестьян-«анхаџы», не прикрепленных к земле, но зависимых и обязанных разнообразными повинностями,

¹ Маркс. Капитал. II. С. 696. 8 изд. 1936 г.

причем эксплуатация этой группы крестьян помещиками прикрывалась патриархальными традициями, обычным правом, псевдородственными связями и т.п. Это обстоятельство объясняется живучестью патриархально-общинного уклада и глубоким переплетением феодальных отношений в Абхазии с элементами родового строя.

Правительство «Российской империи» поддерживало и охраняло феодальные права абхазских помещиков в отношении подвластных им крестьян.

Крупные абхазские феодалы принимали участие в береговой торговле, но товары, которые они выбрасывали на рынок, представляли собой продукты феодальной эксплуатации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Господину председателю Сухумской поземельной комиссии

Заведующего делами князя Дмитрия Георгиевича Шервашидзе,
губернского секретаря Пахомова.

ОТЗЫВ

Согласно отношения вашего высокоблагородия от 10 февраля сего года за № 19, имею честь сообщить вам следующие сведения:

1) Пашен, занимавшихся исключительно под пашни покойного гвардии полковника князя Дмитрия Шервашидзе почти не было, потому что вообще он, как и большая часть крупных землевладельцев Закавказского края, получая натурой подати со своих подвластных, почти не имеет надобности иметь своей собственной запашки. Сеялась у него преимущественно гоми для домашнего употребления и только в последние годы жизни он начал разводить кукурузу для продажи, что в прежние времена для князей считалось здесь позорным. Посевы производились большей частью в следующих четырех местах: в Гульрипше, на большой поляне, находящейся между входом в ущелье, где расположено селение, и лесом,

отделяющим эту поляну от моря, пространство эта поляна имеет приблизительно до 20 десятин. Она была расчищена келасурскими турками по приказанию князя Дмитрия. После его смерти заняли ее гульрипшские жители, которые прежде не смели выходить из ущелья.

2) По реке Маджарке, от ее впадения в море до селения Мерхаул, до 400 десятин. Все это пространство также было расчищено келасурскими турками частью еще при Гасан-бее, а частью при князе Дмитрие. Часть этих земель занимали келасурские турки, а часть занимал сам князь Дмитрий. В последние годы своей жизни князь Дмитрий обратил большую часть пахотных полей в луга, а после его смерти эти луга были захвачены гульрипшским аамыста Беслангуром Маргани и поселенным в 1860 году в Айбухца Тинагма Омаром Эриста.

3) Долина Беслетки (Карантинки), до 200 десятин. Здесь были также собственные пашни и сады князя Дмитрия. Часть их (небольшую, под горами Абжагвы) занимали мингрельские моджалабы, полученные князем Дмитрием в приданое за женой, вырезанные и украденные в 1852 году акапским асасом тавадом Кизилбеком Маршани Атеипа. Большая же часть находилась под помещичьей запашкой, а впоследствии – под сенокосами. Там я могу указать одно небольшое возвышение, образовавшееся на месте, где ставились скирды сена. Большая часть этих лугов захвачена теперь войсками.

4) На реке Гумисте более 300 десятин. Прежде, при жизни супруги князя Дмитрия, когда у него было много скота, местность эта (между рекой Гумистой и Холодной речкой) служила пастбищем. Впоследствии князь Дмитрий обратил ее в пашни и луга.

О количестве посевов, производившихся при жизни князя Дмитрия, точных сведений собрать невозможно потому, что в имении не велось никаких хозяйственных книг. Управляющий Егор Туркия сообщил мне только, что в год его управления было собрано с собственных пашней князя Дмитрия более 8 тысячи пудов гоми и до 2-х тысяч пудов кукурузы. Судя по тому громадному расходу, какой бывал на эти предметы в доме князя (у него редко бывало менее 60 человек гостей, да столько же своей свиты и, кроме того, он много гоми раздавал даром), я не только не считаю этих цифр преувеличенными, но считаю их даже ниже действительности.

тельности. Сена накашивалось при жизни князя Дмитрия на всех лугах более 20 тысяч пудов, и так как косилось оно также, как и теперь, войсками с половины, то на долю собственно помещика приходилось до 15 тысяч пудов, на сумму приблизительно до шести тысяч рублей, считая по тогдашним ценам по 40 коп. за пуд (о цене на сено комиссия может осведомиться из справочных цен того времени, которые должны находиться в делах бывшей комендантской канцелярии). Большая часть этого сена расходилась собственно в доме князя Дмитрия, который держал много лошадей и, кроме того, тем же сеном кормились часто лошади гостей и прислуги.

Собственные сады князя Дмитрия, в которых виноград и орех собирались непосредственно самим помещиком, находились в следующих местах: 1) на Гумисте: а) между Холодной речкой и кустарником к стороне маяка, где была сделана просека в 1860 году по распоряжению генерал-губернатора князя Эристова, и б) близ ущелья Гумисты, в местности Цхар Пуху, которую теперь неправильно занял анхае селения Яштуха Гасан Цхчи. Там был лучший виноградный сад еще при Гасан-бее. 2) В Келасури – прежде там был большой виноградный и фруктовый сад, теперь же от него остались только одни следы, потому что большая часть фруктовых деревьев и лоз была истреблена в 1864 году, когда там были расположены войска. 3) В Багмарани, в том месте, где прежде жил Тлапса Учардия-ипа Маршани (отец Шерин-бея). Там винограду очень мало, но пропасть ореха. 4) В Айбухца, где разведены лучшие сорта яблок и груш и виноград, из которого готовится розовое вино высокого качества. 5) В Бабышира, где обязанность делать вино лежала на анхае Шория. Сколько собиралось орехов и вина в этих садах неизвестно. Всего же вина считается с тем, которое получалось и от подрядчиков с виноградных садов, бывших в пользовании подвластных князя Дмитрия, собиралось до трех тысяч ведер, ценою средним числом по одному рублю за ведро, всего на сумму 3.000 рублей. Вино это, однако, не продавалось, а все расходилось на домашнее употребление, угощение гостей и, конечно, немалая часть его разворовывалась прислугой. Последнее, впрочем, можно сказать вообще относительно всех хозяйственных запасов, потому что порядку в доме князя Дмитрия никогда никакого не было. Орехов

собиралось со всего имения более трех тысяч пудов, на сумму до 1.200 рублей, считая по тогдашней цене 40 коп. за пуд. Часть его продавалась, а больше шла на домашнее употребление.

Усадебные места князя Дмитрия можно считать: Келасури, где он постоянно жил; Гумисту, где у него только была кухня, где готовилось кушанье для гостей из Сухума, которым князь любил задавать иногда обеды под тенью тамошних орехов и, наконец, близ ущелья Маджарки дом, в котором жил тавад Зосхан Маршани. Недалеко от этого места жил прежде дядя Дмитрия – Батал-бей Шервашидзе. После его смерти, князь Дмитрий выстроил там двухэтажный дом с тем, чтобы жить там летом, но позволял временно поселиться в этом доме Зосхану Маршани. Во время выселения абхазцев в Турцию дети Зосхана, пользуясь незнанием местного начальства, продали этот дом на снос сухумскому купцу Николаю Метакси, несмотря на то что дом им не принадлежал, и они были в нем только постояльцами. Управляющий Егор Туркия против такой продажи протестовал, но на его протест не обратили внимания, и дом был снесен.

5) После смерти князя Дмитрия, из всех бывших при нем доходов собиралось только вино с подрядчиков (сколько – неизвестно), плата за право торговли в Келасури, очень неисправно, и весь доход шел на содержание матери покойного, а потом на содержание незаконнорожденных дочерей Халыл-бея Шервашидзе, живших прежде у матери князя Дмитрия; Айбары при князе Константине поступали в пользу последнего, а при других окружных начальниках не знаю куда шли, но полагаю, что ими воспользовался владетель и, наконец, пошлина на лес и за камень, собиравшаяся Егором Туркией. Последняя статья дохода есть единственная после смерти князя Дмитрия, о которой я имею довольно положительные сведения потому, что имею счета Егора Туркия, из которых видно, что в течение 1859, 1860, 1861, 1862 и 1865 годов им выдано окружным начальникам и израсходовано на разные предметы из получившейся им пошлины средним числом по 5.000 в год. Цифра эта дохода при жизни князя Дмитрия была гораздо значительнее и это потому, что после его смерти войска Сухумского гарнизона стали рубить, и его лес совершенно бесконтрольно и громадное количество его продавали в частные руки, не платя ничего в пользу помещика. О количестве остальных доходов, со-

бравшихся после смерти князя, я ровно ничего не знаю. Могу дать указание только на то, что князь Константин Шервашидзе, как получавший этот доход, должен о нем знать. При жизни же князя Дмитрия Шервашидзе, с его имения получались следующие доходы:

1)	Пошлины за дрова и строевой лес более	6000 руб.
2)	За пальму из Гума и Амхяла до	2000 руб.
3)	За ореховые кряжи	900 руб.
4)	Пошлины с сельских произведений	6000 руб.
5)	С келасурских торговцев за право торговли	5500 руб.
6)	Кизилевый лес до	400 руб.
7)	Лавровый лист до 2 т. пудов по 30 коп	600 руб.
8)	Разных фруктов на	300 руб.
9)	Вина до 3 т. ведер на	3000 руб.
10)	Орехов (плодов) до 3000 пуд. по 40 коп.	1200 руб.
11)	Сена 15.000 пуд. по 40 коп. за пуд	6000 руб.
12)	Гоми до 8000 пуд. по 40 коп.	2400 руб.
13)	Кукурузы до 2000 пуд. по 20 коп.	400 руб.
14)	Ажидз за пастбища до 400 коз и баранов средним числом по 2 руб. 50 к. за штуку	1000 руб.
15)	За прогон гуртов через его землю по 10 коров в год по 10 рублей за корову	100 руб.
16)	Ахшбыр до 20 коров в год	200 руб.
17)	Ачма до 50 коров в год	500 руб.
18)	С 600 (приблизительно) платящих дымов «Анхае», средним числом по 10 руб. с дыма	6000 руб.
19)	Айбар более	8000 руб.
	ИТОГО	50.500 руб.

Кроме того, здесь не сосчитаны разные мелкие и случайные доходы, которые, впрочем, не должны быть велики. Все эти доходы получались большею частью не деньгами, а натурой, и потому на них мало обращалось внимания.

Вот все сведения, которые я могу представить комиссии по предложенным мне вашим высокоблагородием вопросам. Я недавно узнал, что прежде при князе Дмитрие состояли моуравами самурзаканский тавад майор Зураб Чхотуа и мингрельский житель азнаур Теймураз Топурия и считаю нужным проверить на них, как на лиц, опросом которых можно проверить мои показания.

№ 10.

10 февраля 1869 года.

Копия верна: Зав. Дворцово-Удельным и Частно-Вотчинным Отделом (Логинов).

УЦГАЛ. Центр. Гос. Арх. Нар. Хоз., ф. № 741, св. № 5, частн. арх. кн. Шервашидзе.

Опубликовано: А. Фадеев. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года // В кн.: Материалы по истории Абхазии: Сборник первый: Труды Абхазского Научно-Исследовательского Института Языка и Истории им. акад. Н. Я. Марра: Отдел истории и этнографии. Выпуск XV. Сухуми, 1939. С. 105–131.

АБХАЗИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

(К истории присоединения Абхазии к царской России)

Главнейшим событием, определившим ход исторического развития Абхазии первой четверти XIX века, было присоединение Грузии к России, ибо Абхазия с древнейших времен являлась неразрывной частью Грузии¹ и всякое серьезное изменение политического положения последней в той или иной степени отзывалось на состоянии Абхазии.

Расположенная на берегу Черного моря, Абхазия была горной и лесистой страной, образованной Главным Кавказским хребтом и его отрогами. На юго-восток от Абхазии, за рекой Ингур, простиралась Мегрелия. Горные хребты отделяли Абхазию от Сванетии, Карачая, Черкесии. На северо-западе соседями абхазов были убыхи, населявшие современный Сочинский район.

Население Абхазии, достигавшее к началу XIX века 150.000 человек, не представляло собой еще этнически однородной массы. Племенные различия ощущались тогда еще весьма значительно, особенно в горной части страны.

На побережье Черного моря и в плодородных речных долинах абхазы занимались земледелием, а в горных районах – по преимуществу скотоводством. Большое значение имело в экономике Абхазии садоводство и виноградарство.

Крупных населенных центров городского типа, за исключением Сухуми, в Абхазии не было. Но и в Сухуми в то время было всего 400 домов

¹ Здесь и далее не будем забывать о дате написания статьи – 1939 г. В более ранних своих работах автор не был столь категоричен. – *Прим. сост.*

и около 3.000 жителей. Многие из абхазских селений, расположенных в приморской зоне (Лыхны, Тамыш, Кутол и др.), по количеству жителей почти не уступали Сухуми.

К началу XIX века территория Абхазии представляла собой феодальное владение князей Шервашидзе – вассалов царей Имеретии. Следует отметить, что феодальные отношения в Абхазии были сильнее развиты в приморской полосе¹, тогда как в горных районах² еще в значительной мере сохранилось родо-племенное устройство с характерным для него патриархально-общинным укладом. Феодальная знать была представлена сословиями тавадов (князей) и аамыста (дворян). Крестьяне делились на ряд категорий, что было обусловлено степенью их личной зависимости от помещиков.

Береговое положение Абхазии подвергало ее особой опасности со стороны султанской Турции. Агрессивная политика турецких султанов была направлена на отторжение Абхазии от Грузии, на уничтожение древних культурно-исторических традиций абхазского народа, тесно связывавших его с культурой Грузии. Поставить абхазских владетелей в зависимость от султана, привить абхамам идею пронизанной мусульманским фанатизмом рабской покорности «падишаху» и, наконец, полностью поглотить абхазский народ, растворив его в массе подневольного населения «Оттоманской империи» – таковы были цели агрессоров.

Однако абхазский народ, преодолевая феодальную раздробленность, мужественно защищал свою родину от внешних врагов и активно участвовал в той героической борьбе, которую вели народы Западной Грузии против захватнической политики турецких султанов. Примером этого может служить восстание в Абхазии в 1771 году, в результате которого был изгнан из Сухуми турецкий гарнизон, а также участие абхазов в знаменитой Хрисильской битве 1757 года, в осаде Поти в 1770 году и т.д.

Владетели Абхазии еще во второй половине XVIII века солидаризировались с политической линией грузинских царей, направленной к союзу с Россией. Так, например, абхазский владетель Леван Шервашидзе,

¹ В Бзыбской, Гумской, Абжуйской областях и «Самурзакани».

² Цабал, Дал, Псху и Ахчипсы.

имея в виду предохранить Абхазию от дальнейшего усиления агрессии султанской Турции, еще осенью 1770 года ведет переговоры с начальником русского отряда генералом Тотлебенем, направленным в Грузию императрицей Екатериной II, о «принятии Абхазии под российское покровительство». Эти переговоры не привели к реальному результату, потому что Тотлебен вскоре был отозван из Грузии, а затем покинул пределы Грузии и его отряд¹.

К концу 70-х годов XVIII века один из преемников Левана, Ахмед-Келеш-бек Шервашидзе, сумел путем дипломатических переговоров с правительством турецкого султана овладеть Сухумской крепостью. Правда, за это он вынужден был официально признать себя вассалом султана, но все данные говорят за то, что со стороны Келеш-бека это был только дипломатический маневр. В этом убеждает нас не только дальнейшая политическая деятельность Келеш-бека, но и свидетельства современников. Так, например, Рейнеггс, почти в это время (около 1780 года) проживавший в Тбилиси и хорошо знакомый с политической жизнью Грузии, прямо указывает, что «Келеш-бек только делает вид, что он подчиняется Турции...»².

Келеш-бек стремился укрепить свой авторитет среди абхазской феодалной знати и достиг больших успехов в деле централизации государственной власти в пределах Абхазии. В частности, он перенес свою резиденцию в Сухумскую крепость, бастионы которой служили для него надежной защитой.

После присоединения восточной Грузии к России (1801) Келеш-бек Шервашидзе, по примеру владельца Мегрелии Григория Дадияни в 1803 году устанавливает тесные связи с русским командованием в Грузии. В письме к Григорию Дадияни «главноуправляющий Грузией» князь Цицианов 30 июня 1803 года пишет:

¹ С. Броневский. «Новейшие географ. и истор. известия о Кавказе», Москва, 1823. Ч. I. С. 346.

² Reineggs. «Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus», SPb., 1796, II, 8.

«Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-бек Шервашидзе, абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола... и что будто он (на деле) никак не зависел от Блистательной Порты...»¹.

О своих переговорах с Келеш-беком Цицианов сообщил в Петербург. Однако правительство императора Александра I опасалось, что присоединение Абхазии к России может вызвать обострение отношений с султанской Турцией, что в это время, в виду осложнений с наполеоновской Францией, было очень нежелательно для царской России. Переговоры, таким образом, затягиваются. Но Келеш-бек, несмотря на это, идет на открытый разрыв с султанской Турцией.

Осенью 1805 года Келеш-бек дал убежище в Сухуми Таяр-паше Трапезундскому, попавшему в опалу у султана. Это обстоятельство и послужило поводом для официального разрыва Келеш-бека с султаном. Сначала из Стамбула требовали немедленной выдачи Таяр-паши от самого Келеш-бека, затем стали апеллировать к его вассалам. До нас дошли интереснейшие документы, представляющие собой фирманы визиря «Блистательной Порты» к абхазским феодалам Маан, Дзяпш-Ипа и другим, с призывом выступить против Келеш-бека, укрывающего «изменника» Таяр-пашу. Ход султанского правительства был верен. В Стамбуле было прекрасно известно, какую жестокую борьбу пришлось вынести Келеш-беку с крупными абхазскими феодалами, сопротивлявшимися его политике централизации государственной власти в Абхазии. В Стамбуле отлично знали, что многие абхазские феодалы таили ненависть против Келеш-бека.

В указанном фирмане визирь Абдуррахман писал:

«Перед сим отправлен будучи с высочайшим фирманом своего государя государей к сухумскому владетелю Келеш-беку для отсечения головы изменника высочайшему двору Таяр-паши... я уведомил его отсель о сей воле государя..., а как высочайшее повеление не исполнено, то через короткое время имеют собраться войска... и мы с большими кораблями и фрегатами отправимся через несколько дней. Вот все сие безумство

¹ Акты Кав. Арх. Ком. II. С. 536.

произошло от безумия Келеш-бека... Первый визирь изустно приказал... объявить вам милость государя..., что... если соберетесь вместе и того законопреступника достанете в руки и, не давая ему случай уйти, отрежете ему голову и доставите ко мне, то из трапезундской таможни отпускаемо будет вам ежегодно по 5 кес (910 руб. – А.Ф.)...»¹.

Как видно, в Стамбуле решено было даже отправить против Келеш-бека карательную экспедицию.

Пути назад были отрезаны. Под угрозой мятежа своих вассалов внутри страны и репрессий извне, Келеш-бек хочет ускорить ход переговоров с русским командованием.

В начале 1806 года Келеш-бек пишет Цицианову:

«Сиятельный князь, высокостепенный и великолепный генерал. По изъявлении вам искренней моей дружбы, сообщу следующее, что высокостепенный трапезундский владетель Таяр-паша..., ласкаясь найти убежище под сенью высокого России покровительства, приехал ко мне в дом... Убежище его ко мне по сказанному случаю подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному. Покорно прошу вас представить о том обстоятельстве Е. И. В. и употребить ваше ходатайство... в случае могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас своей помощью и защищением...»².

Однако в Петербурге сочли за лучшее проявить в отношении Келеш-бека некоторую осторожность, не желая идти на преждевременный разрыв с султанской Турцией.

«Нужно удостовериться, сколь чистосердечна преданность Келеш-бека., а между тем приласкать его и утвердить в принятом намерении не выдавать Таяр-пашу... При настоящих обстоятельствах Грузии приверженность Келеш-бека и даже бездействие его не бесполезны будут...»³.

¹ Там же. С. 872.

² Акты Кав. Арх. Ком. III, С. 191.

³ Там же. С. 190. Письмо кн. Чарторийского к ген. Глазенапу от 8 июня.

25 июля 1806 года у берегов Абхазии появляется турецкая эскадра. Келеш-бек встречает ее на бастионах Сухумской крепости во главе 25-тысячного абхазского войска.

Эскадра, не открывая огня, спешит «благородно ретироваться».

Об этом событии генерал Рыкгоф рапортует из Мегрелии по начальству 30 июля 1806 года в следующих выражениях: «Флотилия турецкая, состоящая из 3 военных и 8 гребных судов для наказания Келеш-бека мимо укрепления нашего, возведенного при устье р. Хопи (Редут-Кале. – А.Ф.) прошла к Сухуму... Келеш-бек себя к встрече с байкадаром (по-видимому, командующим эскадрой. – А.Ф.) совершенно успел приуготовить и, собравши 25-тысячный корпус, составленный из черкес и абазинцев, имел намерение защищаться, доколе будет возможно, и есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут...»¹.

Стойкость Келеш-бека отмечена с удовольствием в Петербурге: «Известия... о продолжающейся преданности к России абхазского владельца Келеш-бека и о безуспешном возвращении турецкой эскадры от мингрельских берегов обратили на себя внимание государя императора...»².

Правительство царской России указывает новому главнокомандующему на Кавказе графу Гудовичу, что «при нынешних обстоятельствах с Портой представляется нужным ласкать всех тех, которые оказывают к нам склонность, а потому Е. В. соизволяет, при первом известии о разрыве с турками в. с. объявить Келеш-беку о формальном присоединении его в российское подданство»³.

В октябре 1806 года переехавший в Крым Таяр-паша в письме на имя «Херсонского и Екатеринославского военного губернатора» Дюка де-Ришелье «сообщает условия, на которых Келеш-бек готов вступить в «российское подданство».

Главными из них были:

¹ Там же. С. 192. Рапорт ген. Рыкгофа от 30 июля 1806 г.

² Там же. С. 193. Письмо бар. Будберга к ген. Гудовичу от 5 сентября 1806 г.

³ Там же.

«2) По принятии же Келеш-бея российским престолом в подданство быть над ними (абхазами. – А.Ф.) начальником Келеш-бею.

3) По достоинству же... награжден бы был (Келеш-бек. – А.Ф.) таким же чином и жалованьем.

4) Из 6 сынов его, большой Сефер-бей также не оставлен бы был достойным чином и жалованьем...

8) В России запрещено покупать ясыров (рабов. – А.Ф.), то чтоб не было им (абхазам. – А.Ф.) запрещено, потому что без обращения сего не могут жить...»¹.

Когда же условия были доведены до сведения императора Александра I, последний приказал Дюку де-Ришелье «заключить с Келеш-беком постановление сходно с учиненными от него предложениями...»².

В январе 1807 года в Сухум-Кале к Келеш-беку был направлен «посланный» с заверениями о принятии Г. И. преданности его к России».

Возможно, что этим «посланным» и был лейтенант Скирневский, на основании «Замечаний» которого была впоследствии (в октябре 1807 года) составлена в Военном министерстве записка под названием «О сведениях, полученных об Абазинской провинции и владетеле»³.

Лейтенант Скирневский рассказывает, что прибыв в Сухуми, «был принят Келеш-беком с особой учтивостью», причем, получив доставленный Скирневским «конверт» от ген. Рыкгофа, Келеш-бек «объяснился» ему, что «нетерпеливо ожидает уведомления, когда будет принят в российское подданство». Лейтенант Скирневский «между прочим спрашивал его позволения, могут ли суда наши, претерпевающие во время плаванья бедствия, входить на рейд Сухумский, и получил в ответ, что если сие угодно будет главному командиру флота и о сем от него получит он предварительное отношение, то он охотно согласится на то». Келеш-бек подарил на прощанье Скирневскому часы и передал два «конверта» – один к таврическому губернатору Мертваго, а другой – к Таяр-паше.

¹ Акты Кав. Арх. Ком. III. С. 192.

² Там же. С. 194.

³ Центр. Военно-Истор. Архив (ЦВИА), фонд ВУА, д. № 18490.

Лейтенант Скирневский перед отъездом успел осмотреть Сухумскую крепость и оценить силы Келеш-бека. По его подсчетам в Сухум-Кале имелось 16 пушек (12 медных и 4 чугунных). В отношении же живой силы Скирневский замечает: «Народ тамошний без изъятия лицом смугловат, худощав и бледно-желтоватый, одет бедно в серые полукафтаны и босиком, в каковом одеянии и самые оруженосцы, коих, по уверению жителей, Келеш-бек может иметь до 8 тысяч человек».

В то же самое время агенты султана организуют в Абхазии заговор, участниками которого являются представители местной феодальной знати (особенно дворяне Дзяпш-Ипа) и во главе которого становится старший сын Келеш-бека – Аслан-бей.

Аслан-бей был старшим сыном Келеш-бека от первого брака. Первая жена Келеш-бека происходила из знатного феодального рода Дзяпш-Ипа, вторая же была дочерью крестьянина из фамилии Лейба. От второй жены Келеш-бек имел нескольких сыновей, одного из которых – Сафар-бея (Георгия) – он и объявил своим наследником, обращаясь в 1806 году через Таяр-пашу к русскому правительству.

Однако Аслан-бей был не только орудием в руках Дзяпш-Ипа. Стоит лишь вспомнить цитированные выше фирманы турецкого визиря, адресованные к «абхазским беям», чтобы стало совершенно очевидным то обстоятельство, что в конечном счете Аслан-бей действовал в интересах и по указке «Блистательной Порты». С полным основанием можно считать, что заговор против Келеш-бека был организован агентами турецкого султана, отомстившего таким образом Келеш-беку за его сношения с Россией, за его стремление сохранить культурно-историческое и политическое единство Абхазии с Грузией. Заговор, очевидно, созрел еще в 1806–1807 гг., после того, как Келеш-бек открыто выступил против султанской Турции.

Вечером 2 мая 1808 года, когда Келеш-бек возвращался домой, он был встречен на пороге своего дома, расположенного в Сухумской крепости, заговорщиками, во главе которых находился Аслан-бей. Пистолетный выстрел поразил, вместо Келеш-бека, шедшего за ним его сына Батал-бея, который упал тяжело раненным. Вслед за тем, четыре ружейных выстрела сразили и самого Келеш-бека. Однако старый владетель, обладавший

крепким здоровьем, все еще был жив. Увидев это, заговорщики изрубили его шашками и кинжалами.

Убив отца и захватив Сухумскую крепость, Аслан-бей сразу же объявил себя вассалом турецкого султана. Вскоре из Поти прибыл в Сухуми в помощь Аслан-бею турецкий отряд.

Убийство Келеш-бека произвело сильное впечатление не только в Абхазии, но и далеко за ее пределами. Победа Аслан-бея, стоявшего во главе заговора, означала победу султанской Турции, грозила порабощением абхазского народа и отторжением Абхазии от Грузии.

Широкие массы населения Абхазии были возмущены злодейским преступлением Аслан-бея. В русских официальных источниках прямо говорится, что «отцеубийца обратил на себя... даже черни ненависть».¹

Тем не менее наследник Келеш-бека Сафар-бей (Георгий) находился в затруднительном положении. Аслан-бей заперся в Сухумской крепости. В его распоряжении находился турецкий гарнизон. Некоторые крупные феодалы стояли на стороне Аслан-бея, используя все свое влияние, все свои родственные и псевдородственные связи для дискредитации его противника.

Сознавая невозможность преодолеть Аслан-бея собственными силами, Георгий Шервашидзе обратился за помощью к владельцу Мегрелии Левану Дадияни. Георгий давно был известен в Мегрелии. Еще при жизни своего отца и с его согласия он женился на сестре Григория Дадияни, одновременно приняв христианство.

Но Георгия Шервашидзе связывали с владельцем не только родственные узы, но и общеполитические интересы. Мегрелия, конечно, ни в какой мере не была заинтересована в торжестве турецкого султана на берегах Абхазии. Поэтому в развернувшейся борьбе между Аслан-беем и Георгием Шервашидзе владелец Мегрелии решительно поддерживал последнего. Георгий нашел также поддержку у самурзаканских Шервашидзе, которые еще в 1805 году вступили в подданство России. Откликнувшись на призыв Георгия, один из самурзаканских владельцев, Манучар Шервашидзе, сформировал отряд, который вместе с мегрельским

¹ Акты Кав. Арх. Ком. IV. С. 553.

ополчением Левана Дадиани двинулся в мае 1808 года к Сухуми, чтобы изгнать оттуда Аслан-бей.

Однако попытка Георгия овладеть с помощью Дадиани Сухумской крепостью оказалась безуспешной. Аслан-бей получил новое подкрепление морем из Поти, где сидел пашой его двоюродный брат – Кучук-бей. Кроме того, он располагал артиллерией, которой не было у его противников.

В известной рукописи Нико Дадиани, хранящейся в Зугдидском музее, этот поход на Сухуми, участником которого был автор, описывается следующим образом:

«Мы прибыли в Аку и расположились на берегу Беслы, но не могли окружить крепость, так как не имели ни приготовленной артиллерии, ни других орудий для блокады крепости... и благополучно вернулись в Одиши».

Тогда же, по совету Левана Дадиани, Георгий Шервашидзе обращается за помощью к русскому командованию в Грузии. В мае 1808 года он пишет генералу Рыкгофу, командующему русскими войсками в Мегрелии.

«Сие письмо присылаю к вам, которое получите. Аслан-бей с несколькими сухумскими убили моего отца Келеш-бея; известно вам, что покойный Келеш-бей при жизни своей передал вам Абхазию, и теперь по его смерти, ежели вы хотите, даю сию землю вам, лишь бы отомстить упомянутому Аслан-беку, не откладывая сие»¹.

В мае 1809 года генерал князь Орбелиани, специально командированный из Тбилиси, прибыл в Редут-Кале (близ Поти) и пригласил туда Георгия Шервашидзе, объявив ему официально, что русский император Александр I «соизволил принять» его «в вечное покровительство и подданство Российской империи» с утверждением его «законным владельцем Абхазии». При этом Георгий Шервашидзе был награжден орденом «святой Анны 1-го класса» и получил «пенсион в 2500 рублей»².

¹ Акты Кав. Арх. Ком. Т. III. Т. 200.

² Рап. кн. Орбелиани от 5-V-1809 г. Цит. по сборнику «Утверждение русского владычества на Кавказе». Т. II. С. 42.

Однако и теперь Георгий Шервашидзе не мог собственными силами изгнать Аслан-бея из Сухуми. В то же время турецкое командование направило в Сухуми флотилию из двух военных кораблей и нескольких мелких судов.

Осенью 1809 года главнокомандующий русскими войсками генерал Тормасов разворачивает операции в Западной Грузии. 15 ноября 1809 года русские войска взяли крепость Поти. Летом следующего 1810 года, Тормасов предпринимает экспедицию для овладения Сухумской крепостью.

В 3 часа дня 9 июля 1810 года русская эскадра, состоявшая из военного корабля «Варахиил», двух фрегатов, одного авизо и двух канонерских лодок, вошла в Сухумскую бухту. Командующий эскадрой капитан-лейтенант Додт приказал немедленно начать бомбардировку крепости «со всех орудий батальным огнем». Бомбардировка произвела в крепости большие разрушения: «каменьями почти все пушки завалены, а остальные с лафетов упали... стоявшие при форштадте суда все потоплены и некоторые дома загорелись и падали, от чего неприятель пришел в великий страх и замешательство»¹.

На другой день, в 10 часов утра 10 июля 1810 года, на берег был высажен десант в составе батальона «морской пехоты» (4-го морского полка) численностью до 600 штыков при двух орудиях под начальством майора Конрадини. После короткого, но упорного боя десантный отряд в 11 часов утра ворвался в крепость и занял ее, потеряв при этом 109 человек убитыми. Остатки турецкого гарнизона рассеялись. Аслан-бей бежал на север в землю горного абхазского племени садзов, у которых он надеялся найти поддержку².

Взятие Сухумской крепости закрепило официальное присоединение Абхазии к России. С этого момента берега Абхазии ограждаются от внешних врагов армией и флотом России. Присоединение Абхазии к России было для нее, так же как и для Грузии, меньшим злом, чем переход в рабство к султанской Турции.

¹ Донесение кап.-лейт. Додта. Акты Кав. Арх. Ком. Т. IV. С. 427.

² ЦВИА, ф. ВУА, д. № 6187, л. 33. Рап. ген. Тормасова от 10-VII-1810 г.

Но Аслан-бей пытался взять реванш. Он уехал в Стамбул, оттуда перебрался в Поты¹, где ему удалось получить от «сераскира» Сулейман-паши небольшой отряд турецких аскеров, с которыми он в июле 1813 года высадился на побережье Абхазии в Гудае. С этим отрядом Аслан-бей двинулся на север и, пройдя через Илори и Очемчири, расположился лагерем у селения Тамыш, надеясь на поддержку со стороны некоторой части абхазских феодалов, а также мусульманского духовенства, влияние которого в Очемчирском районе было значительно сильнее, чем в Бзыбской Абхазии.

Георгий Шервашидзе немедленно обратился за помощью к Левану Дадиани и к русскому командованию.

Когда мегрельское ополчение и вспомогательный русский отряд в составе одного батальона пехоты начали движение из Мегрелии на Тамыш, в лагере Аслан-бея поднялась паника. Турки оставили его и отплыли обратно в Поты. Сам же Аслан-бей, как отмечает в своем письме Леван Дадиани, «только с десятью человеками спасся»². Это лишний раз свидетельствует, что никакого сочувствия авантюры Аслан-бея среди широких масс абхазского населения не встречали.

Тем не менее Георгий Шервашидзе испытывал постоянную тревогу, ожидая новых козней со стороны Аслан-бея. Некоторая часть абхазской феодальной знати продолжала находиться в оппозиции Георгию Шервашидзе, не желая признавать его «законным владельцем». Среди тайных противников Георгия находился даже его родной брат Гасан-бей, владевший землями в районе Сухуми и имевший резиденцию в Келасури. Мусульманское духовенство с неослабевающей силой вело агитацию против Георгия. Агенты Аслан-бея вербовали в свои банды искателей легкой наживы, которых было немало среди дворян и «ищущих дворянства»³. Эти банды бродили по владениям Георгия Шервашидзе, который не мог

¹ По Бухарестскому миру 1812 г. крепость Поты осталась за Турцией.

² Письмо Левана Дадиани к матери от 19 августа 1813 г. Центр. Арх. Внешн. Полит. (ЦАВП), ф. МИД, оп. 1–7, № 1, л. 204.

³ Так называли в Абхазии лиц, составлявших дружину владельца и приобретавших за службу личное дворянство.

чувствовать себя в безопасности даже в своем собственном доме. В то же самое время он не обладал достаточной силой, чтобы ограничить царивший в стране феодальный произвол и прекратить междоусобицу.

Одна грамота императора Александра I об утверждении Георгия Шервашидзе «законным владельцем» Абхазии не была достаточной для укрепления его авторитета среди прочих абхазских феодалов. Более же реальной и постоянной помощи от русского командования Георгий Шервашидзе, несмотря на все его старания, получить не мог.

Сухумская крепость была до 1830 года единственным пунктом, который русские войска прочно занимали на территории Абхазии. Активные операции русского царизма на Черноморском побережье Кавказа тормозились в то время серьезными обстоятельствами.

Прежде всего, войны с наполеоновской Францией (1812–1815 гг.) не позволяли правительству царской России подкрепить резервами свою кавказскую армию. Более того, за счет последней высшее российское командование даже пыталось увеличить свои силы на западных границах. Так, в 1811 году генерал Тормасов получил секретное предписание отправить в Россию три полка с «Кавказской линии» (Северный Кавказ) и один полк из Грузии.

Ввиду назревавших осложнений на западе (с Наполеоном), правительство императора Александра I поспешило весной 1812 года заключить Бухарестский мир с султанской Турцией, а в последующие годы старалось не нарушать его. Между тем – любая более или менее значительная операция русских войск на Черноморском побережье Кавказа, несомненно, вызвала бы определенное противодействие султанской Турции, правящие круги которой и без того с раздражением наблюдали за пребыванием русского гарнизона в Сухумской крепости, не оставляя своих захватнических намерений в отношении Абхазии и всей Западной Грузии.

В течение 20 лет после 1810 года Сухумский гарнизон составляли две роты Белевского пехотного полка. Силы этого небольшого гарнизона подрывались изнурительной караульной службой, малярией, полуголодным существованием. Вокруг крепости бродили банды агентов Аслан-

бея, систематически нападавших из засады на команды солдат, выходивших за топливом, сеном и даже за чистой водой.

Однако, когда в 1820 году министерство иностранных дел запросило кавказское командование о том, оправдывает ли себя содержание русского гарнизона в Сухуми и не следует ли оставить эту крепость, то главнокомандующий Ермолов в очень резкой форме ответил, что он скорее подаст в отставку, чем согласится на эвакуацию Сухуми. В письме к графу Нессельроде от 11 марта 1820 года Ермолов писал, что если оставить Сухуми, то «восстанут народы, доселе удерживаемые страхом... и трудно будет или паче невозможно удержаться в Мингрелии, Гурии и Имеретии...»¹.

Из этого письма, между прочим, можно вывести определенное заключение о том, что в тот период в отношениях русского царизма к Абхазии преобладали военно-стратегические моменты. Непосредственное колониальное значение Абхазии осознавалось тогда еще далеко не всеми руководителями царского правительства и меньше всего с этой точки зрения интересовалось Абхазией царское командование на Кавказе. В этом смысле чрезвычайно наглядным примером служит неудачная попытка осуществления проекта предприимчивого генуэзского коммерсанта Скасси, предложившего организовать на Восточном побережье Черного моря торговлю с черкесами и абхазами.

Еще в 1811 году Скасси представил херсонскому военному губернатору Дюку де-Ришелье проект, сущность которого сводилась к тому, чтобы «водворить спокойствие и обеспечить плавание по сим берегам Черного моря, посредством установления с сими народами (черкесами и абхазами. – А.Ф.) торговых связей...»².

Скасси было разрешено вступить «в переговоры с владельцами тех народов», после чего он неоднократно приставал к берегам Черкесии и Абхазии, «производил мену и склонял к дозволению вырубать леса...».

¹ «Записки» Ермолова. Изд. 1869. С. 116.

² Выписка из журнала Комитета министров 19 августа 1819 г. ЦАВП, фонд МИД, оп. II-3, 1816 г., № 13, л. 153.

С 1816 года Скасси получил от нового херсонского губернатора графа Ланжерона «некоторые пособия отпуском из крымских озер соли», которую он выменивал черкесам и абхазам.

Начинаниями Скасси заинтересовались в Петербурге. В 1818 г. граф Нессельроде уже командирует Скасси в качестве официального лица «для собрания сведений о торговле и ресурсах» Абхазии. Скасси объехал побережье Абхазии, безуспешно пытался договориться о заготовке леса с Гасан-беем Шервашидзе, но все же сумел купить в Скурчинской бухте (в устье р. Кодор) «200 штук дуба длиной в две сажени и фут в диаметре» по цене 1 р. 40 к. за штуку. Окрыленный этим коммерческим успехом, Скасси представил графу Нессельроде докладную записку, в которой он не скупился на краски, описывая природные богатства Абхазии и выгоды ее колониальной эксплуатации¹.

Скасси подчеркивал, что режим военной оккупации не оправдывает себя в Абхазии. Он утверждал, что только развернутая в Абхазии русская торговля приведет местное население к «чувствам более сознательным». Одновременно Скасси подчеркивал, что эта торговля «обогатит Россию, открыв ей новые места сбыта», и даст ей возможность «извлечь выгоды из продуктов плодородного края, богатого лесами и рудами». В своей докладной записке Скасси наметил ряд пунктов, где можно построить торговые фактории и «магазины» (Сухуми, Келасури, Скурча, Илори, Пицунда), а также предложил начать колонизацию абхазского побережья путем раздачи «небольших участков земли» солдатам Сухумского гарнизона.

Заманчивые предложения Скасси были поддержаны министром финансов графом Канкриным.

Известно, что Канкрин первым из царских министров поставил открыто вопрос о Закавказье, как колонии царской России, изложив подробно это свое мнение в проекте, поданном на «высочайшее благоусмотрение» в 1827 году. Этот проект был положен затем в основу официозного издания, вышедшего в свет в 1836 году под названием «Обозрение рос-

¹ Центр. Арх. Внешн. Политики, ф. МИД, оп. 1–9, № 4, л. 2–43. Записка Скасси.

сийских владений за Кавказом». В проекте 1827 года граф Канкрин писал, что «Закавказские провинции могут быть названы нашей колонией, которая должна приносить выгоды произведениями южных климатов»¹.

Неудивительно поэтому, что именно Канкрин оказался «высоким покровителем» Скасси. Канкрин внес предложение в Комитет министров утвердить Скасси в должности «попечителя торговли с черкесами и абазинцами» (абхазами) и выдать ему заимообразно 200.000 рублей с погашением их (без взимания процентов) в течение 5 лет, начиная с 1825 года. В заседании от 19 августа 1819 года Комитет министров одобрил в основном предложение Канкрина, отметив, однако, необходимость «торговлю сию поручить в особенное ведение и покровительство херсонского военного губернатора»².

Однако реализация этого проекта развернутой «торговли с черкесами и абазинцами» натолкнулась на ряд непреодолимых трудностей.

В то время колониальная политика в Закавказье все еще определялась интересами русских крепостников-помещиков.

Поэтому, если тогда отдельные представители царизма вроде Канкрин и пытались привлечь русских помещиков и купцов к «освоению» сырьевых богатств Закавказья, то эти попытки в то время еще не имели под собой реальной почвы. Заинтересованность русской буржуазии непосредственными торговыми сношениями с черкесами и абхазами тогда была еще очень слаба. «Экономическое “завоевание” его (Кавказа. – А.Ф.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое...»³.

Решение Комитета министров об организации «попечительства торговли с черкесами и абазинцами» (абхазами) не нашло сочувствия царского командования на Кавказе. Командующий «Отдельным кавказским Корпусом» генерал Ермолов в письме к графу Нессельроде от 27 апреля 1822 года открыто издевается над проектом Скасси, говоря, что «превосходная сия теория чрезвычайно неудобна в приложении, если совсем

¹ Цит. по книге «Обозрение рос. владений за Кавказом». 1836. С. 12.

² ЦАВП, ф. МИД, оп. II–3, 1816 г., л. 153. Выписка из журнала Комитета министров.

³ Ленин. Т. III. С. 463.

невозможна». В противоположность Скасси, восхвалявшему природные богатства Абхазии, Ермолов в том же документе заявляет, что «произведения земли горских народов ничтожны и торговли нашей обогатить не в состоянии...»¹.

Разумеется, что такое отношение со стороны царской администрации на Кавказе мало способствовало развитию русской торговли на берегах Черкесии и Абхазии. Спустя три года после вышеуказанного решения Комитета министров от 19 августа 1819 г., Скасси жалуется графу Нессельроде (в донесении от 26 декабря 1822 года) на те препятствия, которые «сия возрождающаяся торговля» имеет «в собственных портах наших» от местной администрации, задерживающей корабли, отправляемые к берегам Кавказа, и заставляющей их стоять целыми неделями у причала под предлогом соблюдения карантина и взимания пошлин.

В итоге влачившая жалкое существование «торговля с Черкесией и Абхазией» потерпела полный крах и созданное в 1819 году «попечительство» этой торговли было ликвидировано. Единственно, что осталось от предприятия Скасси, это «меновые дворы» при укреплениях и казачьих станицах на реке Кубани, которые продолжали существовать еще долгое время, но имели узко местное значение.

Судьбу проекта Скасси разделяли и начинания других коммерсантов, пытавшихся в то время приступить непосредственно к освоению Абхазии и сопредельных с ней областей Западной Грузии, как сырьевой колонии. В частности, полную неудачу потерпело предприятие французского консула в Тбилиси Гамба, который хотел сочетать дипломатию с коммерческой деятельностью по эксплуатации лесных богатств Западной Грузии².

Пользуясь вынужденной пассивностью русского командования в Абхазии, Аслан-бей не оставлял надежды овладеть страной. Смерть Георгия Шервашидзе (7 февраля 1821 года) дала Аслан-бею повод для организации нового мятежа в Абхазии.

¹ ЦАВП, ф. МИД, оп. II-3, 1810 г., № 13, л. 324.

² См. Dubois de Montpereux, "Voyage autour du Caucase", t. I, Paris, 1839.

Младшие сыновья Георгия были еще несовершеннолетние. Старший же его сын, Дмитрий (Омар-бей), находился далеко в Петербурге, куда он был отвезен еще ребенком в 1813 году в качестве заложника. О нем в Абхазии уже почти и не вспоминали. Иными словами, после смерти Георгия ни один из его прямых наследников не мог быть немедленно провозглашен владельцем Абхазии. Это учли агенты Аслан-бея, которые, не теряя времени, развернули бурную агитацию за призвание последнего в Абхазию. Внезапный арест Сухумским комендантом майором Могилянским Гасан-бея Шервашидзе и ссылка его в Сибирь еще более накалили политическую атмосферу.

Летом 1821 года Аслан-бей, приехавший из Турции, привлек на свою сторону некоторых абхазских феодалов и осадил Сухумскую крепость. Осенью 1821 года русское командование направило в Абхазию экспедиционный отряд в составе полутора батальонов пехоты при двух орудиях. К этому отряду присоединилась «мингрельская милиция», т.е. феодальное ополчение, собранное в числе 600 человек Леваном Дадиани. Аслан-бей, который по-прежнему не пользовался популярностью среди широких масс абхазского населения, снова потерпел поражение. Командующий русским отрядом генерал Горчаков 13 ноября 1821 года достиг Сухуми, а затем двинулся в Бзыбскую Абхазию, по пути обрушиваясь репрессиями на жителей мирных абхазских селений, не разбирая, кто прав, кто виноват, т.е. возлагая на всех абхазов ответственность за действия Аслан-бея.

В цитированной выше рукописи Нико Дадиани, который возглавлял мегрельское ополчение, говорится, что Горчаков «сжег, а также подверг свирепым экзекуциям многие селения Бзыбской Абхазии, особенно в районе сел. Калдахвары, где были повешены два человека «для устрашения абхазцев».

Жестокие репрессии Горчакова возмутили население Абхазии, которое враждебно встретило приехавшего вместе с Горчаковым Дмитрия Шервашидзе, назначенного императором Александром I владельцем Абхазии. Для охраны последнего Горчаков оставил в Лыхны две роты пехоты под начальством майора фон Ракоци. Впрочем, даже эта мера не спасла Дмитрия, который через год, 16 октября 1822 года, был отравлен в своем собственном доме одним из прислуживавших ему крестьян.

Произвол царской администрации, заставившей тысячи мирных абхазских крестьян расплачиваться за мятежные действия Аслан-бея, пробудил в их сердцах неугасимую ненависть к царизму. Настроение широких масс абхазского народа после кровавого похода Горчакова в 1821 году, ничем не отличалось от настроения крестьян Кахетии, нашедшего отражение в известном письме последних к «главноуправляющему Грузией» маркизу Паулуччи во время восстания 1812 года в Восточной Грузии.

«Мы искали покровительства русского царя, – писали кахетинские крестьяне, – бог дал нам его, но несправедливости и жестокости его слуг привели нас в отчаяние...».

Это отчаяние подняло на восстание трудящихся Кахетии. Оно же заставило стихийно подняться на открытую борьбу с царизмом и абхазское крестьянство, которое, уже неся цепи феодальной эксплуатации, не желало добровольно надевать еще на себя ярмо колониального рабства.

С весны 1822 года начинаются усиленные партизанские выступления абхазских крестьян, нападающих не только на команды царских солдат, но и совершающих набеги на имения нового владельца Абхазии Михаила Шервашидзе (младшего сына Георгия).

В мае 1824 года в Сухуми приехал, встревоженный известиями о растущем брожении в Абхазии, генерал Горчаков. В целях «устрашения» местного населения он решил произвести карательный «поиск» в селение, служившее очагом абреческого движения в окрестностях Сухуми.

В ночь на 17 мая 1824 года Сухумский комендант подполковник Михин вышел из крепости с ротой солдат (225 штыков) для того, чтобы «под покровом мрака» напасть и «разорить» это селение, «более других беспокойное».

Задание, которое было дано Михину Горчаковым, в официальном документе сформулировано следующим образом:

«Прийти к оной (деревне) ночью и, взявши врасплох главных жителей, сжечь ее в страх прочим»¹.

¹ ЦВИА, оп. 847, св. 6, д. № 14/35. «О происшедшем в Абхазии бунте», л. 3. Рап. кап. Харамдани от 21 июня 1824 года.

Однако карательный отряд двигался настолько медленно, что движение его стало известно окрестному населению, которое, не ожидая расправы, покинуло свои жилища и укрылось в лесу. Когда отряд утром вошел в селение, оно было уже совершенно пусто. В слепой ярости от своей неудачи, царский сатрап Михин приказал сжечь плетеные хижины мирных абхазских крестьян. Последние не могли, разумеется, остаться немыми и пассивными свидетелями той страшной картины, которую представляло их родное селение, пылавшее в огне, разоренное и опустошенное по приказу царского офицера. Тот же официальный документ передает происшедшее событие так:

«По ошибке во время отправления из Сухума и по неимению хорошего провожатого посланная команда вместо того, чтобы пройти туда до света, прибыла в 9 час. утра, где уже не нашла ни одного человека, а потому и удовольствовалась сожжением только деревни. Между тем жители оной, собравшись в большом числе, по знаку нечаянно напали на наших».

Из другого документа мы узнаем, что вооруженные крестьяне разоренного селения устроили засаду «в ущельях, коих невозможно было миновать отряду нашему на их обратном пути, и как только оный приблизился, открыли по нему огонь»¹.

Карательный отряд с трудом прорвался к крепости, потеряв 4 офицеров и 40 рядовых. Убит был и подполковник Михин, непосредственно руководивший кровавой экзекуцией.

Весть о поражении карательного отряда быстро облетела всю страну и воодушевила народные массы на борьбу с царскими захватчиками. Цитированный выше официальный документ подчеркивает: «Таковая неудача наших придавала дерзости бунтовщикам и была сигналом к поднятию оружия во всей Абхазии».

В Бзыбской Абхазии снова появился Аслан-бей. На этот раз к нему со всех сторон стекались массы крестьян.

Капитан-лейтенант Харамдани в своем рапорте сообщает, что «бунт абазинцев никогда еще не начинался с таким единодушием, как ныне. Ни

¹ ЦАВП, ф. МИД, оп. II-3, № 6, 1824 г., л. 86. Рапорт чиновника МИД Козинца из Керчи о восстании в Абхазии.

княгиня (мать Михаила Шервашидзе. – А.Ф.), ни комендант (Сухум-Кале. – А.Ф.) никакими средствами не могут отыскать ни одного абазинца, через которого можно было бы узнать, в каком месте, какая шайка находится, как она велика и прочее».

В июне 1824 года Аслан-бей во главе 12.000 повстанцев осадил Лыхненское укрепление, где находился русский гарнизон в составе 2 рот 44-го егерского полка под командой капитана Марачевского. В этом же укреплении скрывался «владелец» Михаил (Хамыд-бей) Шервашидзе. Характерно, что вместе с «владельцем» Абхазии засело в укреплении только 22 абхаза. Даже жители селения Лыхны, этой родовой вотчины князей Шервашидзе, не поддержали своего «владельца». Об осаде Лыхненского укрепления сухумскому коменданту Лилиенфельду сообщил дядя владельца, Али-бей Шервашидзе.

Гарнизон Сухумской крепости был настолько малочислен, что не мог оказать никакой помощи Лыхненскому укреплению. Сухумская крепость фактически тоже находилась в осаде.

Восстание в Абхазии встревожило царское командование. Ермолов приказал Горчакову немедленно двинуть туда крупные военные силы, а «главный командир Черноморского флота» вице-адмирал Грейг направил к берегам Абхазии на подкрепление крейсировавшим там судам военные корабли – фрегат «Евстафий» и бриг «Ганимед».

Положение Лыхненского гарнизона оставалось критическим. Только отсутствие у повстанцев артиллерии оттягивало срок неминуемого падения этого укрепления. Абхазский дворянин Кац Маан, впоследствии перешедший на службу к царизму, а в тот момент являвшийся соратником Аслан-бея, с несколькими десятками повстанцев занял древний Лыхненский храм и оттуда расстреливал солдат, находившихся внутри укрепления, не давая им ни минуты покоя. В отчаянии осажденные внезапно сделали вылазку, ворвались в храм и перекололи абхазских стрелков, за исключением самого Каца Маана, который сумел спрятаться в темном углу на хорах.

Однако через несколько дней храм снова был занят повстанцами и положение гарнизона опять стало безвыходным.

Восстание охватило всю страну. Когда генерал Горчаков с отрядом царских войск в 2.000 штыков при 4 орудиях вошел в пределы Абхазии со стороны Мегрелии, то ему пришлось с боем пробивать себе дорогу к Сухуми. На пути от р. Ингура до р. Кодора царские войска, следовавшие колонной по берегу моря, подвергались систематически фланговым нападениям со стороны повстанческих отрядов. Эти неожиданные набеги и засады сильно замедляли продвижение колонны Горчакова, которая в сутки проходила не более 11 километров.

Карательный отряд царских войск, направленный Ермоловым в Абхазию, был пополнен феодальным ополчением имеретинского и мегрельского дворянства, выставившего в помощь царскому командованию около 4.000 человек.

8 июля 1824 года отряд Горчакова прибыл к реке Кодор. Около 150 абхазских повстанцев засели в развалинах древнего Драндского монастыря, расположенного на правом берегу р. Кодор, и в течение двух суток героически задерживали переправу шеститысячного отряда Горчакова.

Только 10 июля царские войска форсировали реку Кодор, после того, как мегрельская конница обошла повстанцев с фланга, а три русских военных корабля (фрегат «Спешный», бриги «Орфей» и «Меркурий») бомбардировали их позиции с моря.

Повстанцы оказали упорное сопротивление и на р. Келасури (в 5 километрах от Сухуми), преградив береговую дорогу завалами, которые царской пехоте пришлось брать в штыки. Завалы на р. Келасури были взяты ценой 102 убитых солдат.

Достигнув Сухумской крепости, Горчаков отправился с частью отряда (800 штыков) морским путем к Бомборской бухте на выручку Лыхненскому гарнизону. Остальные войска двигались вдоль берега моря по суше. Им пришлось выдержать упорный бой у Псырцхи (там, где впоследствии был построен Ново-Афонский монастырь).

24 июля 1824 года фрегат «Светлана» и бриг «Орфей» высадили десант в Бомборской бухте. Оттуда до Лыхненского укрепления было около 4 километров. С кораблей был открыт артиллерийский огонь по ближайшим к берегу абхазским поселкам.

Увидев у себя в тылу десантный отряд Горчакова и зная о приближении крупной колонны царских войск, следовавших из Сухуми по суше, повстанцы не приняли боя в Лыхнах и отступили на север в горные районы Бзыбской Абхазии. Восстание постепенно погасло. Аслан-бей снова бежал в Турцию.

Однако положение было настолько тревожно, ненависть народа к царизму была так очевидна, что Горчаков приказал скрыть Лыхненское укрепление и отвел его гарнизон в Сухуми.

Вместе с уходом отряда Горчакова уехал из Абхазии и Михаил Шервашидзе. По примеру своего отца он нашел приют в Зугдиди, у мегрельского владетеля Дадиани. В течение трех лет он не решался появляться в своем «владении», т.е. в пределах Абхазии, находясь то в Мегрелии, то в Тбилиси, где завел обширные знакомства среди царских генералов и офицеров, а также выучился читать и писать по-русски.

Анализируя ход восстания в Абхазии 1824 года, нетрудно установить, что оно было народным, крестьянским по существу движением.

Размеры восстания, численность повстанческих отрядов, сила сопротивления восставших царским войскам, все это с непреодолимой ясностью выявляет, что движущей силой этого восстания была не жалкая кучка местных феодалов, группировавшихся вокруг Аслан-бея, а широкие массы абхазского трудового крестьянства.

Абхазское крестьянство восстало в 1824 году не ради провозглашения «владельцем» Аслан-бея Шервашидзе, а ради освобождения страны от гнета царского самодержавия и его ставленников и холопов из местной феодальной знати.

Правда, Аслан-бей пытался, как и прежде, возглавить освободительное движение, но он ни в коей мере не может быть назван вождем этого восстания. В самом деле, восстание началось в окрестностях Сухуми стихийным выступлением крестьян, напавших и разгромивших карательный отряд подполковника Михина, уничтожившего их родное селение. Это выступление произошло без всякого участия Аслан-бея.

12.000 абхазских крестьян осадили Лыхненское укрепление не по призыву и не по приказу Аслан-бея, а исключительно под влиянием ненависти к царизму, войска которого вторглись и заняли древнюю столицу Абхазии, «сердце Абхазии» – селение Лыхны. Ведь сколько раз в течение целого десятилетия Аслан-бей пытался поднять крестьянство той же Бзыбской Абхазии, но это ему не удавалось.

Можно допустить, что Аслан-бей играл некоторую руководящую роль при осаде Лыхненского укрепления. Но его не видели и не считали руководителем ни герои Драндской обороны, задерживавшие переправу отряда Горчакова через р. Кодор, ни крестьяне, защищавшие завалы на р. Келасури, ни повстанцы, сражавшиеся у Псырцхи.

Аслан-бей не был вождем восстания. Он только претендовал на эту роль ради достижения своей личной цели – захвата власти, ради уничтожения своего соперника – Михаила Шервашидзе.

Именно в том, что восставшие крестьяне не имели общепризнанного авторитетного вождя, не имели твердого руководства, централизации и организованности, необходимой для победы, именно в этом и заключалась основная слабость этого восстания, которое было во всех отношениях типичным крестьянским восстанием.

Отсюда ясны и причины поражения восстания 1824 года. Они коренятся в стихийности и разрозненности выступлений, свойственной природе всех крестьянских движений, не руководимых пролетариатом. Патриархальная замкнутость, ограниченность сознания, усиленная в Абхазии того времени этническими (племенными) и религиозными различиями, а также живучестью родовых пережитков, была фактором, разъединявшим и раздроблявшим силы крестьянства. Она же обуславливала известную доверчивость крестьян к той части абхазских феодалов, которая примкнула к восстанию, поддерживая Аслан-бея. Последние были ненадежными попутчиками восставшего крестьянства. В начале восстания они присоединились к движению, чтобы направить его в сторону, выгодную для них – только против царизма. Но размах вспыхнувшего восстания, его массовость, небывалая активность восставших крестьян, все это испугало попутчиков из рядов феодальной знати. Оказавшись между молотом и наковальней, они, конечно, предпочли примирение с

царизмом участию в народном движении. Именно после восстания 1824 года большинство местных феодалов переходит на службу к царизму и становится орудием колониальной политики царского самодержавия в Абхазии, что было официально закреплено торжественной присягой 130 абхазских князей и дворян в апреле 1827 года¹.

Освободительное же движение в Абхазии с этого момента все больше развивается как крестьянское движение. В дальнейшем абхазское крестьянство все резче выступает не только против царизма, но и против местных помещиков (что особенно выявляется в восстаниях, происходивших в Абхазии в 30–40-х годах XIX века), причем эта освободительная борьба абхазского крестьянства является неразрывным звеном в общей цепи крестьянского движения в Грузии в XIX столетии.

Опубликовано: А. Фадеев. Абхазия в первой четверти XIX века // В кн.: Труды исторического факультета Одесского Государственного Университета. История, том I. Одесса, 1939.

¹ Текст этой присяги со списком присягавших хранится в ЦАВП (ф. МИД, оп. 1–7, 1827 г., № 2, л. 8–14).

СТЕНОГРАММА

ЛЕКЦИЙ ПО ОБЗОРНОМУ КУРСУ ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

Введение

Товарищи, мы с вами проведем несколько занятий по краткому обзорному курсу истории Черноморского побережья Кавказа.

Понятно, что вам, экскурсоводам, совершенно необходимо иметь правильный круг исторических сведений, касающихся экскурсионных маршрутов, на которых вы будете работать. Понятно, что мы не сможем с вами здесь в течение такого короткого времени ознакомиться глубоко с историей западного Кавказа, которая сама по себе представляет очень серьезный материал. Но какие-то основные, может быть, не обижайтесь, элементарные сведения мы все-таки должны иметь и, как следует, крепко их усвоить для того, чтобы работать с массой экскурсантов, туристов, отдыхающих курортников, с той массой, которую именно вы должны обслуживать по линии культурной работы.

Мы с вами займемся в течение 18 учебных часов. Это очень мало. Но время не позволяет ни мне, ни вам заниматься этим вопросом более подробно.

План наших занятий будет иметь такой вид: первая лекция в течение двух часов будет посвящена вопросам общего характера, главным образом, некоторым методологическим и методическим указаниям, которые необходимы в работе каждого экскурсовода. На первой же лекции ознакомимся с основными данными по исторической географии Западного Кавказа. Это очень важный момент потому, что историческая география Западного Кавказа очень сложна и очень интересна.

Вторая лекция – один час, будет посвящена теме – «Каменный век на Черноморском побережье Кавказа. Палеолит и неолит».

Третья лекция, занимающая 3 часа, будет посвящена теме – «Древнейшие племенные образования на Западном Кавказе, дольменная и кобанская культура, Колхида». Эта лекция займет 3 часа. Это время является минимальным для такой обширной темы.

Четвертая лекция будет посвящена теме – «Борьба народов Грузии и Западного Кавказа против Иранской и Византийской агрессии, ранняя феодальная культура Грузии». Этим вопросам мы посвятим только один час.

Пятая лекция – 2 часа, будет посвящена теме – «Грузинское царство X–XIII веков, культура эпохи Руставели».

Шестая лекция будет посвящена теме – «Борьба народов Западного Кавказа против Султанской Турции в XVII–XVIII веке».

Седьмая лекция будет посвящена теме – «Кавказская политика Российской империи и присоединение Грузии к России» – 2 часа.

Восьмая лекция – «Борьба горцев Западного Кавказа за независимость в XIX веке» – 3 часа.

Девятая лекция – «Завоевание Западного Кавказа и Махаджирство» – 1 час.

Десятая лекция – «Крестьянская реформа в Западной Грузии, развитие капиталистических отношений на Черноморском побережье Кавказа, колонизация» – 2 часа.

Итого – 18 часов.

Понятно, что я не стану утруждать вас все время сплошной лекцией. Мы будем оставлять каждый раз в конце лекции время для вопросов, которые могут возникнуть, и для ответов, мы разрешим совместно. Кроме того, я буду стараться указывать в ходе лекций некоторые литературные произведения, которые вы сможете впоследствии достать, проработать и изучить для того, чтобы еще больше расширить круг исторических познаний в области вашего знакомства с Западным Кавказом и с той территорией, где вы работаете.

Цель работы экскурсоводов по истории местного края

Я полагаю, товарищи, что целью каждого экскурсовода в данной области, о которой мы сейчас говорим, является ознакомление трудящихся нашей страны, а также, может быть, трудящихся и других стран с историей, историческим прошлым нашей великой социалистической родины. Я полагаю, что каждый экскурсовод должен именно эту главную, основную цель всегда крепко помнить во всех беседах по истории местного края. Конечной целью нашего экскурсовода должно быть, возможно, расширение кругозора познаний трудящихся нашей страны в области ознакомления их с историческим прошлым нашей Родины.

Мы, товарищи, совершенно справедливо гордимся прекрасным настоящим нашей великой социалистической Родины. Но в то же время мы с огромным уважением и с огромным интересом относимся и к историческому прошлому нашей Родины, потому что в этом историческом прошлом народов, ныне составляющих Советский Союз, есть немало героических страниц, таких страниц, знакомство с которыми, чтение которых должно восхищать всякого честного гражданина Советского Союза, всякого преданного делу народа товарища. Мы с вами должны помнить, что история нашей родины насчитывает не только века, но многие тысячелетия. История нашей Родины, история народов, входящих в Советский Союз, имеет немало темных, чрезвычайно тяжелых, трагических моментов. Но в то же время красной нитью через всю историю нашей страны проходит героическая борьба трудящихся против эксплуататоров, которая увенчалась блестящей, невиданной еще в истории мира, победой в Октябре 1917 г., увенчалась великой социалистической Октябрьской революцией, открывшей новую эру в истории не только трудящихся нашей страны, но и в истории прогрессивного культурного человечества. Поэтому понятен тот живой интерес, который проявляют люди самых разнообразных положений и разных профессий, очень далеких от исторической науки, к историческому прошлому нашей Родины.

Вы знаете, какое огромное внимание уделяет правительство нашей страны, коммунистическая партия вопросам истории. Вы знаете, с каким восторгом было встречено нашей советской интеллигенцией, учащи-

мися, нашей советской молодежью, и вообще трудящимися, появление очень краткого, сжатого учебника по истории СССР, под редакцией Шестакова. Вы знаете, с каким живейшим интересом относятся трудящиеся нашей страны к памятникам старины, как они внимательно охраняют и оберегают эти памятники. И целью экскурсовода в области этой работы должно являться еще большее стимулирование этого интереса, который уже имеется среди трудящихся нашей страны к историческому прошлому нашей Родины.

Товарищи, надо понять и крепко усвоить то, что наша родина необъятна, история ее разнообразна, и когда мы преподносим приехавшим в Сочи или Гагры рабочим, колхозникам или советским интеллигентам, приехавшим из далекой области Сибири, может быть, из Якутии, Мурманска, откуда хотите, сведения по истории Черноморского побережья Кавказа, – этим самым расширяем их исторический кругозор, еще более укрепляем в них чувство уважения, внимания, заинтересованности, которые они проявляют к историческому прошлому нашей Родины.

Экскурсовод в своей работе в данной области должен иметь еще в виду, что всякая беседа с туристами, экскурсантами по истории местного края, всякая историческая экскурсия, всякий рассказ о том или ином памятнике народов, входящих в Советский Союз, рассказ о героическом прошлом данных народов, еще более развивает в них чувство интернационализма, интернациональной солидарности, чувство, которое очень глубоко охватывает всех трудящихся нашей родины и вообще всех трудящихся всего мира, в особенности, трудящихся нашей страны.

Надо иметь в виду, что мы с вами в данной области будем рассказывать туристам, экскурсантам об истории Кавказа, об истории кавказских народов, т.е. тех народов, которые в недавнем прошлом были угнетенными народами. Надо помнить, что мы будем рассказывать об истории кавказских народов, самое имя которых хотела стереть с лица земли и стереть со страниц литературных произведений официальная историческая наука царской России и царское самодержавие вообще. Вот это обстоятельство надо иметь в виду. Надо иметь в виду, что каждая наша беседа по истории кавказских народов служит не только общему важному делу ознакомления трудящихся с историческим прошлым нашей великой

Родины, но в то же время имеет огромное интернациональное значение. Русский рабочий, украинский колхозник, приезжающие сюда в качестве туриста, экскурсанты, именно благодаря вам должны ознакомиться с историей культуры и историей героической борьбы народов Кавказа, которые вместе с украинским народом, с русским народом входят в единый Советский Союз.

Таким образом, очевидно, что работа экскурсовода по истории местного края имеет огромное политическое значение. Это – не просто увеселительный рассказ, это очень важное, принципиальное политическое дело. Вот почему к рассказам на исторические темы мы должны сугубо внимательными быть, быть чрезвычайно принципиальными и выдержанными.

Методика работы экскурсовода

Товарищи, если говорить о методике работы экскурсовода в области истории местного края, то следует отметить, прежде всего, то, что эта работа должна быть пронизана конкретностью. Всякий рассказ экскурсовода на историческую тему, на тему из истории местного края, должен быть, прежде всего, конкретен. Мы требуем сейчас от преподавателей истории, от педагогов, занимающихся историей, возможно большей конкретности. Многие из вас, может быть, читали целый ряд постановлений ЦК и СНК о преподавании истории. За последние годы мы все больше и больше требуем конкретности в преподавании исторического материала. Но, товарищи, от экскурсовода мы требуем еще большей конкретности, потому что мы с вами, экскурсоводы, имеем дело не с аудиторией учащихся, не со студентами, не со школьниками, которые пришли учиться, которые так или иначе должны слушать нас, а мы имеем дело с людьми, которые в основном приехали отдыхать. Любой турист, любой экскурсант едет в такие далекие края, скажем, на Черноморское побережье Кавказа, конечно, не только для того, чтобы заняться изучением этого края, но главным образом для того, чтобы и отдохнуть. И, во всяком случае, безусловно, вы будете иметь дело с людьми, которые, хотя и ставят перед собой определенную задачу в области расширения своего кругозора, которые

хотя и ставят перед собой задачу приобрести какие-то новые полезные знания, ибо, к счастью, теперь все более и более со стороны трудящихся распространяется убеждение, что всякая экскурсия, дальняя в особенности, расширяет кругозор человека, но тем не менее ваша аудитория будет состоять из таких людей, которые имеют в виду и момент отдыха. Они приехали отдыхать. Кроме того, ваша аудитория будет состоять из людей самых разнообразных положений и профессий. И если некоторым будет особенно интересно заниматься историей нашего края, то другие могут относиться к этому более или менее прохладно. Вот почему аудитория, которая находится перед экскурсоводом, которую он должен заинтересовать, – является очень сложной, особо специфической аудиторией. И поэтому в рассказе экскурсовода, где бы он ни проводился во время экскурсии, или в красном уголке, или где еще либо, – сведения по истории местного края должны быть наиболее конкретны. Только тогда рассказ будет интересен и только тогда слушатели ваши, может быть, совершенно ранее не интересовавшиеся вопросами истории, – обратят на это внимание и заинтересуются этим предметом.

Товарищи, заинтересовать экскурсанта историей местного края можно только конкретным рассказом и конкретным показом. Это основное положение, которое должно обязательно быть усвоено вами, если вы хотите, чтобы ваши экскурсанты и туристы, которые будут вашими слушателями, были заинтересованы вашей беседой и во что бы то ни стало усвоили те полезные сведения, которые хотите вы им передать.

Товарищи, что значит конкретность работы по истории местного края, что значит конкретный рассказ или конкретный показ? Прежде всего, это значит, что ваша работа по истории местного края не должна выражаться в том, что вы будете собирать группу экскурсантов в какой-нибудь комнате и читать им такую же лекцию, какую я вам сейчас читаю. Я думаю, что так не надо делать, потому что это будет для ваших слушателей скучновато. Я не могу сказать, что и моя лекция очень интересна для вас, но она совершенно необходима для вас в данный момент. Вам необходимо прослушать лекцию по истории местного края.

Я думаю, что рассказ экскурсовода, те сведения, которые он хочет передать туристам по истории местного края, должны быть, прежде всего,

связаны с каким-нибудь конкретным объектом. И вокруг этого объекта вы должны нанизывать все сведения, которые, по вашему мнению, должны быть переданы.

Каждый рассказ должен иметь следующую схему или следующие условия, которые графически можно было бы изобразить так. Вы имеете какую-то определенную тему, связанную с конкретным объектом и уже вокруг этого исторического объекта вы будете нанизывать все сведения по истории местного края, которые вы хотите передать вашим слушателям.

Что такое исторический объект? Не надо думать, что это обязательный какой-нибудь архитектурный памятник. Это не обязательно памятник человеческой культуры. Конечно, очень хорошо, если рассказ экскурсовода будет связан с каким-нибудь памятником человеческой культуры: руины, башни, крепости и т.д. Это будет хорошо. Но это не обязательно, во-первых, и, во-вторых – нельзя только этим ограничиться, потому что у вас будет слишком мало объектов. Что представляет собой конкретный исторический объект? Во-первых – памятник культуры. Значит, любой памятник, который есть на пути вашего маршрута, безусловно, должен быть использован в качестве зацепки, в качестве мотива для построения рассказа. Но нельзя только этим ограничиться. Конкретный исторический объект может представлять какое-то место, которое связано с тем или иным историческим событием. Может быть, так. Вы ведете экскурсию, в основном ботаническую. Но вы проходите мимо какого-то дерева и это дерево связано с тем или иным историческим событием или этнографическими данными. Это дерево может быть священным деревом, около которого происходили моления убыхов, черкесов. Разве нельзя вокруг этого дерева развернуть беседу? Это дерево, может быть, стояло на том месте, где собирались сходки, устраивались собрания горцев в эпоху борьбы за независимость. Под сенью этого дерева, может быть, обсуждались местным населением важнейшие дела, связанные с целой исторической эпохой. Разве можно пройти мимо этого дерева? Конечно, нет. Вот такой объект может послужить мотивом для рассказа.

А во время прогулки в горы, в полосе горных лесов, буквально в 10 километрах от Сочи вы можете встретить в лесу плодовые деревья, оди-

чавшие – сливу, яблоню, грушу. Это тоже есть конкретный исторический объект, потому что это дерево является немым свидетелем той трагедии, которая развернулась в XIX веке, когда местное население было выселено царским правительством. И это одичавшее дерево есть остаток пышных садов, которые имели горцы.

С другой стороны, какое-либо ущелье, долина реки, которая разворачивается перед вашими глазами, когда вы приводите экскурсантов на какое-нибудь возвышенное место; например, с Иверской горы открывается прекрасная панорама на ущелье. А в этом ущелье несколько десятков лет кипела кровавая война маленького народа, который боролся за свою независимость, за свою свободу. Разве, пользуясь несколькими минутами отдыха, пользуясь восторженным настроением экскурсантов, нельзя развернуть интересную беседу вокруг долины речки? Конечно, можно.

Задачей экскурсовода должны быть поиски в своем районе и поиски на пути маршрута интересных данных, вокруг которых он может нанизать свой рассказ и переделать целый ряд полезных сведений по истории местного края. Я полагаю, что невозможно дать готовых рецептов, вокруг какого именно дерева, вокруг какого именно конкретного объекта развернуть такую историческую беседу. Вы должны это сделать сами, когда вы будете прорабатывать планы своих маршрутов. Это – большая работа, это почти исследовательская работа. Вы можете открыть очень много нового. В то же время это совершенно необходимая работа. Всякий ваш рассказ, как правило (я подчеркиваю), должен быть увязан с конкретным историческим объектом. Я подчеркиваю, «как правило», потому что никто не может запретить, когда льет дождь, собрать экскурсантов и провести с ними интересную беседу в палатке или красном уголке. Но, как правило, беседа по истории местного края должна быть увязана с конкретным историческим объектом.

Я хочу обратить ваше внимание еще на одну сторону, имевшую важное методологическое значение. Что надо для экскурсовода, если он уже имеет прекрасный исторический объект? Нужно выполнение двух условий. Мы должны говорить здесь откровенно. Вы знаете, что в нашу среду, в среду экскурсоводов проникли и, пожалуй, еще сейчас проникают люди, которые на эту работу смотрят, как на работу, не имеющую совер-

шенно никакого значения, как на случайный заработок. Товарищи, если кто представляет себе работу экскурсовода, как случайный заработок, конечно, ему лучше и честнее не работать в данной области, потому что из него ничего хорошего не получится, советского экскурсовода не получится. Советский экскурсовод должен относиться к своему делу с величайшим вниманием и любовью. В нашей среде, к сожалению, есть люди, которые смотрят на работу, как на случайный заработок. И они в области истории развивают перед слушателем различные фантазии, и часто эти фантазии бывают политически вредны. И поэтому экскурсовод никогда не должен фантазировать. Он может фантазировать лишь только в том случае, если будет это здоровая большевистская фантазия, например, на тему о будущем местного края, о прекрасном будущем района. Только такая фантазия, здоровая, основанная на определенных научных и политических данных, только такая фантазия допустима. Но я говорю не о такой фантазии, я говорю о фантазии, которая сводится подчас к хлестаковщине, к самому бесшабашному вранью. Есть у некоторых товарищей такое мнение, что если он не может ответить на тот или иной вопрос, то он этим себя сконфузит. Надо, конечно, так подготовиться, чтобы ответить на все вопросы. Но, если вы не сможете ответить, то лучше честно признаться в этом и сказать: «сейчас я ответить не могу, но после отвечу». Фантазировать категорически запрещается, ибо всякая фантазия, всякий ложный ответ, всякая ложная характеристика может быть политически вредной и недостойной звания экскурсовода. Фантазировать совершенно невозможно.

И второе условие. Экскурсовод в области истории местного края должен быть особенно принципиальным. И то, что вы знаете, то, в чем вы уверены – надо защищать, за этот принцип, за каждое свое определение надо драться зубами. Почему я это говорю? Потому что среди экскурсантов могут быть люди разных положений и разного происхождения. Могут быть люди, которые воспитаны нашей советской эпохой, и люди, которые могут быть внешне вполне лояльны к нашей советской науке, но люди, которые таят еще буржуазную идеологию и те представления, которые диктуются буржуазной наукой, люди, которые не согласны с установкой против нее. И такие люди могут постараться экскурсовода сбить,

перетянуть на свою сторону и, ложным авторитетом, своей показной солидностью постараются повлиять на нашу аудиторию и преподнести ей заведомо несоветские и антисоветские установки. Поэтому в области истории каждый экскурсовод должен быть принципиальным и даже если перед вами будет профессор или человек, который будет называть себя профессором, академик с седой бородой, или человек, называющий себя академиком, он не должен вас пугать, и то, что вы знаете, вы должны защищать. Безусловно, вы должны использовать всякое полезное указание действительно научного авторитета. Но, товарищи, против ложных авторитетов, против показной солидности, против таких людей надо быть особенно принципиальным.

Обладать основами марксистско-ленинского понимания истории

Товарищи, совершенно ясно, что быть принципиальным в вопросе истории, – это значит, прежде всего, обладать основами марксистско-ленинского понимания истории, в свете которого мы рассматриваем всю историю человечества.

Основной нашей исходной точкой при оценке любого исторического явления служит положение, которое Марксом и Энгельсом высказывалось очень давно. На могиле Маркса во время его похорон его ближайший друг и соратник Энгельс сказал очень яркую и сильную речь. Эта речь на могиле Маркса широко известна, переведена на множество языков и есть у нас на русском языке. В этой речи Энгельс сказал, что Маркс боролся всю жизнь за то, чтобы убедить всех в том, что человек должен есть, пить и одеваться, иметь жилище, прежде чем заниматься наукой, политикой, искусством и т.д. Иными словами, Энгельс хотел выразить мысль, что краеугольным камнем марксистского понимания истории является тезис о том, что процесс социальной, политической и духовной жизни человечества определяется и обуславливается определенными запросами материальной жизни. Эта мысль нашла свое классическое выражение в известном предисловии Маркса к его работе «К критике политэкономии».

Я зачитаю этот небольшой отрывок, в котором с исключительной силой и яркостью Маркс определил ... (читает).

Исходя из этого, мы, таким образом, должны всегда при оценке исторического явления исходить из того, что в конечном счете данное явление, если оно относится к области общественной, политической жизни в конечном счете определяется данными способами материальной жизни. Но здесь очень важно именно это выражение: «в конечном счете». Иначе мы можем сбиться на путь грубого вульгаризаторства. Известно, какой беспощадной критике подвергается старая «школа Покровского». Эта «школа Покровского» сводила всю историю к вульгарному экономизму. То есть школа Покровского не хотела учитывать того, что политическая, духовная жизнь человечества, любое явление этой жизни, именно только в конечном счете определяется экономикой общества в данный момент. «Школа Покровского» всякое явление, относящееся к духовной социально-политической жизни, сводила прямо и непосредственно к «экономическому фактору».

Это было вульгаризаторство, это была грубость, это была ненаучная, антимарксистская, антиленинская постановка вопроса. Это приводило к тому, что Покровский в своей «Русской истории» восстание декабристов, имеющее огромное прогрессивное значение в истории России, объяснял ничем иным, как только колебаниями хлебных цен на мировом рынке. Он говорил, что единственной главной причиной восстания декабристов служил «тривиальный, грубый факт», что цены на мировом рынке понизились, и это вызвало восстание декабристов. Это есть безобразная вульгаризация, ничего общего не имеющая с марксизмом. Безусловно, на восстание декабристов оказало влияние определенное колебание хлебных цен, в конечном счете восстание декабристов определялось теми сдвигами, которые произошли в экономике Европы. Но помимо этого был целый ряд других причин, которые породили идеи, свойственные декабристам, пробудили героизм этих революционеров и привели их к восстанию против царизма, против крепостничества.

Вульгаризаторство Покровского насаждалось и в нашей школе под влиянием его учеников и приводило к тому, что зачастую ученики наших школ отвечали нелепо на вопросы исторического порядка. В печати был

опубликован факт, когда на экзамене одного желающего поступить в ВУЗ спросили: кто такой Гоголь. Он ответил: «Гоголь есть продукт». Он объяснил, что учитель говорил, что «Гоголь есть продукт своей эпохи» и все. Гоголь, конечно, продукт эпохи, но значение Гоголя в истории нельзя ограничивать только таким определением.

Такая вульгаризация приводила к грубому схематизму. Очень часто также писалось в нашей печати, что экскурсовод в своей исторической беседе апеллирует следующим положением: «Вот здесь феодал, феодал эксплуатировал трудящихся, трудящиеся восставали против феодала. Пойдемте дальше. Вот опять феодал и феодал». В конце концов, сплошные безликие, без глаз, без ушей «феодалы» и такие же безликие «трудящиеся». «Феодал их эксплуатировал, они восставали». Вот такой грубый подход, такая вульгаризация, ничего общего не имеет с марксизмом. Главное заключается в том, что историю делают живые люди, и классы состоят из живых людей. И поэтому классовая борьба есть определенная борьба живых людей. И вот этих живых людей надо показывать в истории. Не ограничиваться чем-то мертвым, не выхолащивать героическое прошлое народа.

Мы опять пришли с вами к тому же выводу: конкретность нужна. А для этого нужно знать материалы, знать факты и этими фактами оперировать умело.

Еще одно маленькое методологическое указание. Это то, что наш подход к истории глубоко интернационален. Я уже говорил об этом. Я еще хочу подчеркнуть. Наш подход глубоко интернационален, мы интернационалисты во всех областях. Вот почему, когда мы изучаем историю, для нас никогда не существует «высоких» народов и «низких». Для нас никогда не существует народов, которые «делают историю» и которые «подчиняются ходу истории». Для нас каждый народ, как бы он не был малочислен в количественном отношении, – представляет собою качество совершенно равноценное любому другому народу. Конечно, были народы более культурные и менее культурные. Но эти менее культурные народы были таковыми не потому, что это было свойственно их «натуре», их «расе», а потому, что исторические общественные условия не позволяли им развернуть свои творческие силы. А эти творческие силы,

способности к творчеству совершенно равноценны у каждого народа. Это обстоятельство чрезвычайно важно иметь в виду, потому что мы, оперируя старой литературой, можем прочесть такие вещи, что мол, существовали народы, которые «не способны были к культурному творчеству», которые «были всегда малыми спутниками большой планеты», т.е. больших народов. Мы можем заметить в старой литературе презрение к «малым народам». Такой великодержавный подход был в старой литературе, против которого надо всегда восставать. И такой великодержавный подход к истории можно встретить не только в литературе, но и среди живых людей. Например, вот большой многотомник трудов Дубровина. Называется «История владычества русских на Кавказе». Но как преподносится этот материал? Первая глава называется «Одежда черкеса, его жизнь и хищничество». Черкес рисуется «хищником». Абхазец – «грубый и невежественный. В нем нет стойкости» (зачитывает).

Далее, излагая историю Абхазии, Дубровин рисует следующую схему (читает).

Таким образом, получается – «невежественный дикий абхазский народ» всегда находился «под благотворным влиянием какого-нибудь мужественного сильного соседа». Так преподносится материал Дубровина. Дубровин – царский генерал, пытающийся оправдать зверскую колониальную политику царского правительства на Кавказе. Вот почему мы должны быть интернационалистами. Это очень важно в политическом отношении, ибо сейчас такое великодержавное отношение к различным народам проповедуется германскими фашистами, которые заявляют о том, что только германский народ, относящийся «к высокой расе», «к единственно культурной расе», способен двигать историю. Германские фашисты заявляют, что народы, входящие в Советский Союз, не способны к культурному творчеству, потому что, дескать, сама их натура, сама их раса не позволяет создать культурные ценности. Германские фашисты проповедают, что вся история народов Советского Союза проходила в виде смены господствующих влияний (татары, немцы).

Борясь против фашизма, против такой дикой варварской постановки вопроса, свойственной фашистским псевдоученым, мы должны противопоставить гнусной пропаганде наше понимание истории, которое

должно было быть пронизано глубоко до конца интернационализмом. Это обстоятельство очень важно иметь в виду. Я подчеркиваю это потому, что среди наших экскурсоводов ходили такие «теории», что любой исторический памятник, который имеется на побережье Кавказа, – представляет собой продукт творчества или византийцев, или римлян, или генуэзцев, кого угодно, только не местного населения. Этот подход существует, к сожалению, и сейчас. Приходится сталкиваться и с тем, что экскурсовод, благодаря своему незнанию, неграмотности преподносит следующее: христианский храм – конечно, построен генуэзцами, мост построен римлянами – так говорили старые археологи, они не допускали мысли, чтобы черкесы или убыхи были способны создать прекрасный памятник. Я хочу вас предупредить: не существует на Черноморском побережье Кавказа ни одного более или менее сохранившегося монументального архитектурного памятника, принадлежащего древним грекам или римлянам. Не существует памятника, который был бы непосредственно построен византийцами и генуэзцами. Нет таких памятников. Этим самым я хочу сразу заострить ваше внимание на том, что подобное утверждение о том, что целый ряд блестящих памятников создан руками агрессоров, захватчиков – есть проявление великодержавного подхода к истории и народов Кавказа. Ибо народы Кавказа, также как и все другие народы, имели возможность для культурного творчества, они тоже творили, создавали памятники культуры.

Вот все, что я хотел сказать по вопросам общего характера. Теперь хочу обратить внимание на историко-географическую характеристику Кавказа.

Элементы исторической географии Кавказа

Что отличает Кавказ в области исторической географии? Прежде всего, необычайное этническое разнообразие, многочисленность, многообразность племенных коллективов.

Экскурсанты часто задают вопрос: откуда пришел тот или иной народ: черкесы, абхазцы, грузины и т.д. Задавая этот вопрос, они часто

заставляют экскурсантов фантазировать. Следует сказать, что старая буржуазная наука всегда начинала изложение истории любого народа именно с объяснения этого вопроса: «откуда пришел данный народ». Потому что старая буржуазная школа исходила из следующего положения: бог создал первоначально двух людей – Адама и Еву. У Адама и Евы были дети, и первоначально был «пранарод». И этот «пранарод» говорил на «праязыке», был единый язык. Затем этот народ стал дробиться на ряд народов, и в результате оказалось следующее: (рисует на доске).

Таким образом, буржуазная школа говорила, что первоначально был «пранарод», который говорил на праязыке. А потом люди дробились на коллективы, дробился язык. Мы исходим из другого положения. Мы говорим, что народ, язык – категория историческая, значит, есть категория изменчивая, значит, смешно задавать вопрос – «откуда пришел данный народ». Потому что данный народ, как правило, сложился в данной местности. Конечно, народ передвигался, но передвигался в пределах более или менее широкой определенной области. Когда нам говорят, что какой-то народ проделал путешествие из Центральной Азии в Западную Европу, – это ерунда. Тогда не было дорог, не было аэропортов, и это путешествие настолько бы изменило этот народ, что он был бы другим, чем он вышел из Центральной Азии. Мы говорим, что каждый народ сложился в пределах определенной области и, чем ближе подходил к нашему времени, тем более скрещиваются народы и нации. Развитие идет не от единства к множеству, а от множества к единству. Надо прочитать произведения товарища Сталина. Товарищ Сталин говорит об этом в заключительном слове на XVI Съезде партии. Доклад и заключительное слово тов. Сталина на XVI съезде широко известны, и легко можно достать эти стенограммы.

Почему это все важно? Отвечая на вопрос, откуда пришел народ, надо деликатно и вежливо говорить, достаточно твердо и принципиально, что всякий народ есть историческая категория, и что он сложился здесь на месте, ниоткуда не приходил, если он несколько передвигался, то, во всяком случае, он не пришел из библейского рая, из Центральной Азии, которая считается буржуазными историками прародиной человечества. Это важно потому что, говоря об археологическом памятнике, экскурсо-

вод сообщает, например, – «вот этот сосуд найден в Сочи на Кавказе. Вы знаете, что этот сосуд представляет продукт производства ассирийской или вавилонской культуры?». Почему, на каком основании? Потому что местное население де неспособно делать такие изящные вещи. Да, говорят нам, язык и культура развивались вместе с переселением народов, наряду с дроблением языков. Но это неверно. Вот эта «миграция культуры» приводит к совершенно неправильной постановке вопроса, совершенно неправильным выводам. Итак, мы не отрицаем ни передвижения народов в пределах данной области, мы не отрицаем культурного взаимодействия, взаимодействия языка, но говорим, что язык – это историческая категория, которая сложилась из множества и перешла в единство в пределах более широкой области.

Коренное население Западного Кавказа, которое сложилось в пределах данной области, может быть зафиксировано так: мы имеем несколько групп этнических и несколько языков. Мы должны отметить следующие группы: картвелы или грузины, абхазы, убыхи, адыге или черкесы. «Черкесами» адыгейцев называли турки.

Картвельские группы состоят из целого ряда подразделений и целого ряда наречий. Теперь это наречия единого грузинского языка.

В Западной Грузии живут: имеры или имеретины, затем мегрелы, которые живут по соседству с Абхазией, затем гурийцы – (город Озургет), аджарцы (город Батуми) и лазы, которые живут в большинстве в Турции.

Затем – абхазы. Я хочу подчеркнуть, что абхазы имеют коренное родство с картвельской группой, но в то же время абхазский язык имеет родственные связи с адыгейским языком. Таким образом, абхазы являются как бы промежуточной группой, между картвельской группой языков и адыге.

Убыхи – это маленькое племя, которое жило именно в Сочинском районе и составляло среднее звено между абхазами и адыге. И, наконец, адыге. Возьмем адыгейские племена побережья: шапсуги, абадзехи, наткуаджи или натухайцы. Вот и все.

Теперь рассмотрим следующее: картвельская группа вся представлена ныне существующим населением. Часть абхазов выселилась, была выселена правительством. Абхазцы делятся на несколько племен: садзы или

джигеты, бзыбцы по реке Бзыбь, гумцы в районе реки Гумиста и абжюа (от слова «середина»). Из абхазских племен садзы или джигеты выселились совершенно. Гумцы выселились почти все, а бзыбцы и абжюа – сохранились. Убыхи совершенно выселились. Из адыгейских приморских племен: шапсуги выселились в большом количестве, но все-таки сохранились на Черноморском побережье, абадзехи выселились почти поголовно и наткуаджи выселились совершенно.

Хочу напомнить о следующем расселении этих племен. До реки Ингура к югу живут картвелы. На территории Абхазской АССР живут абхазы, которые остались здесь. Садзы, которые выселились поголовно, жили между Гаграми и Адлером (они же джигеты). Между Мзымтой, точнее, между Хостой и Адлером до р. Шахе (Головинка) жили убыхи. Значит, Сочинский район, в основном был занят убыхами. От реки Шахе и далее в основном почти до реки Пшада жили шапсуги, очень многочисленное адыгейское племя, и от Анапы – наткуаджи.

I. КАМЕННЫЙ ВЕК НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА

Сейчас мы побеседуем на тему о культуре каменного века на Черноморском побережье Кавказа.

Обычно понятие «каменный век» подразделяется археологами на два больших периода – период палеолита, или древнекаменного века и период нового каменного века, неолита.

Палеолит

Археологические находки, относящиеся к палеолиту, до сих пор на территории Советского Союза весьма незначительны. Следует сказать, что официальная археология царской России очень мало внимания уделяла изысканиям на Кавказе. И только после революции наша советская археология занялась систематическим изучением палеолита и неолита,

то есть каменного века вообще на Кавказе, в частности на Черноморском побережье Кавказа эти работы развернулись с 1934 года.

В течение нескольких последних лет, с 1934 года по 1937 г. включительно, на Черноморском побережье Кавказа работали археологические экспедиции Академии наук, которые специально изучали памятники каменного века, особенно палеолита на Черноморском побережье Кавказа. Общее руководство этой работой имел академик Иван Иванович Мещанинов. Непосредственным руководителем этих экспедиций здесь был археолог Замятнин. Они были увязаны с теми многолетними археологическими изысканиями, которые вел Институт Абхазской Культуры в лице научного сотрудника Л.Н. Соловьева. Эти археологические экспедиции сделали целый ряд важнейших открытий. Они обнаружили на Черноморском побережье Кавказа свыше 50 палеолитических стоянок. Причем на Черноморском побережье Кавказа были обнаружены самые древние из известных пока на территории СССР палеолитических стоянок.

Палеолитическая эпоха древнекаменного века подразделяется на целый ряд периодов. Обычно говорят: верхний палеолит, средний и нижний. Но выделяются еще в среднем и нижнем палеолите различные эпохи. И вот до сих пор на территории СССР были известны, главным образом, палеолитические стоянки, относящиеся к верхнему палеолиту, самому молодому слою палеолитической культуры. В настоящее время на Черноморском побережье Кавказа обнаружены палеолитические стоянки мустьерской эпохи, которая древнее верхнего палеолита и даже палеолитическая культура ашельской эпохи.

Для того чтобы понять, в чем тут разница, можно, например, датировать эти эпохи. Так, например, верхний палеолит обычно датируется временем, отстоящим от наших дней на 25–15 тыс. лет. Это – культура верхнего палеолита. Мустьерская эпоха датируется временем в 50–25 тыс. лет. И ашельская культура датируется временем в 85–50 тыс. лет.

Вы понимаете, какое огромное значение имеют находки на Черноморском побережье Кавказа стоянок мустьерской эпохи, в СССР были известны только 9 стоянок (по всему СССР). А на Черноморском побережье Кавказа было обнаружено 23 стоянки мустьерской эпохи.

Товарищи, в целом следует сказать, что открытия, сделанные советскими археологами на Черноморском побережье Кавказа, на 25% увеличили количество местонахождений памятников палеолитической эпохи, известных в СССР, и значительно увеличили количество палеолитических стоянок, известных вообще на земном шаре. Вот почему это обстоятельство заинтересовало международную археологическую науку. На конференции международной ассоциации по изучению четвертичного периода, которая сокращенно называется ИНКВА, в городе Вена, в Австрии, в 1936 г., сообщение советских археологов об открытых на Черноморском побережье Кавказа многочисленных стоянок палеолитической культуры вызвало живейший интерес со стороны ряда крупнейших иностранных ученых.

Товарищи, мы, экскурсоводы, работающие на Черноморском побережье Кавказа, можем гордиться такими данными. Мы можем акцентировать, делать ударение в своих исторических беседах на то, что здесь, на Черноморском побережье Кавказа, обнаружены палеолитические стоянки такой древности, которая была неизвестна до сих пор в СССР. Особенно интересны мустьерские и ашельские стоянки.

Что представляют собой эти палеолитические стоянки? Материалы этих археологических изысканий, главным образом представляют каменные орудия. На первый взгляд, это грубые, бесформенные куски камня. Но опытный глаз археолога замечает на этих кусках камня следы обработки, сделанные рукой человека. И поскольку этот камень не только был использован, но и был обработан человеком, постольку этот камень имеет право быть названным орудием человека. Ашельские и мустьерские каменные орудия представляют собой очень примитивные, грубые, очень слабо обработанные каменные орудия. Когда вы смотрите на них (они экспонированы в сухумском и сочинских музеях), то для непосвященного человека кажется – это просто камень, естественный камень. Но это есть каменное орудие, но только очень грубое, примитивное. Понятно, что наш очень далекий предок, которого мы с некоторым снисхождением называем человеком, вел очень трудную и сложную жизнь, даже в условиях щедрой кавказской природы. Ленин писал как-то: золотого века позади нас не было. Человек вел суровую борьбу с природой.

А поэтому человеку палеолитической эпохи, обитателю Черноморского побережья Кавказа, было очень трудно жить, очень трудно производить и трудиться. Почему? Да потому, что первобытный обитатель побережья был очень слабо вооружен техникой. И вот доказательством такой слабой вооруженной техники обитателей Черноморского побережья являются грубые, примитивные каменные орудия, которые составляют в основном их технический арсенал. Конечно, тогда человек употреблял и делал деревянные орудия, которые истлели, но и эти деревянные дубины вряд ли могли расширить его технический арсенал.

Эти открытия палеолитических стоянок сделаны в самых разнообразных местах. Их редко можно показывать экскурсанту, потому что они делались на совершенно открытом месте и все орудия были тщательно выбраны и отправлены в музей. Но тем не менее есть такие места палеолитических стоянок, которые можно указать. Вот, например, пещера около Адлера. В местности, которая называется Ахштырь, в долине реки Мзымты имеется пещера, которая в течение двух лет раскапывалась археологами. В этой пещере были обнаружены различные наслоения. Самое поверхностное – энеолитический слой – это переходный период к неолиту. В этом слое был обнаружен ряд новых орудий и скелет ребенка, чрезвычайно редкая интересная находка. Затем было обнаружено несколько неолитических орудий. Они отличаются тем, что несколько отшлифованы. Камни шлифуются и принимают форму топора, ножа. Затем там был обнаружен еще ниже слой верхнепалеолитический. Наконец, еще ниже мустьерской культуры был обнаружен ряд простейших орудий и кости пещерного медведя, который, будучи живым, навел ужас на обитателей Черноморского побережья. Вот что было обнаружено в пещере недалеко от Адлера. Понятно, что если придется быть около этой пещеры, то можно зайти в нее и рассказать обо всем этом экскурсантам.

Неолит

Палеолитические находки были сделаны почти по всему Черноморскому побережью (Сочинский, Туапсинский районы и по всей Абхазии). Благодаря такому изучению палеолита на Черноморском побережье, у

нас сейчас палеолитический материал представлен более широко, чем неолитический. Но это случайно, потому что культура неолита, которая относится ко времени 10 тысяч лет от наших дней, была, безусловно, более развитой, более совершенной. Неолитические орудия были более совершенны, чем палеолитические. Во время неолита обитатели Черноморского побережья уже переживали период родового строя, в то время как в палеолитическую эпоху мы имели дело с беспорядочной ордой и только в верхнем палеолите намечаются первые шаги к установлению рода, а именно образованию материнского рода. Материнский род древнее, чем отцовский. Отцовский род относится в основном к неолиту, а материнский – к верхнему палеолиту. Надо сказать, что находки этих многочисленных палеолитических стоянок на Черноморском побережье убеждают нас в том, что Черноморское побережье было довольно густо (относительно, конечно) населено людьми в ту далекую от нас эпоху. Они доказывают, что Черноморская культура является очень древней, и поэтому с полной ответственностью мы можем заявлять нашим слушателям, экскурсантам и туристам, что, путешествуя по Черноморскому побережью, они ходят по земле, которая отличается особенно высокой, особенно глубокой древностью человеческой культуры. И мы в этом отношении можем гордиться, что наш район, в котором мы работаем, имеет множество таких древнейших памятников человеческой культуры, относящихся, как вы видите, ко времени, отстоящему от наших дней на 50 и 80 тысяч лет назад. Мы имеем памятники такой древности, которых не обнаружено в других местах. Конечно, не надо пересаливать в этом, не надо быть особенными патриотами Черноморского палеолита, не надо развивать какой-то палеолитический шовинизм. Но можно с гордостью говорить, что коренное население Черноморского побережья Кавказа может вполне законно заявлять о высокой древности своей культуры. Конечно, в палеолитическую эпоху, в эпоху неолита не существовало племен. В то время люди жили мелкими разрозненными первобытными ордами или мелкими родовыми группами. Каждая орда и каждая родовая группа имела свое, достаточно обособленное хозяйство. Правда, это хозяйство было общее, основанное на общинной собственности, но в то же время каждая родовая группа имела свой особый язык, поэтому было

множество языков. Поэтому нельзя говорить, что культура на Черноморском побережье есть черкесская или абхазская культура. Но все-таки, какая-то преемственность, безусловно, была, и мы подчеркиваем, что на Черноморском побережье мы имеем чрезвычайно древнюю человеческую культуру.

Сейчас природа не страшна человеку. Сейчас человек успешно борется со стихией всякого рода, и в целом ряде случаев почти всегда человек господствует над природой. В палеолитическую эпоху природные условия играли чрезвычайно огромную роль, и люди концентрировались в тех местах, которые были наиболее благоприятными для человеческого существования.

Следует, товарищи, указать в связи с тем, что я говорил, что мы, отрицая передвижение народов на далекое расстояние и признавая историчность и изменчивость самих категорий народа, нации, языка, тем не менее, конечно, нисколько не отрицаем некоторой исторической культурной преемственности. И когда я говорил, что нельзя говорить о том, что палеолитическая культура на Черноморском побережье есть культура черкесов и абхазцев, тем не менее, некоторую преемственность можно отмечать. В этом отношении очень интересно говорил академик Марр, который был большим авторитетом в области изучения Кавказа.

«Чистота племени и нации, не смешанность крови есть идеалистическая фикция... культур изолированных, расовых также нет, как нет расовых языков. Есть система культур, как есть различные системы языков, сменившие друг друга... с таким разрывом с изжитыми формами, что новые типы не походят на старые, так же как курица не похожа на яйцо, из которого она вылупилась» (Марр. Т. I. С. 241).

Таким образом, понятно, что черкесские, абхазские племена современной нам эпохи совершенно не похожи на первобытных жителей, так же как курица не похожа на яйцо, из которого она вышла. Но какая-то преемственность между курицей и яйцом, из которого она вылупилась, существует. Точно так же мы должны сказать, что современное население современной эпохи не похоже на первобытных обитателей, но известная преемственность в культуре, безусловно, существует. Вот почему неслучайно, после древнекаменного века и культуры неолита, у нас представ-

лена широко бронзовая культура. Надо сказать, что бронзовая культура на Черноморском побережье представлена так, как ни в одном районе СССР. Поэтому неслучайно на Черноморском побережье мы имеем целый ряд интереснейших памятников культуры. Это определяется тем, что культура человека на Черноморском побережье Кавказа имеет очень древнее происхождение.

Нет надобности загромождать вас, не следует слишком увлекаться данными из каменного века, потому что есть более животрепещущие вопросы. Но знать это в общих чертах, чтобы правильно ответить на тот или иной вопрос, или для того, чтобы остановить внимание экскурсантов на вопросах древности – это все необходимо.

II. ДРЕВНЕЙШИЕ ПЛЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА

Древнейшие племенные образования

Следующей темой у нас является – древнейшие племенные образования на Черноморском побережье Кавказа. Мы с вами очень кратко остановимся на характеристике культуры каменного века на Черноморском побережье Кавказа. Следует указать, что по мере развития производительности сил и технического прогресса, древнейшие обитатели Западного Кавказа постепенно переходили к металлической технике. Металлическая техника сильнее вооружала человека, расширяла его хозяйственные возможности и поэтому выплавка металла и выделка металлических орудий явились событием огромной важности для древнейших первобытных людей. В частности, на Черноморском побережье Кавказа в первый период металлической техники мы наблюдаем так же очень быстрый рост культуры во всех отраслях и во всех отношениях.

Бронзовая культура

Первым материалом, который стал употребляться в человеческой технике, стал употребляться человеком для изготовления орудий, почти повсеместно была медь и различные медные сплавы. Почему медь? Почему именно этот металл является более древним металлом для изготовления металлических изделий? Нетрудно догадаться. Потому что медные руды часто встречаются, редко встречаются медные месторождения, но мелкие месторождения меди очень распространены. С другой стороны, медь действительно более легкоплавкий металл, чем железо. Выделять медь, отделять медные орудия легче, чем железные. Медные сплавы также практикуются, из них, особенно бронза – сплав меди и олова, иногда и прибавлением цинка. Бронза прочнее, чем медь, бронза тверже, чем медь. Вот почему очень скоро древнейшие обитатели Кавказа, как только овладели выплавкой металла, скоро заменили чисто медные орудия бронзовыми предметами. На основе этой бронзовой техники вырастала определенная материальная культура, известная под названием бронзовой культуры. Мы можем говорить о бронзовой эпохе, бронзовой культуре.

Надо сказать, на Черноморском побережье Кавказа эта бронзовая культура, бронзовая техника выражена особенно ярко. Я еще раз напоминаю вам, что старая официальная археологическая наука царской России не уделяла достаточно серьезного внимания изучению исторического прошлого Кавказа. Но за немногие годы, которые прошли после революции, наша советская археология сделала в этом отношении, в отношении изучения бронзовой культуры огромные успехи. Мы располагаем теперь ценнейшими коллекциями из бронзы, которые показывают нам, как постепенно в течение веков и тысячелетий прогрессировала бронзовая техника, достигая весьма совершенных образцов и исключительно изящных форм.

Дольмены

Самая ранняя бронза, т.е. самые древние, грубые еще формы бронзовых предметов, мы находим в том культурном слое, который называется археологами дольменной культурой. Правда, она относится не целиком к металлической технике. Она является переходом от неолита, каменного века, к металлической эпохе. Но, так же как неолит – ведь эпоха не только каменных изделий, так и медная и бронзовая эпохи не только эпохи металлических орудий, потому что в начале этих эпох продолжали употребляться каменные орудия. Понятно, что процесс развивался постепенно, медленно и был период, когда существовали совместно и каменная, и бронзовая культура.

«Что такое дольменная культура. Что за слово «дольмен»? Это слово имеет непосредственное назначение к вам, потому что вы на пути вашего маршрута встречаетесь с целым рядом дольменов.

Дольмен – слово иностранное (бретонское), означает «стол» и «камень». Дольмены представляют сами по себе массовые каменные сооружения, монументальные сооружения из тяжелых каменных плит. Приблизительно дольменам придавалась форма куба. Дольмены встречаются во многих местах земного шара. У нас на Черноморском побережье это самый древнейший архитектурный памятник. Старше дольмена, древнее дольмена ни одного архитектурного памятника на побережье Кавказа мы пока не имеем. Дольмены представляют чрезвычайно интересное архитектурное сооружение. Достаточно сказать, что обычно дольмены складывались из пяти тяжелых каменных плит, причем каждая плита имеет размер 4х2 метра и толщину около 0,5 метра. Вес такой плиты достигает 900 и 1000 пудов. Пять таких плит образуют дольмен. Вы видите, насколько это тяжелое, грузное сооружение, несмотря на то что по построению, по структуре оно очень простое.

Дольмены встречаются у нас, в районе нашей работы, во многих местах. Дольмены имеются около Туапсе, в 6-ти километрах от Туапсе по Майкопскому шоссе, в 660 метрах от километрового столба. Если подняться вверх по ущелью небольшого ручья, то мы придем к туапсинским

дольменам. Эти дольмены не столь замечательны, т.к. сильно подвергались разрушению, занесены землей. Никто их как следует не исследовал.

Затем имеются дольмены в районе, более близком к Сочи на реке Шахе. Там есть целая колонна дольменов, до 12 штук.

Затем дольмены встречаются в Красной Поляне, на Аибге и во многих абхазских селениях – Отхара, Азанта и селении Эшеры.

Из всех перечисленных мною дольменов, наиболее удобными для осмотра являются эшерские дольмены в Абхазии, они расположены всего в 2–3 километрах от шоссе. Дольмены в Советском Союзе встречаются не только здесь на Черноморском побережье Кавказа, они встречаются на Северном Кавказе, в Закавказье, в Ахалкалакском районе Грузии. Подобие дольменов имеется в Крыму. Кроме того, дольмены широко распространены в других странах. Достаточно сказать, что дольмены известны в Западной Европе, в Америке. Одним словом, нет, пожалуй, ни одной части света, где бы мы не встретили дольменов.

Понятно, товарищи, встает вопрос, что же такое дольмен? Что это – жилище, или военное сооружение, или культовое сооружение? Это гробница, фамильный склеп, погребальное сооружение. Везде дольмены имеют именно такое назначение. Дольмены относятся к давним временам. Археологи датируют дольмены временем 2500–1200 лет до нашей эры. Иными словами, если мы хотим узнать, как далеко отстоит от наших дней дольмен, мы должны прибавить, грубо говоря, еще 2000 лет, т.е. получится 4500 и 3200 лет. Вот 4500 лет назад люди создавали эти дольмены, причем создавали в самых разнообразных местах земного шара. Спрашивается, как же можно объяснить наличие дольменов в самых разнообразных частях земного шара?

Старая буржуазная историческая наука объясняла это очень просто. Буржуазные археологи объясняли широкое распространение дольменов по земному шару существованием в древности особого «дольменного народа», который вышел якобы из прародины человечества, из Центральной Азии, продвигаясь с места на место, достиг Скандинавии. Существование дольменов на разных пунктах земного шара объяснялось тем, что дольмены строил один и тот же народ.

После того, что я говорил утром, подобные объяснения ни в коем случае не могут быть обоснованными, это просто чепуха. Невозможно

предположить, чтобы народ, который научился делать дольмены, а потом путешествовать по свету, чтобы народ, дойдя до Франции, Америки, Индии находился бы на той же ступени развития, на том же техническом уровне, на каком вышел в путешествие и все бы продолжал строить дольмены. Это невозможно. Если бы такой народ вышел гулять по свету, то за время своего путешествия настолько бы видоизменился, что, безусловно, должен был бы давно бросить строительство дольменов и заняться чем-нибудь другим.

Чем же объяснить существование дольменов? Очевидно тем, что практика строительства дольменов была выражением представлений народов на определенной ступени их исторического развития. Таким образом, этапы истории каждого народа в основном очень похожи и каждый проходит через определенную стадию, скажем, родового строя. И поэтому совершенно независимо друг от друга в разных частях земного шара люди, которые жили на определенных ступенях общественного развития, занимались строительством этих дольменов. Вот причина общности культурных форм, в том числе и однотипности их погребений.

Следует указать, товарищи, что сами по себе дольмены являются очень интересным историческим памятником. Что дают нам дольмены? Прежде всего, они рассказывают нам о технике людей, о технических навыках тех людей, которые их строили. Каждый дольмен обычно содержал, если не подвергался разграблению, целый арсенал вещей. Мы обнаруживали в дольменах несколько полусидящих, полулежащих скелетов, много вещей неплохой ранней бронзы. Тут были и оружия, и орудия, и предметы домашнего обихода, керамика, посуда и даже украшения, очень примитивные украшения. Там стояли сосуды, в которых была в свое время налита вода и положена пища. Это было сделано для того, чтобы души умерших покойников могли найти все необходимое. Мало того, каждая плита дольменов имела круглое отверстие, в которое маленький ребенок с трудом мог пролезть. Для чего делалось это отверстие? Для того, чтобы душа покойника, если она не удовлетворится пищей и вещами, которые оставлены в дольменах, могла бы выйти на охоту, прогулку и войти обратно в дольмен. Для этого и делалось отверстие.

Таким образом, дольмены показывают, что люди, строящие дольмены, обладали довольно высокой техникой. Хозяйства их были уже производящими хозяйствами, строительство дольменов соответствовало стадии родового строя, и каждый дольмен был семейным склепом определенной родовой группы. Каждый раз, когда умирал член родовой группы, дольмен вскрывался и туда добавлялся еще умерший, но обязательно родственник. Дольмены рассказывают и о религиозных представлениях, об идеологических представлениях людей. Уже эти люди верили в душу и духов, они имели определенные религиозные представления. Культ предков, прародителей, свойственных родовому строю, нашел яркое выражение в этих дольменах. Вот почему чрезвычайно важно познакомить ваших экскурсантов, туристов с дольменами и рассказать о них.

Помимо дольменов, ранняя бронза, грубо примитивная бронза находится нашими археологами не только в местах погребения, но и в местах стоянок, там, где жили люди. Эти орудия грубые, примитивные. Они показывают, что человек только что начал осваивать эту технику, она осваивается и развивается вперед. Мы встречаем ряд погребений, стоянок, которые дают более совершенные формы.

Для Черноморского побережья характерна определенная форма бронзовых орудий, бронзовых предметов. Причем эта форма соответствует определенной ступени людей. Изделия из бронзы здесь более совершенной формы, гораздо изящнее, чем изделия раннедольменной и преддольменной бронзы. Изделия этой формы носят название «кобань» или «кобанская бронза». Кобань – это аул в Осетии. Там впервые были найдены эти орудия, но оказалось, что «кобанские» орудия были найдены и в других местах Кавказа. Теперь мы можем утверждать, что изделия кобанской формы были господствующими. Вот почему археологи могут говорить о «кобанской культуре».

Что же характерно для кобанской культуры? То, что это уже более близкий к нам период развития техники и развития культуры. Кобанская культура датируется временем конца второго и начала первого тысячелетия до нашей эры. Особенно характерное развитие кобанская культура получила в первой половине нашей эры, т.е. в эпоху, отстоящую на 3000–2500 лет назад от наших дней.

Наряду с находками кобанской бронзы, мы встречаемся с очень интересным явлением. Кобанские могильники, т.е. те погребения, которые содержат в себе предметы кобанской культуры, очень часто дифференцируются, т.е. встречаются очень богатые и бедные погребения. Это наводит на мысль о том, что в этот период уже происходило имущественное, экономическое расслоение тех коллективов, которые в дольменную эпоху имели общинную собственность. В кобанскую же эпоху появляется частная собственность и первые признаки социального неравенства. Очень любопытно, что целый ряд кобанских погребений уже имеет характерный тип. В частности, если раньше хоронили в дольменах, то теперь мы встречаем погребения в урнах.

Погребения эти представляют следующее. Случайно мы встречаем какую-нибудь пещеру, в которой находим несколько сосудов самой разнообразной формы. Когда мы открываем сосуд, то оказывается, что он наполнен черепами, костями, а иногда здесь помещаются и маленькие вещи. Иногда урны бывают очень больших размеров. В них мы находим остатки нескольких скелетов.

Что это за погребения в урнах? Дольмены в это время уже не строились. Сосуды очень небольшие, в которые покойника никак нельзя втиснуть. Как это получалось, что там оказались черепа, кости. Получалось таким образом. В эту эпоху был принят такой характер похорон. Первоначально, когда человек умирал, его клали или на высокий помост, или на высокое дерево. Покойник лежал там известное время, пока птицы не склевывали мясо, и дождь не обмывал кости. Когда труп разлагался, загнивал, тогда эти кости снимали с большими церемониями, отмывали от остатков и запихивали их в какой-нибудь сосуд и эту урну хоронили или в пещере или в гроте. Такие погребения дают очень интересный материал.

Наиболее интересным моментом из истории кобанской культуры являются находки на местах стоянок. Здесь мы наряду с предметами местного производства находим еще и импортные вещи, завезенные сюда, на Черноморское побережье. Вещи оказываются сделанными в очень далеких странах. Чаще всего речь идет об импортных вещах эллинского или древнегреческого происхождения.

Связь с Элладой

Товарищи, когда мы находим на Черноморском побережье Кавказа погребения или просто следы стоянок древнейших обитателей, имеющие импортные вещи, т.е. предметы сделанные, скажем, в древней Греции-Элладе и завезенные сюда, у нас возникает вопрос, каким образом могли попасть эти вещи на Черноморское побережье. Раз попали они сюда, значит, существовали какие-то определенные отношения, связи экономического, а стало быть, культурного и политического порядка между обитателями Черноморского побережья и жителями Эллады. И такие связи оказываются действительными и вполне реальными. Дело заключается в том, что побережье Западного Кавказа было известно древнегреческим мореплавателям еще в давние времена. Древняя Греция обладала по тем временам хорошим флотом, хорошими кадрами мореплавателей, кроме того, Греция вела колонизационную деятельность, и поэтому нет ничего удивительного, что древнегреческие мореплаватели, купцы, пираты имели возможность знакомиться с Черноморским побережьем Кавказа.

Когда мы обнаруживаем этот факт, когда мы находим здесь ряд предметов, сделанных в древней Греции, тогда мы обращаемся к древнегреческой литературе, потому что она древнее, старше, чем литература кавказских народов. Древнегреческая литература оставила ряд интересных памятников. Правда, до нас дошли только осколки их, но, тем не менее, некоторые описания древних греческих писателей дошли до нашего времени.

Прежде всего, следует сказать, что тот материал, который является импортным для Черноморского побережья Кавказа, завезенный из древней Греции, обычно представлен бывает посудой, керамикой. Ремесленное производство древней Греции достигало очень высокого уровня, и характерным для древнегреческого ремесла были разные глиняные сосуды, которые покрывались несмываемым черным лаком. Вот эта черно-лаковая посуда очень интересная. И главным образом эту эллинскую черно-лаковую посуду мы встречаем среди импортных вещей, находимых на Черноморском побережье.

Колхида

Когда мы обращаемся к древнегреческим писателям, чтобы узнать, как они представляли себе Черноморское побережье Кавказа, то встречаем, что чаще всего оно фигурировало у древнегреческих писателей под названием Колхида. Колхида в представлении древнегреческих писателей была более географическим, чем административным понятием.

Чаще всего большинство эллинских писателей указывает предметы Колхиды от Трапезунта до Гагр примерно. Некоторые авторы стремятся расширить территорию Колхиды до Сочинского района. Более часто Колхида представлялась древнегреческим писателям как область Западной Грузии.

Что древнегреческие писатели сообщают нам об этой самой Колхиде? До нас дошло довольно много подобных сочинений. Прежде всего, даже такие писатели, как Гекатей, Геродот и Ксенофонт, которые жили за 2500 лет до наших дней, сообщают много интересных данных о Колхиде. Чем ближе к нам, тем больше сведений дают древнегреческие писатели о Колхиде. Древнегреческий писатель Скилакс говорит, что на берегах Черного моря множество племен. Он указывает, что наиболее крупными племенами были колхи, гениохи и ахеяне. Если бы мы попытались распределить эти племена, упоминаемые Скилаксом на карте, то, оказывается, Скилакс представлял дело так. Южный отрезок Черноморского побережья, главным образом, Западную Грузию, населяли колхи. К северу от Колхиды, примерно часть Абхазии и Сочинский район (по представлению древнегреческих авторов) жили гениохи, ахеяне распределялись от Сочи дальше к северу. Нет никакой возможности установить точные границы этих племен, упоминаемых древнегреческими писателями.

Далее следует отметить, что наиболее подробное описание племен, населявших Колхиду, дал более молодой греческий писатель – географ Страбон. Это был писатель первого века, гораздо моложе, чем Скилакс и другие.

Географ Страбон пишет следующее. Он говорит, что на территории Черноморского побережья Кавказа, помимо колхов жили еще зихи и гениохи. Значит, колхи остаются. Вместо ахеян Страбон употребляет назва-

ние зихи. Зихи созвучно древнегрузинскому названию черкесов. Русские стали называть племя садзов – джигетами. Таким образом, у Страбона мы встречаем зихов, которые напоминают более современное племенное название джихи.

Отчего, спрашивается, древняя Греция интересовалась этой Колхидой? В чем был смысл заинтересованности? Надо ответить так: первые данные о посещении греками Черноморского побережья мы черпаем из мифического предания о том, как легендарный герой эллинский Язон, родом из Фессалии, снарядил экспедицию для похищения золотого руна (баранья шкура). Это золотое руно хранилось в священной роще Колхидского царя Айета. На корабле «Арго» Язон со своими спутниками доплыли до берегов Колхиды, до реки Фазис, которая, очевидно, соответствует современному Риону, и, появившись во владениях царя Айета, он с помощью дочери царя – волшебницы Медеи – похитил золотое руно и увез его с собой. Конечно, это легенда, это сказка. Но, несомненно, эта легенда отражала первые попытки снаряжения греками экспедиции к берегам Кавказа. Что же манило древнегреческих пиратов, купцов к Колхиде? Надо ли понимать под золотым руном – золото? Вряд ли. Я думаю, древние греки ездили сюда не за золотом. Термин – золотое руно – расшифровали древнегреческие и римские писатели. Римский писатель Марк Варон пишет: «Старинные поэты передали, что даже скот имел золотые шкуры, разумея его дороговизну... как, например, в Колхиде у Аэта...» (П, I, 6).

Таким образом, римские античные писатели понимали, что речь шла не о золоте.

Во всяком случае, от первых пиратских торговых экспедиций, типа похода аргонавтов до более систематической колонизационной деятельности на побережье Черного моря, прошло много времени, несколько столетий. Характерно, что сначала древние греки называли Черное море «негостеприимным» (Понт аксинский), и только некоторое время спустя стали называть его «гостеприимным» (Понт эвксинский). Основание в VII–VIII веке до нашей эры Черноморских колоний приписывается жителям из греческого города Милета, цветущего торгового центра. Выходцами из Милета якобы было основано до 90 колоний, в частности на

берегах Черного моря. Наиболее цветущими колониями на южном берегу Черного моря были Синоп (находящийся теперь в Турции) и Трапезус, на северном берегу Черного моря, Истр, в устье реки Дуная, Ольвия – в устье реки Буга, Пантикопея на месте Керчи в Крыму и другие. К тому же времени, примерно к VII–VIII векам до нашей эры относится будто бы и образование древнегреческих колоний или факторий на восточном побережье Черного моря. Древнегреческая литература оставила множество названий своих колоний, относящихся к побережью Черного моря, но только три из них являются более или менее значительными. По данным самих древнегреческих писателей, этими тремя колониями были – Фазис, где-то на реке Рионе, Диоскурия, где-то около Сухума, где, мы до сих пор не знаем, и Питиунт, около нынешнего мыса Пицунда.

Товарищи, надо прямо сказать, что древнегреческие колонии на Кавказском побережье Черного моря далеко уступали по размерам, по значению своему древнегреческим колониям на северном берегу и на южном берегу. В Синопе и Трапезунде мы имеем до сих пор сохранившиеся города, построенные древнегреческими колонистами, или, во всяком случае, освоенные ими. Мы можем с полной ответственностью говорить о древнегреческой колонизации в Крыму. Но, товарищи, я это особенно подчеркиваю, мы можем говорить о древнегреческой колонизации на кавказском побережье только с очень большой осторожностью. Почему? Если в Крыму мы имеем руины, развалины, в общем, хорошо, иногда прекрасно сохранившиеся архитектурные памятники, сооруженные древними греками, если на северном побережье наши археологи выявляют целые города, построенные греками с монументальными зданиями, с богатым вещественным материалом, то на кавказском побережье мы пока не имеем ни одного архитектурного памятника, ни одного намека на архитектурный памятник, который можно было бы отнести к деятельности древнегреческих колонистов. И поэтому, какой бы авторитет не нашелся, вроде тех бородатых, о которых я говорил утром, и кто бы вас не стал убеждать о древнегреческой колонизации на Кавказе, – не верьте. Пока мы не имеем ни одного архитектурного памятника на Кавказском побережье, который хотя бы отдаленно мог бы напоминать, имел бы намек на то, что он сооружен древнегреческими колонистами. Почему так?

Были здесь древние греки? – Были. Почему, спрашивается, там древние греки создали целый ряд памятников культуры, а здесь, на Кавказском побережье, они нам ничего не оставили, кроме довольно жалких находок нескольких маленьких черно-лаковых сосудиков, маленьких амфорок, которые действительно принадлежат древним грекам. Более мы ничего не имеем.

Дело заключается в том, что древние греки основали северное Причерноморье как район, который питал древнюю Грецию. В древнюю Грецию с севера шел хлеб, с Кавказа хлеб не шел. Отсюда вывозились рабы, но рабы в большом количестве вывозились и с Северного побережья. С Кавказского побережья вывозились только ценные шкуры зверей, скот, мед, воск, ценная древесина. Районы Кавказского побережья не имели такого экономического значения, как районы северного Причерноморья. Вот почему греки не занимались здесь строительством монументальных архитектурных сооружений. На Черноморском побережье Кавказа мы их не встречали, можно думать, что мы их нигде не будем иметь, и они никогда здесь не существовали в прошлом. Возможно, конечно, что археологи найдут монументальные памятники древнегреческой архитектуры еще, но нигде таких больших колониальных центров, таких больших эллинских городов, какие были основаны древними греками на северном побережье – здесь, у нас на Кавказе, не найдется.

Затем, следует отметить, что в представлении древнегреческих писателей Колхида была страной с богатой щедрой природой. Так, например, Страбон рассказывает (зачитывает).

Я говорил уже об ассортименте экспорта. Что же привозилось древними греками? Привозилась главным образом соль и различные предметы древнегреческого ремесленного производства. Кроме Фазиса и Питиунта на Черноморском побережье, возможно, были и более мелкие торговые фактории, но установить их местонахождение не представляется совершенно возможным. Следует указать, что вокруг этих древнегреческих колоний, значение которых было преднамеренно преувеличено старыми буржуазными царскими археологами, создано много легенд, рассказывается много глупостей. В частности, экскурсоводы такого типа, к какому не должны мы с вами принадлежать, экскурсоводы-фантазеры

рассказывают при этом всегда с чужих слов, что Диоскурия будто бы находилась на берегу Сухумской бухты и сейчас находится на дне этой бухты. Где источник этого рассказа? Кто-нибудь видел лже-Диоскурию? Действительно, на дне Сухумской бухты имеются кое-какие обработанные камни, которые туда попали 50 лет тому назад. А дилетанты рассказывают, что на дне Сухумской бухты похоронен город Диоскурия. С подобного рода легендами надо покончить, надо давать им отпор. Если и можно предполагать, что на дне моря есть развалины, то это не дает никакого основания называть эти развалины Диоскурией. Никто этот вопрос не разрабатывал. А камни попали туда совершенно случайно и никакого отношения к Диоскурии не имеют. В отношении Диоскурии идет много споров, но они в достаточной мере бесплодны, потому что в тех местах, где можно искать Диоскурию, – археологи не работали. Поэтому, поскольку нет ни одного предположения в отношении Диоскурии, сколько-нибудь обоснованного, я этот вопрос оставляю открытым и советую вам говорить, что древнегреческая торговая фактория или колония, которая называлась Диоскурией, находилась где-то в районе Сухума, где именно, мы не знаем, и пока археологи на этот вопрос нам ничего не ответили.

Колхи

Как древние греки представляли природу Колхиды? Что они говорили о населении Колхиды? Это обстоятельство чрезвычайно интересует нас. Надо сказать, что, прежде всего, древнегреческих писателей, сынов уже почти единого народа, с единой культурой и с единым языком крайне поражало этническое, т.е. племенное и языковое разнообразие населения Колхиды. Каждая мелкая этническая группа, т.е. каждое небольшое племя казались грекам самостоятельным «народом». И все древнегреческие писатели, посещавшие берега Кавказа 2500–2000 лет тому назад говорили о необычайной множественности языков этих «народов». Например, географ Страбон, описывая Диоскурию, одну из крупнейших колоний на берегах Кавказа, говорит, что там собираются торговцы около 300 племен, из числа которых ни одно не заботится о том, что

происходит в остальном мире, не понимает языка соседей, т.к. все живут разрозненно.

Известный римский писатель Плиний в первом веке нашей эры, описывая побережье Кавказа, говорит: «Там живет племя абсилов, соаннов, наконец, племена гениохов под разными названиями». Позднее писатель Арриан отмечал, что на берегах Кавказа «живет множество народов, отличающихся множеством языков и разнообразием строя».

Это говорит, прежде всего, о том, что ни в Колхиде, ни на берегах Кавказа не было единого народа с единой культурой и единым языком. Это вполне укладывается в нашем представлении, если мы будем стоять твердо на том, что развитие языков и вообще этническое развитие идет не от единства к множеству, а наоборот, от множественности к единству. Дело заключается в том, что если даже сейчас на западном Кавказе мы различаем достаточное разнообразие в языковом отношении, то представьте, насколько это было разнообразие сильнее 2 тысячи лет тому назад.

Население Колхиды состояло из мелких племенных коллективов. Как говорит Страбон, «каждое из них не заботилось, что было в остальном мире».

Надо сказать, что с течением времени, конечно, все эти мелкие племена постепенно, благодаря развитию производительных сил, благодаря расширению хозяйственной деятельности, благодаря учащению актов обмена, эти мелкие племена объединялись, скрещивались между собой и образовывали более крупный племенной союз, нередко принимавший форму даже политического образования. Нам очень интересно вспомнить о том, что эти разнообразные племена, которые обобщались древними греками в понятие «колхи», «гениохи», «зихи», часто объединялись между собой для борьбы с внешними врагами, для борьбы с внешним агрессором. Для нас, несомненно, представляет интерес, что еще на пороге нашей эры население Западной Грузии, население Западного Кавказа, население Колхиды и другие племена дали очень сильный отпор римской агрессии и вели упорную борьбу за свою независимость с римскими захватчиками, римскими агрессорами. Надо помнить, что Римская империя была огромным могущественным государством древ-

него античного мира. Надо помнить, какие блестящие походы на дальние расстояния совершали римские легионы под руководством прославленных полководцев. В историю вошли имена многих этих полководцев.

Но история сохранила также примеры активной борьбы, героического сопротивления, которое оказали предки современных народов Кавказа римским агрессорам. Так, например, когда во втором веке нашей эры могущество Греции пало, и на смену ей пришла Римская империя, которая начала активную воинственную политику на востоке, то населению Колхиды вплотную пришлось встретиться с римскими агрессорами. В 88 году до нашей эры понтийский царь Митридат, правитель рабовладельческого государства, расположенного на берегах Черного моря, ведет борьбу с Римской империей. Потерпев поражение в Малой Азии, Митридат обращается за помощью к тем племенам, которые населяли Черноморское побережье Кавказа.

Племена Западного Кавказа поддержали Митридата и приняли участие в борьбе против римлян. На реке Евфрате Митридат был разбит римлянами под начальством Помпея. Митридат отступил на север, ибо у него была еще база в районе Керчи. Римляне вторглись в Колхиду. Но даже такой знаменитый полководец как Помпей не мог завоевать Колхиду, встретил упорное сопротивление со стороны местных племен и должен был вернуться обратно. Борьба с Митридатом продолжалась. Помпей, будучи не в силах сломить сопротивление колхидских племен, решил переманить их на свою сторону. Римский писатель Джон Кассий сообщает, что Помпей хотел присоединить в качестве союзников колхов, действуя на них то страхом, то задабриванием. Грабительские войны римлян способствовали выделению и укреплению племенных вождей, росту господствующей эксплуататорской верхушки. Помпей настоятельно старался поднимать власть того племенного вождя, который склонялся на его сторону. Помпей поставил во главе колхов Аристарха. Мы не знаем, какого племени он был, но он достиг с помощью Помпея и римских захватчиков довольно большой власти и даже чеканил монету с надписью: «Аристарх, Базилевс Колхиды». Сын Митридата, Фарнак, снова начинает войну против римлян с большой армией, собранной в Керчи, вторгается в Колхиду, опрокидывает малочисленные римские легионы. Однако

в 47 году до нашей эры Фарнак оказался разбит Юлием Цезарем. Юлий Цезарь одержал блестящую победу над Фарнаком на реке Галис, теперь она называется Кизыл-Ирмак. Об этой победе Юлий Цезарь сообщил лаконически в Рим: «Пришел, увидел, победил».

Римские полководцы не могли завоевать Колхиду и вообще Закавказье. Они ограничились тем, что оставили несколько гарнизонов в построенных укреплениях. Одно из таких укреплений, очевидно, было в Пицунде. Есть некоторый намек, только намек на то, что существовало римское укрепление в б. Н. Афоне, но так как от этого римского укрепления не осталось сколько-нибудь сохранившихся памятников, об этом нельзя говорить утвердительно.

Надо сказать, что римляне вынуждены были считаться с тем политическим союзом и теми государственными образованиями, которые существовали в то время в Закавказье. В Колхиде эти государственные образования были выражены слабее. Сильнее и раньше эти государственные образования появились в восточном Закавказье. На территории современной восточной Грузии и Армении существовало очень сильное рабовладельческое государство Урарту. Это государство было основано задолго до нашей эры.

В эпоху агрессии в Грузии существовало уже государственное объединение иберов, или предков современных грузин. Иберы – это термин, заимствованный из античных источников; грузинские летописи прямо говорят: «картвелы, Картлия». Римляне вынуждены были настолько считаться с иберами, что их правитель Фарасман даже ездил в Рим, беседовал с императором и был одарен ценными подарками. «Колхида» выступает в грузинских летописях под именем «Эгриси». В эпоху борьбы против Рима здесь также оформляется государственность.

Римские владения подвергались нападению со стороны соседних племен. Ни колхи, ни зихи не могли простить, что римляне имели здесь колонии и делали набеги. Когда Римская империя начала слабеть, то натиск на римские владения в Колхиде усиливается, и мы имеем данные о том, что уже во втором веке нашей эры, через 100 лет после начала римской агрессии в Колхиде, местные племена уже отказываются платить дань римскому императору. Римский историк, писатель Арриан ука-

зывает, что племена авазгов (предки абхазов) неаккуратно платят дань. Арриан прибавляет: «Бог даст, они будут аккуратнее платить или мы их выгоним из страны».

Есть сведения о том, что в третьем веке местные племена (гениохи) даже разрушили римские укрепления в Пицунде. Все это показывает, что римские агрессоры потерпели крах на Черноморском побережье Кавказа. В III–IV веке римляне окончательно покидают Черноморское побережье Кавказа, сама Римская империя распадается.

Таким образом, та тема, которой мы занимались сегодня, тема о древнейших племенных образованиях на Западном Кавказе, дает для нашей работы с туристами материал следующего порядка: прежде всего мы указываем еще раз на древность человеческой культуры на Черноморском побережье Кавказа. Во-вторых, мы указываем на высокий уровень развития металлической техники, в частности бронзовой культуры. В-третьих, мы обращаем внимание на сношения и связи местных племен в первом тысячелетии нашей эры и ближе к нашему времени с античными странами, т.е. с древней Грецией, Римом. Наконец, мы отмечаем, что в борьбе с римской агрессией крепили племенные союзы, крепили племенные объединения местных племен. В Закавказье, еще задолго до нашей эры, существовало мощное государство Урарту, а затем возникли грузинские государственные образования – Картлия (Иберия) и Эгриси (Колхида).

Следует обязательно подчеркнуть и помнить, что еще очень давно античные писатели называют такие племена, которые соответствуют названиям современного Западного Кавказа. Страбон упоминает название зихи, похожее на джихи, джигеты. Значит, зихи действительно являлись предками более современных нам абхазских и адыгейских племен. С другой стороны, Арриан, римский писатель второго века, упоминает племена лазов, племенное название которое существует и сейчас. Упоминает еще два названия – абсилы или абасги. Этот корень «абс» – является племенным названием современных абхазов. Современные абхазцы называют себя – абсуа. Следовательно, абсилы, абасги являются предками современных абхазцев. Они указывают нам на древность племенных коллективов Черноморского побережья, на глубокую древность.

III. ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. ЭРЫ

Сегодня мы посвятим первую лекцию истории Западного Кавказа в первых веках нашей эры.

Понятно, товарищи, что историю Черноморского побережья Кавказа нельзя изучать без учета тех исторических событий, которые происходили в западных районах Кавказа и за пределами Кавказа, в тех странах, которые, так или иначе, имели связь и отношения к Черноморскому побережью. Вот почему, когда мы говорим об истории Кавказа в V–VI веках, то нам, безусловно, следует начать прежде всего с краткой, хотя бы в двух словах, характеристики того международного, так сказать, положения, которое сложилось в Средиземноморском и Черноморском бассейнах к этому времени.

Византия

В IV веке, на развалинах Римской империи, которая к этому моменту совершенно распалась и потеряла свое могущество, на развалинах этой империи, в восточной части Средиземноморья, возникло крупное государство, которое называлось первоначально Римской империей, затем «Ромейской империей» и, наконец, просто Византийской империей.

Центром этого большого государства, которое включало в себя южную часть Балканского полуострова, затем Малую Азию, Сирию, Палестину (территории этого государства вытягивались вокруг северо-восточных берегов Средиземного моря), был город Константинополь, ныне по-турецки – Стамбул. Константинополь был основан императором Константином на месте старой древней греческой колонии, носившей название Византия. Вот почему сам город Константинополь назывался Византия, и от этого города, столицы, вся империя называлась просто Византия. Таким образом, это слово – Византия – имеет очень широкое понятие. Оно применяется и к городу, и к целому государству. Византийская империя была преемницей, наследницей старой разрушенной Римской империи, в пределах восточного Средиземного моря, в пределах

земель Ближнего Востока. Понятно, что Византийский император строил внешнюю политику на Ближнем Востоке по тем же традиционным путям, по которым направлялась и политика римских императоров. Византийские императоры пытались расширить свои владения в передней Азии, а также по берегам Черного моря. И неудивительно, что во все время существования Византийской империи ее правителей, руководителей ее политики всегда интересовал Кавказ, в особенности Черноморское побережье, в особенности Западная Грузия, долина Риона, которая открывала далекие торговые пути на Восток. Таким образом, на историю народов Кавказа, народов Грузии, в это время, в первые века н. эры оказывало определенное влияние соседство с Византийской империей.

Иран

С другой стороны, на востоке от Грузии, в пределах Иранского нагорья, к IV веку создается и укрепляется сильное государство иранских или персидских царей из династии Сассанидов, создавших очень сильное мощное государство на территории, главным образом, современной Персии и Ирана. И вот это царство Сассанидов также чрезвычайно интересуется Закавказьем. Его границы вплотную упираются в Армению, Грузию. Закавказье восточное, затем западное, Армения и Грузия являются очень привлекательным объектом для агрессивной захватнической политики иранских царей из династии Сассанидов. Таким образом, на историю Грузии и Кавказа в V–VI веке оказывает определенное влияние мощная иранская монархия Сассанидов. Но, мало того, между Византийской империей и Иранско-Персидской монархией Сассанидов завязывается жестокая война, соперничество, потому что в районе Малой Азии границы Иранской монархии и Византийской империи сходятся. Эти два крупнейших государства не могут примирить свои интересы, не могут находиться в дружбе, потому что то и другое государство стремится расширить сферу своего влияния на Ближнем Востоке. Завязывается упорная, многовековая борьба между этими государствами.

И вот Кавказ, в особенности Закавказье, становится тоже одним из театров этой войны, становится ареной, где разворачиваются и диплома-

тические, и военные операции Ирана и Византии. Византийский император стремится создать в Закавказье плацдарм, базу для наступления на Иран с тыла. Иранский шах стремится завоевать Закавказье, чтобы выйти на берег Черного моря и угрожать отсюда Византии.

Таким образом, Армения, Грузия, в особенности, становятся дополнительной причиной, объектом столкновения интересов Ирана и Византии. И понятно, что в этой борьбе двух великих держав должны были принять так или иначе участие господствующие верхушки кавказских народов, потому что ходом событий они ввергались в эту борьбу Ирана и Византии.

Мы, товарищи, не можем сейчас за краткостью времени разобрать подробно те исторические события, очень бурные, очень сложные, которые происходили в Закавказье в первые века н. эры на фоне этой грандиозной борьбы двух держав, Византии и Ирана. Мы ограничимся только указанием на те моменты из политической истории Закавказья, Грузии и Черноморского побережья Кавказа, которые так или иначе имеют непосредственное отношение к нашим экскурсионным объектам, тем историческим объектам, которые мы сможем встретить в районе нашей работы.

В IV веке иранским царям удается поработить Восточную Грузию. В V веке, в следующем столетии, народы Восточной Грузии все время не прекращали борьбу за независимость, сумели свергнуть с себя иранское иго. И в середине V века Грузия объединяется в государство, независимое от Ирана, на очень широкой территории.

Вахтанг Горгасал

Эта борьба за независимость от иранского владычества связана с именем грузинского царя Вахтанга Горгасала. Этот Вахтанг Горгасал был известен как энергичный и крупнейший политический деятель, вождь грузинского народа в борьбе против иранской агрессии, был известен как правитель и руководитель новой освобожденной от Иранского владычества Грузии.

Но через несколько десятилетий, в VI столетии, иранский хан Хозрой с огромным войском вторгается в пределы Грузии для того, чтобы нака-

зять непослушное население Грузии, осмелившееся свергнуть иранское иго. Снова разгорается война. Огромная карательная экспедиция Хозроя разоряет страну.

Хозрой и персы не останавливаются на Восточной Грузии, вторгаются в Западную Грузию, в долину реки Рион, и передовые отряды иранских войск появляются даже в Абхазии. Таким образом, в пределах всей Грузии, от восточных до западных границ, огнем и мечом снова устанавливается владычество иранских царей. Но, следует отметить, что, конечно, Восточная Грузия более тяжело переживала этот гнет иранских захватчиков, потому что в Западной Грузии иранские шахи даже не сумели оставить своих гарнизонов. Поэтому население Западной Грузии чувствовало себя несколько свободнее от иранского владычества, хотя все время находилась перед опасностью какого-либо нового нападения с их сторон.

У нас есть некоторые, правда, очень слабые данные, говорящие о том, что в этой борьбе против иранских захватчиков участвовали также и племена, населявшие Черноморское побережье. У нас есть некоторые данные, говорящие о том, что, когда иранские войска вторглись в Абхазию, то абхазский народ оказал сопротивление и за это многие «знатные мужи» были уведены иранцами в плен, а остальное население было обращено в рабство вместе со своими семьями.

Но в это же время населению Западной Грузии и Западного Кавказа в целом приходится отбиваться и от византийских императоров.

Несколько раз, товарищи, на протяжении полтысячи лет византийские императоры пытались овладеть Черноморским побережьем Кавказа, превратить его не только в зависимую от них вассальную территорию, но превратить эти земли в подданное свое владение, в свою колонию. И следует подчеркнуть, что никогда византийским императором не удавалось овладеть полностью Черноморским побережьем. Я это подчеркиваю особенно сильно потому, что у нас держится еще мнение, которое распространялось главным образом старыми историками и археологами о том, что будто бы Абхазия, Черкесия в свое время составляли одно из владений Византийской империи. Этого не было. Действительно, в те

чение полутысячи лет византийские императоры стремились в той или иной форме овладеть Западным Кавказом и Грузией.

Жители Эгриси, известной в V–VI вв. под именем Лазики, стойко защищали свою независимость. Правитель Лазики Губаз в VI веке окончательно порывает с Византией.

Я хочу подчеркнуть, что население, племена и народы Западного Кавказа и Западной Грузии также упорно боролись за свою независимость против византийских захватчиков, как население всей Грузии боролось против иранской агрессии. До нас дошло сочинение византийского писателя Прокопия Кесарийского. Он описывает в своих исторических записках и сочинениях одну из византийских карательных экспедиций в Абхазии в 550 году. Вот что пишет Прокопий Кесарийский:

«Авасги издревле были подчинены лазам, но всегда имели двух князей из своих... Вследствие корыстолюбия князей, они страшно от них терпели. Князья торговали кастратами из детей подданных своих, сбывая их в Константинополь... Уничтожив обоих князей, авасги начали жить свободно...».

В этих очень кратких записях мы можем увидеть следующее: во-первых, что в предыдущем столетии Абхазия включалась в большой племенной союз, составлявший Лазику. Абхазия была частью Лазики.

Однако, подчиняясь правителям Лазики, «всегда имели двух князей из своих». Затем Прокопий указывает на то, что древний религиозный культ абхазов связан с поклонением природе. Священные рощи, которые частично сохранились на Кавказе до нашего времени, тогда, очевидно, были в полном расцвете и имели крупное культовое значение.

Затем Прокопий говорит, что князья абхазские, т.е. правители абхазских племен, страдали большим корыстолюбием и жестко эксплуатировали своих современников. Особенно страшной для абхазцев была рабовладельческая торговля, продажа их своими князьями византийскому императору.

Прокопий пишет дальше, что, когда византийский император стал стараться «подчинить Абхазию своей власти и наложил на жителей некоторые новые подати», то «авасги» восстали.

Таким образом, после того как абхазские племена изгнали из своей страны князей, пытавшихся продать Абхазию византийскому импера-

тору, последний сделал новый натиск на Абхазию. Затем Прокопий рассказывает, как византийский император послал в Абхазию карательную экспедицию под начальством Беса. Византийские войска высадились на берегах Абхазии. Абхазцы оказали решительное сопротивление. Прокопий описывает битву, которая произошла у узкого прохода, который он называет «Трахея». В этом ущелье, в этом узком проходе абхазцы оказали очень жестокое сопротивление. Вот что пишет Прокопий: «Авасги, засевшие в домах, оборонялись всеми силами... Их положение стало ужасным, когда грекам пришла мысль зажечь дома. Через это они получили полную победу... Многие авасги погибли в огне или попали в руки врагов. Жен... со всеми детьми захватили греки и, сравняв стены укрепления с землей, далеко распространили опустошение...».

Видите, какими зверскими методами действовали византийцы, распространяя свое влияние. Это пишет сам Прокопий, апологет Византийской империи, восхваляющий «мудрость» и «доброту» византийских царей. Таким образом, точно так же, как и персы, огнем и мечом действовали византийские императоры на берегах Кавказа. И поэтому неудивителен тот отпор, который встречали подобные покушения на свободу и самостоятельность народов Западного Кавказа.

Товарищи, я хочу заметить, что на фоне всех этих событий в Грузии в это время к V–VI векам развиваются феодальные отношения. Грузия была страной очень древней и высокой культуры. Христианство в Грузии распространилось очень давно, в первые века нашей эры.

Христианство

Мы имеем сведения, что в Абхазии христианство уже имело некоторое распространение в IV веке. В IV веке происходил так называемый Никейский Собор, международный съезд христианского духовенства, христианских попов. Есть сведения, что на нем присутствовал епископ Пицундский. Стало быть, в первой половине IV века в Пицунде был епископ. Существование в Пицунде христианского епископа говорит о том, что уже в IV веке христианство имело распространение и в Абхазии, также как и в других областях Грузии.

В связи с распространением христианской религии, которая была господствующим орудием феодальной верхушки, в Грузии в V–VI веках идет строительство христианских храмов. Особенно бурно это строительство происходило в тот момент, когда территория Грузии была свободна от иранского иноземного владычества. Неслучайно поэтому, что целый ряд прекрасных монументальных памятников относится ко времени V века, когда на некоторое время Грузия освободилась от иранского владычества. Одним из таких очень древних памятников на Черноморском побережье, в частности в Абхазии, датируемых V–VI веками, является гагринский храм, который представляет собой замечательное сооружение.

Гагринский храм

План гагринского храма очень прост: полукруглый алтарь и два портика по бокам основного помещения.

Это – сугубо местная постройка, в которой можно видеть некоторые черты старой византийской архитектуры. И это вполне понятно, потому что Византия не могла не оказать влияния на развитие христианской культуры в Грузии.

Несмотря на то что этот храм грубо реставрирован и при этом испорчен принцем Ольденбургским в 1902 году, он еще сохранял свои первоначальные черты. Гагринский храм представляет редкий, интересный памятник. О гагринском храме мы можем говорить нашим экскурсантам в связи с развитием христианства в Грузии, в связи с установлением господства феодальных отношений в Грузии, в связи с борьбой, которую вели народы Грузии против иранского и византийского владычества. Никаких оснований причислить храм к византийским сооружениям, нет. Это памятник местной архитектуры. Это памятник V–VI века и он является свидетелем развития христианской культуры в Грузии. Он, конечно, свидетельствует о влиянии на Грузию христианской Византии, где христианство было господствующей религией. Но это обстоятельство, опять повторяю, должно не смазывать роли местной культуры и превращать местные памятники в сооружения византийских колонизаторов.

Я хотел бы, чтобы у вас осталось впечатление, что византийцы, которые не овладели прочно побережьем Кавказа, не могли заниматься здесь монументальным строительством. Некоторое исключение можно было бы сделать для храмов. Но, тем не менее, нет основания какие-либо местные храмы относить к памятникам византийской колонизации, ибо колонизацией называется такое положение, когда на данную территорию приходят войска, переселяются жители из другого государства и живут на ней, а если на эту территорию только делаются набеги и налеты, которые не приводят к длительному завоеванию – то ни о какой колонизации говорить не приходится.

IV. ГРУЗИЯ X–XIII веков

Товарищи, сейчас, оставшиеся два часа мы посвятим теме, которая главным образом касается Грузии X–XIII века, грузинского царства Багратидов.

Борьба между Ираном и Византией продолжалась с переменным успехом в течение нескольких веков. Но в VII веке на сцену выступает новый, третий соперник, третья сила, которая оказывается более могущественной, чем каждый из прежних противников в отдельности.

Арабы

Этой третьей силой были арабы. Вам, вероятно, известно, какие огромные завоевания сделали арабы во многих странах, в Африке, Азии, частично в Европе. Вы знаете, что арабские племена, объединившись и пользуясь ослаблением Византии, ослаблением иранской монархии, сумели подчинить себе не только Переднюю Азию, но и Египет, все северное побережье Африки. Вам, вероятно, известно, что арабы завоевали почти весь Пиренейский полуостров, Испанию, Португалию, что они

угрожали французским феодалам, и даже римскому папе приходилось обороняться от арабов.

Владения арабских правителей простирались на огромном расстоянии от Атлантического океана до пределов Индии. На всем этом протяжении господствовали арабы. Могущество арабов начало расти и крепнуть в VII веке. Они разгромили и уничтожили иранскую монархию Сассанидов, все владения, принадлежавшие иранским царям, перешли теперь к арабам. Таким образом, в VII веке арабы завоевали и восточное Закавказье. Армения и Грузия оказались под властью арабских эмиров, наместников.

Объединенные арабские племена не могли долго существовать в виде единого государства на таком огромном протяжении. Не было тогда необходимых экономических предпосылок, которые могли бы послужить для прочного и длительного существования такого обширного государства. Вот почему арабские объединения оказались непрочными, слишком рыхлыми, и в результате очень скоро они распались на ряд отдельных арабских государств или халифатов, арабские эмиры, которые господствовали на Кавказе и Грузии, подчинялись Багдадскому халифу. Арабы везде и всюду несли на острие своих копий новую мусульманскую религию – ислам. Они стремились распространить ислам и в пределах Восточного Закавказья. Арабские эмиры облагали население завоеванных областей данью, тяжелыми поборами, но зачастую оставляли на месте представителей из местной феодальной знати, если они признавали себя вассалами арабского халифа, и если они, тем более, принимали мусульманство.

В силу ряда причин арабы остановились на Сурамском хребте. Они не пошли в Западную Грузию. Правда, арабские войны делали набеги и в долину Риона.

Население Восточной Грузии долго сопротивлялось арабам, а когда арабское владычество стало действительным фактом, то хлынули потоки переселенцев из Восточной в Западную Грузию. Западная Грузия стала территорией, на которой возникли очаги освободительной борьбы против арабского владычества. Правители феодальных образований в Западной Грузии, конечно, борясь против арабов, обращались нередко к Ви-

зантийской империи. И Византийская империя, для которой арабы стали еще более страшным врагом, чем иранские Сассаниды, охотно стремились помочь Западной Грузии для того, чтобы превратить ее в плацдарм борьбы против арабов. Вот почему в этот период мы имеем такие факты, как установление более тесных связей между некоторыми правителями Западной Грузии (Абхазия в частности) с Византийской империей. К концу VIII века в Западной Грузии, свободной от арабского владычества и, кстати говоря, не имеющей ни одного памятника, носящего прямое влияние арабской культуры, стали сосредотачиваться силы, способные вести борьбу за изгнание арабов из Закавказья. Образовались два наиболее крупных очага освободительного движения, два наиболее крупных местных феодальных объединения, которые были способны противопоставить себя арабским эмирам.

Этими двумя феодальными объединениями в Западной Грузии были: Абхазия и Тао-Кларджетия. Тао-Кларджетия была расположена в бассейне реки Чорох. Тао-Кларджетские и арабские правители, вступив в союз, начинают борьбу против арабского владычества в Закавказье. Борьба продолжается очень долго. В течение 200 лет эта борьба носит особенно упорный характер, но в процессе этой борьбы скрепляется, цементируется и вырастает новое грузинское государство, новая объединенная Грузия.

Баграт III

К концу X века, когда арабы почти уже были изгнаны из пределов Грузии и сохранили за собой только Тбилиси и прилегающий к нему небольшой район, к концу X века вся территория освобожденной Грузии объединяется под властью одного царя – Баграта III. Есть указания на то, что по происхождению Баграт III был сыном абхазки и грузина. Его отцом был картлийский правитель Гурген, матерью – сестра абхазского правителя – Гурандухт. Это не имеет особого значения, но это подчеркивает, что Баграт генеалогически воплотил в себе объединение различных частей Грузии. Кроме того, правитель Тао-Кларджетии сделал Баграта

наследником своей области. В результате Баграт стал царем большого государственного объединения, которое включало теперь почти всю Грузию. Баграт III был чрезвычайно энергичным политическим деятелем.

Во-первых, он упорно боролся за полное освобождение Закавказья от арабского владычества, и затем он стремился во что бы то ни стало объединить всю Грузию под своей властью и укрепить эту единую центральную власть. В этом деле он встречал упорное сопротивление со стороны местных крупных феодалов. (Крупные феодальные владельцы по-грузински назывались эристами. Тави – глава, эри – народ, племя. Значит первоначально «глава народа», «глава племени». Но эристы к этому времени стали уже крупными феодальными владельцами). Эти крупные феодалы, конечно, были настроены против сильной центральной власти. Они ничего не имели против освобождения страны от арабского владычества, но, когда речь шла об укреплении центральной власти, они оказывали упорное сопротивление такой политике, потому что, понятно, каждый крупный феодальный владелец хотел быть сам государем в своем владении и не хотел, чтобы в его владения вмешивались чиновники царской власти. Так было везде и всегда. Политика централизации наталкивалась на крупных феодалов. В то время мелкое дворянство, купечество всегда поддерживало сильную центральную власть, которая могла обеспечить порядок в стране. Так было, если вы помните, в России, в Московском государстве, когда политика централизации царской власти встречала сопротивление крупных феодалов и когда в течение многих веков московские цари боролись с такой сепаратистской политикой в крупных боях. Так было и в Западной Европе. Так именно было и в Грузии в X–XII веках.

Когда в процессе борьбы с арабами Грузия объединилась под властью одного царя, это очень не понравилось местным феодалам. И династии Багратидов пришлось вести крупную борьбу против них. Баграт III имел свою резиденцию в Западной Грузии, главным образом потому, что Восточная Грузия все еще находилась под угрозой арабских эмиров. Именно в то время, когда в Восточной Грузии шла кровавая война с арабами, Западная Грузия переживала относительно спокойное время. Вот почему в Западной Грузии, в частности в Абхазии, было развернуто тогда

очень широко монументальное строительство – военное, церковное и гражданское. Вот почему целый ряд христианских памятников Западной Грузии, и в частности Абхазии, датируется именно IX–X веками.

Памятники IX–X вв.

Из тех объектов, которые могут встречаться вами, к IX–X векам относятся старый христианский храм в Пицунде, в Бедии, в быв. Новом Афоне – так называемый храм «Симона Кананита» (у водопада). Все эти памятники IX–X веков, т.е. эпохи, когда еще не вся Грузия была освобождена от арабов, когда только в Западной Грузии творческие силы народа могли быть приложены к мирному строительству.

Баграт III по преданию и похоронен в Абхазии, в Бедийском храме. Бедийский храм интересен тем, что в нем сохранились великолепные орнаменты и фрески. Живопись, которая имеется в Бедийском храме, удивляет нас своей красотой, необычной прочностью и яркостью красок. С тех пор прошло почти 1000 лет. Бедийский храм уже давно стоит без крыши, но дождь, снег и ветер в течение тысячи лет не могли вытравить тех красок, которыми бедийские художники расписали стены этого храма. Между прочим, среди фресок Бедийского храма имеется автопортрет одного из художников, который расписывал этот храм.

Создание таких монументальных величественных памятников показывает, что Западная Грузия, и в частности Абхазия, жила полнокровной хозяйственной и общественной жизнью. Но, по мере развития вширь грузинского государства, по мере полного освобождения Закавказья от арабов, хозяйственный и политический центр Грузии все больше и больше переносился к востоку. В конце концов, столицей и резиденцией царей стал Тбилиси. Долина Куры становится теперь наиважнейшим экономическим, политическим и культурным очагом нового грузинского царства. Западная Грузия несколько теряет свое значение. В частности, Абхазия превращается в одну из отдаленных областей Грузинского царства.

Грузия XII в.

Наибольшей силы Грузинское царство достигает в XII столетии. Подавляя решительно и жестоко сопротивление крупных феодальных владетелей, особенно из фамилии Орбелиани – представителей старинного феодального рода в Грузии, которые никак не хотели примириться с безраздельной властью грузинских царей, подавляя сопротивление феодалов, грузинские цари в XII веке расширяют пределы своего царства до Каспийского моря, так что все Закавказье и значительная часть нынешнего турецкого побережья Черного моря целиком включается в состав грузинского царства Багратидов.

Давид

В XII столетии особенно выделяются два руководителя этого грузинского царства. Один был царь Давид-строитель, как его называли, потому что он завершил создание единого грузинского царства и развернул такое огромное военное, гражданское и церковное строительство, которое удивляет нас своими размерами. Давид завел постоянную армию, правда, наемную, но постоянную, которая пугала феодалов. Он провел ряд административных реформ, которые укрепили центральную власть грузинских царей.

Вторым виднейшим руководителем была царица Тамара, или точнее, Тamar. Она была женщина. Это было несколько удивительно для той эпохи, для феодальных стран. Но, тем не менее, обстоятельство сложилось так, что отец Тамары еще при жизни свой объявил ее царицей, заставил придворную и феодальную знать, служилое дворянство принести ей присягу. И, после смерти отца Тамара стала безраздельно властвующей самодержавной царицей огромного государства. Тамаре тоже приходилось вести борьбу с феодальной оппозицией и с церковной оппозицией. Церковь, «князья церкви» всегда соперничали со светской властью.

Вы, может быть, помните, какую жестокую борьбу вели в Западной Европе папы со светскими феодалами. То же самое и в Грузии развернулась борьба между светской и духовной феодальной властью. Тамара

была женщина большого ума и исключительной энергии. Она окружила себя способными и талантливыми деятелями, сумела в очень сложной политической обстановке вести свою внутреннюю и в особенности внешнюю политику так, что при ней пределы грузинского царства не только не уменьшились, но даже расширились.

Старая, дряхлая Византия вынуждена была не только считаться, но даже обращаться за помощью к грузинским царям. Это было XII столетие, век жесточайших потрясений в южной и западной Европе, век крестовых походов. Орды западноевропейских феодалов обрушились на Византию. На пороге XII века Византийская империя была разгромлена крестоносцами. От нее остались жалкие крохи. И на фоне, когда-то могущественной, величественной, а теперь разгромленной Византии, еще ярче выступает во всем своем блеске грузинское царство Багратидов, в особенности царство Тамары. Вы знаете, что вокруг имени Тамары в народном творчестве Грузии и других кавказских народов сохранилось очень много легенд. Эти легенды почти всегда рисуют Тамару с положительной стороны. И это неудивительно, потому что после царицы Тамары Грузия начинает переживать жесточайшие потрясения. Она уменьшается в размерах, подвергается нападению врагов и поэтому в памяти грузинского народа, в последующие черные дни, царствования Давида и Тамары остались светлым пятном. Не надо забывать, что Давид и Тамара были самодержавными царями. Но внутренняя политика Тамары и Давида имела ряд прогрессивных моментов, и особенно это относится к их объединительной политике. Они старались объединить Грузию и сохранить единое Грузинское государство. Мы можем сказать, что в некоторой степени (это очень осторожно) допустимо сравнить тогдашнюю Грузию с Российской империей Петра I. Вы знаете, что Петр I, будучи царем, всю жизнь защищая интересы дворян-помещиков, вошел в историю как деятель прогрессивный. И прогрессивная деятельность реформ Петра заключается, прежде всего, в том, что он завершил объединение России и выдвинул Россию в число передовых государств XVI века. Грузинские цари XII века, по существу, делали то же самое. Они завершили объединение Грузии и выдвинули ее в ряды передовых государств Восточной Европы и Передней Азии. Я уже говорил, что даже потомки всесильной

ранее Византийской империи вынуждены были обращаться за помощью к Давиду и Тамаре, грузинским царям.

Я уже сказал, товарищи, что в период своего расцвета в X–XII веках Грузинское царство Багратидов включало в себя не только все Закавказье, но и оказывало очень сильное влияние на соседние племена и народы. В частности, ряд местностей на Северном Кавказе по ту сторону хребта могут быть причислены к Грузинскому царству Багратидов этой эпохи. Племена Северного Кавказа в Дагестане, Кабарде, Осетии, в известной степени, находились в зависимых отношениях от грузинских царей.

Нас интересует вопрос – как далеко простирались владения Багратидов на Черноморском побережье. Надо сказать откровенно, что этот вопрос о границах не является еще вполне ясным. У нас имеются основания полагать, что пределы Грузинского царства на Черноморском побережье Кавказа постепенно расширялись все далее и далее по северо-западному побережью. Мы полагаем, что пределы территорий, освоенных и находящихся под безраздельным господством царской власти Грузии X–XII веков, постепенно расширялись на северо-запад и на Черноморском побережье Кавказа, по нашему мнению, имелся ряд древних оборонительных рубежей, которые и могут послужить для нее источником познаний и сведений в этом вопросе.

Древние укрепления рубежей Грузинского царства

Иными словами, бросается в глаза следующее обстоятельство: на Черноморском побережье Кавказа мы имеем ряд укреплений, башен и крепостных стен, которые перегораживают поперек узкую приморскую полосу от моря до подножия гор.

Келасурская стена

Такие крепостные стены и башни отмечены на побережье в следующих пунктах: на берегу реки Келасури, в 5-ти километрах к югу от

Сухума имеется очень хорошо сохранившаяся Келасурская стена. Келасурская стена обращена фасом своим на север, она защищает низменность, которая все больше и больше расширяется к югу и соединяется с Рионской долиной. Эта низменность защищается на реке Келасури крепостной стеной от противника, который мог напасть со стороны гор. Келасурская стена начиналась от берега моря прямо перпендикулярно, затем поворачивала к востоку. Таким образом, эта территория: южная Абхазия, Мегрелия, Западная Грузия защищается от противника, который мог нападать с северо-запада и с севера. И понятно, таким противником могли быть горные племена, которые не были, очевидно, еще покорены, не были поставлены в вассальную зависимость от центрального грузинского правительства Келасурской стены, т.е. в период XII–X веков (предположительно).

Гумиста

Следующим пунктом является река Гумиста. В 7-ми километрах от Сухума имеется тоже крепостное сооружение – остатки стены, которые также обращены фасом на север.

Псырцха

В Псырцхе, т.е. бывшем Новом Афоне, помимо крепости на Иверской горе, имеются следы стены, которая шла к берегу моря, тоже фасом, обращенной на север и северо-запад.

Бзыбь

На реке Бзыбь, правда, не на левом, а на правом берегу, имеется очень большая, сильная по тем временам крепость. Трудно сказать, против кого эта крепость была направлена. Не исключается возможность, что эта кре-

пость должна была занимать районы, лежащие к югу и защищать их со стороны северного противника.

Гагры

Наконец, в Гаграх. Некоторые старые археологи, обследуя гагринские памятники, утверждают, что в Гаграх имеются следы развалин крепостных стен, которые перегораживали узкую полосу побережья. Это не та крепость, которая имеется – это крепость молодая. Может быть, турки, когда строили эту крепость, воспользовались остатками более древней стены и, может быть, при более тщательном изучении этих руин мы найдем стену, которая перегораживала узкий Гагринский проход.

Хоста

Затем мы имеем в Хосте, в устье Хосты, при выходе реки из Хостинского ущелья, ряд башен и крепостных остатков. Эти сооружения хорошо не изучены, не обследованы сколько-нибудь серьезно. Но мы можем предполагать, что они служили укрепленным рубежом на побережье.

Шахе

Наконец, к северу от Сочи, на реке Шахе, у Головинки, мы имеем остатки крепостных стен и башен, которые прямо стоят на побережье. Они еще никем не изучены, не обследованы в археологическом отношении, но мы можем предполагать, что это были сооружения для защиты от врага с севера. На мысе Лоо имеется укрепленная башня, которая может быть понята как форпост грузинского царства на побережье.

Изучение этих древних оборонительных рубежей может дать очень богатый материал о постепенном расширении пределов грузинского царства на Черноморском побережье Кавказа. Следует сказать, что у нас

имеются некоторые основания утверждать, что все эти перечисленные мной укрепленные рубежи, связаны между собой. В качестве аргументов мы приводим следующее положение. Ряд грузинских письменных источников, грузинских летописей и известных грузинских авторов, как Леонтий Мровели, утверждают, что в пределы Грузинского царства Багратидов входила вся древняя область, называвшаяся Эгриси. Достаточно сказать, что Леонтий Мровели и другие грузинские авторы говорят, что эта область, которая начинается от Сурамских гор, включает долину Риона и распространяется по берегу моря до реки Малой Хазарии, до того места, где к этой реке подходят Кавказские горы (это – Кубань, без всякого сомнения. Именно у Кубани Кавказские горы понижаются и теряются). Значит, Эгриси – область, которая по представлению грузинских авторов, включала все Черноморское побережье до Кубани.

Крупнейший грузинский современный историк, профессор Джавахишвили, основываясь на анализе грузинских летописей, утверждает, что Сочинский район входил, безусловно, в грузинское царство Багратидов. Этот аргумент одного рода. Затем есть другой. Если мы подойдем к названному мною укрепленным рубежом, с точки зрения археологов, то мы убедимся, что они относятся примерно к одной эпохе. Они связаны между собой формой и типом облицовки. Конечно, между ними есть разница, потому что они строились в продолжение нескольких веков, но эпоха одна.

Затем у нас имеются совершенно точные документальные данные о том, что вся Абхазия, безусловно, полностью входила в состав Грузинского царства. В отношении Абхазии не может быть никаких сомнений в том, что она входила в состав Грузинского царства. Абхазия представляла собой Цхумское эриставство. Характерно, что царица Тамара, которая произвела своего рода чистку местной администрации, назначила нового эристава в Абхазию. Летопись называет его Дотагос Шервашидзе. Это точно установлено по документальным источникам. Мы знаем, что царица Тамара назначила Дотагоса именно в тот момент, когда она вела борьбу с феодальной оппозицией.

Если говорить о Сочинском районе, то грузинские источники всегда называли приморские племена «джихами». У нас имеются следующие

щие данные: в XIV веке, когда Грузия уже ослабела и стала распадаться, в 1390 году грузинские феодалы, владельцы Западной Грузии, в частности мегрельский владетель Вомех Дадиани решил, как говорит одна совершенно точная историческая надпись (в часовне с. Хопи), наказать джихов за их «отступничество от веры и непокорность». Джихи – приморские черкесы. Когда Грузия распадается, то в этот момент правитель Мегрелии решает наказать джихов за политическую измену, за измену вере. Это говорит о том, что до этого времени джихи были покорными. Значит, они находились, по крайней мере, в вассальных зависимых отношениях от феодальной Грузии. Такой вывод можно сделать на основании этой надписи, в частности, эта надпись приводится в книге Дюбуа «Путешествие вокруг Кавказа» (изд. 1937. С. 22).

Надо сказать, что потом джихи старались ответить на такие нашествия. В начале XVI века какой-то вождь джихов, которого грузинские источники называют Инал Цандия, во главе огромного войска джихов обрушился на Западную Грузию, совершил набег и причинил много неприятностей феодалам. Это еще одно доказательство того, что приморские адыгейские племена, населявшие Сочинский и Туапсинский районы, находились в период расцвета грузинского царства в некоторой зависимости от него. Еще доказательство мы имеем в том, что именно здесь, в убыхских и шапсугских землях, сохранились остатки храмов. В этом районе они очень плохо изучены, но тем не менее, имеются и в Сочинском районе на горе Ахун развалины древнехристианского храма, имеются остатки каких-то христианских сооружений в Шапсугии. Таким образом, это наводит мысль на то, что христианство распространялось здесь, при этом распространялось, судя по некоторым развалинам, главным образом, в период X–XII веков. Конечно, вполне возможно, что христианские проповедники проникали на Черноморское побережье ранее, может быть в IV–V века. Но нет сомнения, что грузинское царство, где христианская религия была господствующей, стремясь подчинить своему влиянию черноморские племена, стремилась и распространить здесь христианскую религию. Дюбуа прямо говорит, что «царица Тамара просветила черкесов христианской верой».

Памятники X–XII вв.

Какие же памятники грузинского царства встречаются в районе нашей работы? Большинство архитектурных памятников: храмов, крепостных стен, военных сооружений в Абхазии и в Сочинском районе относятся к периоду IX–XII веков. Вы почти никогда не ошибетесь, даже не зная материала, если скажете, что такой-то архитектурный памятник относится к периоду IX–XII веков.

Такова была сила, таково было величие культурного строительства, которое развернулось тогда на Черноморском побережье Кавказа. Из церковных памятников, оставшихся до наших дней и представляющих собой памятники культуры Грузинского царства, в Абхазии имеются следующие, которые заслуживают особого внимания: храмы в селениях Бедия и Моквы. Но они находятся за пределами вашего района. Затем целый ряд крепостных сооружений и храмовых сооружений вокруг города Сухума. Здесь мы имеем «замок Баграта» (на окраине города Сухума). Это сооружение, очевидно, было построено при Баграте III – памятник конца X века или начала XI века. Мы имеем очень много руин в долине реки Беслетка. В пяти километрах от Сухума имеется древний Беслетский мост. До последнего времени этот мост неправильно назывался «Венецианским мостом». Абсолютно ничего общего с венецианцами или генуэзцами не имеет. Надпись, которая высечена на нем, на алфавите асомтаврули, убеждает, что это, без всякого сомнения, памятник местной архитектуры, представляющий собой исключительный памятник культуры Грузинского царства. Достаточно сказать, что в течение тысячи лет (ибо этот памятник относится в XI веку) этот древний Беслетский мост выполнял свои первоначальные функции, т.е. по нему ходили, ездили на чем угодно. Надо сказать, что многие современные инженеры могут позавидовать тем мастерам, которые создали такое мостовое сооружение.

Около Сухума имеется много развалин, хорошо сохранившихся башен, стен, остатков храма, которые находятся в местности Кумани на реке Гумиста.

Цхуми

Все эти сооружения представляют собой единый комплекс. Они все относятся, по нашему предположению, к резиденции абхазского эристава, к древнему городу Цхуми. Цхуми – это видоизмененное грузинами племенное название абхазского племени гума или гум.

Цхуми – это было название древнего города, который хорошо известен по грузинской летописи. Город находился не на месте современного Сухума, а в его окрестностях, твердо нельзя сказать, где именно.

Анакопия

Вторым комплексом памятников на пути вашего маршрута являются памятники Псырцхи или Нового Афона. Здесь мы имеем древний храм Симона Кананита. Симон Кананит – это легендарный апостол, который якобы был здесь, и в честь которого назван был храм. Этот древний храм находится у водопада. Он грубо реставрирован и очень испорчен русскими монахами. Но, кое-какое отдаленное представление можно иметь о первоначальном виде этого храма, который датируется IX веком.

Затем мы имеем башню на берегу Нового Афона, круглую башню, вделанную в корпус пансионата. Эта башня являлась форпостом и охраняла торговые пристани, которые были в этом месте. Затем мы имеем крепостное сооружение на Иверской горе. Здесь имеется значительная крепость. Она строилась в течение нескольких веков, подновлялась, реставрировалась. В основном этот памятник относится к X–XII векам. Есть некоторый намек на то, что в развалинах этого памятника имеются следы какой-то более древней архитектуры. Вполне возможно, что и до X века там существовало какое-то укрепление, но мы о нем ничего не знаем. То, что было раньше на этом месте – это вошло полностью и растворилось в данном памятнике.

Комплекс памятников в Псырцха должен быть еще увеличен многочисленными руинами, надгробными памятниками и церковными в котловине селения Анухва. Все эти памятники представляют остатки древ-

него города Анакопия. Этот город был когда-то очень богатым городом. Этот город в основном был расположен в котловине Анухва за Иверской горой. Иверская гора защищала этот город с моря. На берегу моря были богатые торговые пристани. Грузинский историк Вахушти, автор XVIII века, пишет, что еще в начале XVIII века сохранились на берегу моря в Псырцхе остатки пристани, украшенной великолепными мраморными колоннами. Но, говорит он, большинство колонн уже подмыто морем. До нашего времени не дошла ни одна из этих колонн, и все они, очевидно, погребены на дне моря. Таким образом, на берегу моря были только пристани, они защищались круглой башней, как две капли воды напоминающей замок Баграта.

Но сам этот сравнительно большой город (по тем временам) расположен был в котловине Анухва. Отметить, что древнее название Анакопии полностью совпадает в корне своем с названием селения Анухва.

Храм в Пицунде относится к царству Баграта III, это памятник IX–X века. Он очень плохо реставрирован, но тем не менее заслуживает всяческого внимания.

В Гаграх мы не имеем памятников, которые можно было бы датировать этой эпохой.

Великолепный, лучше всего сохранившийся храм, представляющий значительный памятник культуры Грузинского царства этого периода находится в селении Лыхны, в 4 километрах от Гудауты. Это памятник совершенно точно XI века.

Вот какое множество памятников оставила на Черноморском побережье материальная культура Грузинского царства.

Архитектура и живопись Грузии в X–XII вв. достигли очень высокого уровня. Интересное исследование произвел наш археолог Шмидт в Киеве. Он обнаружил, что киевский Софийский собор, представляющий собой исключительно ценный памятник архитектуры, имеет целый ряд черт, характерных для грузинской архитектуры. Шмидт сделал определенное заключение, что при постройке Софийского собора или присутствовали грузинские архитекторы-художники, или грузинские мастера учили мастеров, которые делали Софийский собор. Во всяком случае, в Софийском соборе в Киеве заметно влияние грузинского искусства. Это

говорит о том, как широка была сфера культурного влияния Грузинского царства. Все это относится к области материальной культуры. Но были памятники и духовной культуры X–XII веков. Мы не можем не отметить, какие величайшие ценности подарила человечеству грузинская культура. Я говорю о гениальном поэте XII–XIII веков Шоте Руставели. Шота Руставели как бы увенчивает собой плеяду блестящих писателей, беллетристов, философов, математиков, которые в эту эпоху отмечены в Грузии. Шота Руставели увеличивает собой развитие грузинской литературы и искусства этого периода. Шота Руставели есть величайший мастер слова, имя которого навсегда останется в памяти всего культурного и прогрессивного человечества. Это – мастер культуры мирового значения. Поэтому, безусловно, Шота Руставели должен быть знаком всем экскурсантам, всем туристам, которые будут рассматривать памятники материальной культуры Грузии этой эпохи. Можно смело сказать, что большинство памятников на побережье являются памятниками эпохи Руставели, потому что Шота Руставели включает в себя очень широкое понятие. Эпоха Руставели, по крайней мере, должна охватить два столетия (X–XII века).

V. ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА В XVII–XVIII вв.

Сейчас мы посвятим лекцию истории Черноморского побережья Кавказа в XIV–XVIII столетиях. Речь будет идти, главным образом, о борьбе Западного Кавказа против Султанской Турции, против турецкой агрессии в XVII–XVIII столетии.

Я уже говорил, что в XIII веке Грузия подвергается жестокому хозяйственному и политическому кризису. На Грузию нападают дважды орды монголов. Сначала монгольское нашествие, а затем – нашествие Тамерлана опустошают Восточную Грузию. С большим трудом населению Грузии удастся восстановить то, что разрушено было завоевателями. Но восстановленное снова разрушается новым натиском монгольских или тюркских племен. Глубокий кризис, который испытывает Грузинское царство в XIII–XIV столетии, приводит к тому, что политическая мощь

его ослабевает. Соседские племена и народы, которые в X–XII веках считались зависимыми от грузинских царей, теперь отделяются от Грузии. Это можно было видеть на примере джихов, черкесских племен, о чем я говорил в прошлой лекции.

Экономика Грузии переживает в этот период упадок, политическое единство Грузии подвергается серьезным испытаниям. Населению Восточной Грузии приходится отбиваться от монгол, тюркских племен, от новой иранской монархии, в это время значительно усилившейся. Населению Западной Грузии, начиная с XV столетия, приходится испытывать сильнейший натиск со стороны агрессивно настроенных турецких султанов.

Генуэзцы

В это время на Черноморском побережье Кавказа в XIII–XIV веках не раз появлялись итальянские купцы, представители двух известных в истории, богатых итальянских городов – республик Венеции и Генуи. Надо сказать, что на кавказском побережье преимущественно бывали генуэзцы, также, впрочем, как и на всех берегах Черного моря. Еще в конце XII века генуэзские купцы заключают договор с византийскими императорами, получая право на свободную торговлю на берегу Черного моря. В первой половине XIII века возникли и генуэзские колонии в Крыму. Самой крупной колонией была Каффа, на южном берегу Крыма. И сейчас мы можем встретить много крепостных, военных и гражданских сооружений, оставленных там генуэзцами. В отношении Крыма мы можем говорить о генуэзской колонизации. Вопрос о детальности генуэзцев на Кавказском побережье не был достаточно изучен до сегодняшнего дня. Как правило, старые историки и археологи преувеличивали значение этой коммерческой, в основном, деятельности генуэзцев на Черноморском побережье Кавказа. Генуэзцам приписывался ряд памятников, которые не имеют ничего общего с ними. Древний Беслетский мост – памятник классической грузинской культуры, о котором я говорил, не является венецианским. Таким же недоразумением является заявление о том, что многие береговые, крепостные сооружения, прекрасно сохра-

нившиеся в Псырцхе, будто бы являются памятниками генуэзской колонизации. Надо прямо сказать, что мы на Черноморском побережье не имеем ни одного памятника, о котором можно было бы сказать, что он сооружен генуэзцами. Вполне возможно, что на Черноморском побережье Кавказа в будущем мы обнаружим следы сооружений, сделанных генуэзцами. Но следует помнить всегда, что деятельность генуэзцев, в особенности на побережье Абхазии, была более ограничена и более связана, потому что эта территория (Черноморское побережье Кавказа) была подвластна грузинским царям и никогда никаким генуэзцам грузинские цари не позволили бы основывать какие-либо колонии на Черноморском побережье Кавказа.

Правда, в XIII–XIV веках, когда развернулась деятельность генуэзцев на Черном море, Грузинское царство было ослаблено. Но тем не менее в эту эпоху центральная власть грузинских царей не настолько ослабла, чтобы генуэзцы могли бы без всякого разрешения заниматься колонизацией Черноморского побережья Кавказа. Вот почему можно предполагать, что на Черноморском побережье Кавказа не было и не могло быть таких генуэзских колоний, какие были в Крыму. Но тем не менее на Черноморском побережье Кавказа были торговые фактории, торговые склады, может быть защищенные валами, площадками, может быть, укрепленные иногда каменными стенами. Эти фактории только с большими оговорками можно назвать колониями генуэзцев.

Я должен вам сказать, что на этот вопрос может пролить свет работа двух научных сотрудников Академии наук во II томе «Исторических записок», скоро выходящим в свет. Там будет помещена статья о генуэзских колониях на Западном Кавказе. Мне неизвестно пока содержание этой статьи, но, вероятно, в этой статье будут содержаться очень ценные материалы о генуэзских колониях на Западном Кавказе. В то же время предупреждаю, что, используя новый, ценный фактический материал, который будет опубликован в этой статье, надо иметь в виду, что авторы этой статьи все-таки недавно занимаются этим вопросом. Они преимущественно занимались письменными источниками. Памятников материальной культуры они не изучили и поэтому авторы данной статьи могут преувеличивать значение тех или иных пунктов, о которых говорится

в итальянских архивных документах. Поэтому данную статью надо использовать с известной осторожностью. Главным образом, старайтесь из нее взять фактический материал, т.е. цитаты из архивных документов. Я повторяю, что у нас пока нет ни одного объекта, ни одного монументального памятника, с которым мы могли бы связать деятельность генуэзцев на Черноморском побережье Кавказа.

Деятельность генуэзцев на Черном море продолжалась до XV века. В XV веке происходят события, которые очень отрицательно отражаются на состоянии Грузинского царства, на состоянии народов Кавказа, борющихся против агрессии Иранской монархии и, в особенности, со стороны возникшей в этот момент Турецкой империи.

Агрессия султанской Турции

В 1453 году турецкие войска взяли штурмом Константинополь, разрушили последний оплот, самую столицу когда-то величественной, могущественной Византийской империи. Византийская империя перестала существовать. На развалинах ее возникла Турецкая империя. Султанская Турция в течение нескольких веков вела захватническую агрессивную политику по отношению к Кавказу. Народам Грузии пришлось выдержать очень сильный натиск со стороны турецких султанов. Целый ряд районов Грузии (Аджария и др.) подверглись турецкому завоеванию. Кроме того, турецкие паши, наместники турецкого султана, совершали набеги далеко вглубь территории Грузии. Долина Риона была в течение столетий под вечной угрозой нападения со стороны турецких пашей. С другой стороны, уже, очевидно, в XVI столетии, но в особенности в XVII–XVIII веках султанская Турция развернула свою агрессивную, захватническую деятельность на Черноморском побережье Кавказа. Турки приходили сюда с моря. Турки пользовались тем, что крымские ханы, владельцы Крыма в это время стали подданными, вассалами турецких султанов. Крымские ханы оказывали давление, делали набеги на Черноморское побережье с северо-запада. Основные массы турецких войск всегда держали под угрозой юго-западные границы Кавказского побережья, и все берега

Кавказа были открыты в любой момент для турецкого десанта. В такое трудное, чрезвычайно тяжелое положение попали народы Черноморского побережья Кавказа с XIV века. Надо сказать, что султанской Турции не удалось в такой степени овладеть Черноморским побережьем, как это удалось ей в отношении Аджарии и некоторых южных районов Грузии.

Надо сказать, что турецкие десанты встречали решительный и жестокий отпор со стороны местного населения, со стороны грузин, абхазцев, черкесов. Султанская Турция после многократных попыток с помощью крымских ханов утвердиться на Черноморском побережье Кавказа, в конце концов, убедилась в невозможности подобного предприятия и поэтому ограничилась занятием только нескольких населенных пунктов на берегах Черного моря, которые служили форпостами, базами политического влияния на окружающее население. Такими форпостами, военными крепостями, основанными турками на Кавказском побережье Черного моря были: Поты – крепость в устье Риона, Сухум-Кале на месте старого древнего города Цхуми. У нас нет точных данных по этому вопросу, но, говорят, и некоторые археологические наблюдения это подтверждают, что турки имели укрепление в Гаграх, и что основание существующей старой крепости, крепостных стен там сделаны турками. Потом эта крепость совершенно перестроена была русскими войсками в XIX веке.

Наконец, последним крупным форпостом турецкой агрессии была сильная турецкая крепость Анапа. Больше на Кавказском побережье не было, за исключением Аджарии, пунктов, где бы могли прочно и надолго утвердиться сатрапы турецкого султана. Разумеется, султанская Турция сочетала методы прямого вооруженного захвата с дипломатическими действиями, а также с пропагандой новой мусульманкой религии – ислама. Пропаганда ислама велась, как отдельными проповедниками-миссионерами, в порядке, так сказать, индивидуальном, так и в организованном порядке, путем применения силы. В 1670 году, в XVII веке, крымские ханы сделали нашествие на северо-западную Черкесию. Они заставляли черкесов (адыге) принимать мусульманство.

Интересно, что есть некоторые данные из народного творчества абхазцев и черкесов, утверждающие, что войско крымского хана, сея смерть

вокруг себя, прошло до самой Абхазии и везде насаждало ислам, беспощадно избивая тех, кто не хотел принимать новую религию. В памяти абхазского народа сохранился рассказ о каком-то ханском сыне, который с большим войском прошел по всему Кавказскому побережью. Как рассказывают старики, он заставлял вырезать всех свиней, т.е. этим самым готовил почву для восприятия мусульманства. Это поголовное уничтожение свиней настолько крепко запомнилось народам Кавказского побережья, что до сих пор об этом ханском сыне рассказывают народные песни и сказания абхазцев и некоторых черкесских племен.

Надо сказать, что именно с этого времени христианские верования начинают уступать в сознании населения Черноморского Кавказа мусульманству. Но мусульманство навязывали насильно. Вот почему мусульманство и не пустило очень крепких корней в сознании народов Кавказа. Сильнее всех религиозных верований оказались древние религиозные представления, связанные с родовым бытом, связанные с культом земледелия, охотой. Эти древние религиозные представления пережили и христианство, и мусульманство. Языческие представления оказались прочнее всего. Это понятно, потому что они вырастали из самого местного общественного быта, а мусульманство и отчасти христианство навязывалось силой. Очень важно подчеркнуть, что среди абхазцев, черкесов никогда не было таких строгих мусульман, как у других народов.

Характерно, например, что женщина в Абхазии и у многих черкесских племен, даже среди мусульман, никогда не закрывала лицо чадрой. Многоженство среди абхазцев и черкесов было развито слабо. С легким сердцем абхазец-мусульманин праздновал байрам и в то же время христианскую пасху, ходил и в церковь, и в мечеть, слушал и христианского попа, и мусульманского муллу.

Но это, товарищи, нисколько не значит, что мусульманские муллы не были самыми хищными эксплуататорами среди абхазцев и среди черкесов. Мы знаем, что муллы, так же как и христианское духовенство, не только не служили интересам эксплуататоров, но и сами эксплуатировали самым беспощадным образом окружающее трудящееся население.

О жизни черкесов и абхазцев в XIV–XV веках имеется очень много интересных описаний.

Береговая торговля

В это время во время турецкого господства на Кавказском побережье Черного моря, на берегах Кавказа развернулась оживленная береговая торговля. Турецкие купцы, или точнее, купцы, плававшие под турецким флагом, вели оживленную торговлю на берегах Кавказа, Абхазии и Черкесии. Вывозили отсюда большое количество рабов, ценную древесину, пушнину, воск, мед и целый ряд других продуктов, привозя по преимуществу соль и всевозможные ремесленные изделия, главным образом, металлические изделия и оружия. Об этой береговой торговле у нас есть очень много интересных данных. В этой береговой торговле участвовали и европейцы. Сюда на Кавказское побережье проникало немало агентов западноевропейских монархов, шпионов и, в частности, агентов римского папы. В нашем распоряжении есть свидетельства итальянца Интериано, который был в 1551 году на берегах Черкесии.

Свидетельства иностранцев

Затем, в XVII веке, появляется католический монах Жан де Лук. Он оставил тоже очень интересное описание. К сожалению, на русском языке его нет. В том же XVII столетии появляются здесь итальянцы, тот же католический поп Ламберти, Ламберти оставил сочинения, которые переведены на русский язык («Описание Мегрелии»). В конце XVII столетия появляется француз Шарден. Он написал очень большое интересное сочинение о Кавказе. Француз Пейсонель в XVIII веке (по-видимому, шпион, он называл себя дипломатом), который тщательно объехал побережье Кавказа, с целью экономической разведки, оставил интересный труд о береговой торговле на Кавказском побережье. В русском переводе имеется отрывок его сочинения, изданный адыгейским обществом. Затем турецкий путешественник Эвлия Челеби оставил интересное и подробное описание Черноморского побережья. К сожалению, на русском языке его нет. Но в настоящее время Институт сделал перевод той части книги Челеби, где он касается абхазцев и черкесов. Насколько интересны данные этих путешественников, показывает отрывок из сочинения Ин-

териано, приведенный в книге Дюбуа «Путешествие вокруг Кавказа», изд. в русском переводе Института Абхазской Культуры в 1937 г. (С. 24 и след.).

Данные топонимики

Раз мы уже коснулись источников, то я хочу несколько слов сказать о данных топонимики.

Возьму наиболее часто встречающиеся названия важнейших пунктов, которые любопытно расшифровать перед слушателями-экскурсантами. Кое-что мы знаем твердо. Кое-что для нас является неясным. Надо поработать над этим, обращаясь к местному населению, главным образом, к старикам.

«**СУХУМИ**». Возьмем Сухуми. «Сухум-Кале» – по-турецки. «Цхуми» по древнегрузински. И в конечном итоге – «гум» – «гума», племенное название того абхазского племени, которое жило в этом районе с незапамятных времен.

«**ПСЫРЦХА**». В отношении названия Псырцха (правильно Псырдзха) у нас нет точных данных. Возможно, что оно связано с абхазским термином – «апсы» – мертвый. С другой стороны, вероятно связь с черкесским – «псы» – река, может быть с абхазским – «апсыдз» – рыба, возможно от «апсара» (сосновая роща) и «адзы» – вода.

ГАГРЫ. В отношении названия Гагры. Известно, что по-абхазски это место называется – «Гагра». Генуэзцы называли на своих картах – «хакара». Непереводаемо. Вероятно, какое-то родовое или племенное имя.

Примечательно и интересно, что многие названия местностей, ущелий, рек, селений в Гагринском районе имеют окончание – «пши» или «пшь»: Гагрипш, Цандрипш и т.д. Вообще говоря – слово «пши» означает по-черкесски крупного владельца, «князя». Возможно, что окончание давалось для определения того, что данное место принадлежит какому то владельцу. «Гагрипш» – значит место, принадлежащее «князю» Гагра.

ЦАНДРИПШ. Затем есть большое селение на полпути между Гаграми и Адлером – Пиленково, это русское название в честь генерала.

По-абхазски Пиленково – «Цандрипш». «Цан» – это название одного из джигетских обществ. Общество «цан», отсюда – Цандрипш. Одна из общин садзов или джигетов.

АДЛЕР. Затем еще название «Арт». Турки называли «арт» – лар, лер. «Лар» – это окончание множественного числа. Русские переделали по своему «Арт-Лер» – «Адлер». Тем более что «Адлер» по-немецки означает «орел».

ПСОУ. Затем река Псоу – граница Абхазии. «Псоу» – «псы» – вода, река.

Мзымта. Мзым-та. «Та» – окончание, обозначает местность, долину реки. Мзымта, Кудепста, Хоста и т.д.

ХОСТА. Далее Хоста. По-абхазски и убыхски звучало «Хуаста», «Ахусата». Корень – «ахуа» – означает «кривой» или «изгиб». Значит «ахуаста» иными словами «лукоморье», изгиб берега, кривизна. Генуэзцы переделали на своих картах – «Коста».

Затем идет Кудепста. Куде-пста. Это родовое имя, которое очень часто встречается в абхазском фольклоре. Есть фамилия – Кудапш, – собственное родовое имя.

МАЦЕСТА. Затем Мацеста. Прежде всего, заслуживает внимания очень интересное указание римского писателя Арриана, который, описывая побережье, говорит, что там есть одно место, которое называется – Масетика (это пишут 1800 лет назад). Это название Масетика может быть искаженным названием Мацесты. Мац, собственное мужское имя, Мациса – женское имя.

СОЧИ. Сочи. Русское название Сочи взято из грузинского Сочи. Абхазцы называли «Шяча». Черкесы, шапсуги «Сшача». Что это значит? Очень трудно буквально перевести. Прежде всего, следует иметь в виду, что под этим названием существовало убыхское племя. Так что, прежде всего, племенное название. Но это может быть расшифровано на черкесском языке одним способом, на абхазском – другим. Значит, Сочи – русское название, взятое с грузинского. Сочи – Шяча – Сшача, а это значит племенное название.

ЛОО. Лоо – фамильное родовое имя, которое было у убыхов и есть у абазин (то есть Лоов – аул).

ВАРДАНЭ. Затем – Варданэ. По-убыхски звучало – Уордан. Фамилия была, род, даже мелкая община.

Мамайка. Мамай – собственное имя. Под этим названием был известный большой береговой рынок в районе Туапсе. Татарское, тюркское имя.

АШЕ. Аше – по-черкесски – «оружие». Вполне возможно, что там, на берегу, тогда торговали рабами, пушниной, лесом, оружием.

ТУАПСЕ. Туапсе. По-черкесски – «двуречье».

Существовали довольно многочисленные абхазские племена, родственные садзам, джигетам, которые назывались ачипсы. Иногда русские называли Ачипсоу – «ахчипсы». От этого имени осталось название местностей в районе Красной Поляны.

ПСАШЬХА – «Ашьха» значит – гора. Псы – вода, река.

АИБГА – было маленькое абхазское племя, жившее в районе горы. Значит племенное название.

ЦЕБЕЛЬДА. Цебельда. «Да» – «та» – понятие «места». Существовало «племенное название» – «цабал». Отсюда «Цабал – та», Цебельда.

Таким образом, и археологические памятники, и свидетельства иностранных путешественников, и данные топонимики – все говорит о том, что местная культура, существовавшая на Черноморском побережье в течение веков и тысячелетий, сумела противостоять агрессии завоевателей, что грузины, абхазцы, адыге (черкесы) стойко защищали свою культуру, свою родину от всех и всяких захватчиков.

Население Западной Грузии мужественно оборонялось от полчищ турецкого султана, заливавших кровью цветущие долины, превращавших в развалины мирные селения, усыпавших трупами пути своих грабительских набегов. Тысячи грузин увозились в плен сатрапами турецкого султана и обращались в рабство. Под покровительством турецких пашей на Черноморском побережье процветала работорговля. Французский путешественник Шарден утверждает, что в XVII веке с берегов Кавказа вывозилось ежегодно до 12.000 рабов. Около 1760 г. имеретинский царь Соломон запретил на территории заниматься работорговлей. Турецкий султан решил «наказать» Соломона и трижды посылал в Имеретию

крупные силы. Имеретинцы героически сопротивлялись этому новому турецкому нашествию. В 1763 г. сорокатысячная армия была разбита пятидесяти тысячным отрядом Соломона.

Когда султанская Турция, видимо, в XVII веке овладела древним Цхуми на побережье Абхазии, то построенная турками крепость Сухум-Кале часто оказывалась в осаде абхазских повстанцев, стремившихся изгнать захватчиков из пределов родной земли.

Наиболее крупные движения в Абхазии против турецкой агрессии были в 1725 г. и 1771 г., причем в последнем случае абхазцы даже овладели Сухумской крепостью. Правда, впоследствии султанская Турция снова захватила Сухум-Кале, но в Абхазии продолжалось народное движение против агрессоров.

В конце XVIII века владетель Абхазии, умный и энергичный Келеш-бек Чачба (Шервашидзе), подавляя сопротивление крупных феодалов, начал серьезно готовиться к решительной борьбе против султанской Турции. В этой борьбе Келеш-бек находил опору в крестьянских массах. Келеш-бек был связан родственными связями с многочисленной крестьянской фамилией Лейба, на одной из представительниц которой он женился, нарушив тем самым феодальную этику.

В процессе этой борьбы Келеш-бек устанавливал более тесные связи с другими владетелями Западной Грузии, а после присоединения Грузии к России, стал стремиться к заключению союза с Россией.

В 1805 г. Келеш-бек пошел на открытый разрыв с султанской Турцией. Собрав 25-тысячное войско и овладев Сухумской крепостью, он сумел в июле 1806 г. отразить карательную экспедицию, посланную к берегам Абхазии турецким султаном.

Несмотря на то что сам Келеш-бек в 1808 г. пал жертвой заговора, организованного агентами султана, и Сухумская крепость снова, хотя и на краткое время, попала в руки турок, агрессия султанской Турции встречала все большее сопротивление со стороны абхазского народа.

VI. «КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ЦАРИЗМА, ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ К РОССИИ»

Еще с XV века, после падения Византии, у грузинских царей зародилось постепенное стремление к установлению отношений с Московским государством для обеспечения себя сильными союзниками в борьбе против Ирана и Турецкой империи, покушавшихся на самостоятельность Грузии. Посольство кахетинского царя Александра к Московскому великому князю Ивану III в 1492 году было первым звеном в цепи сношений и дипломатических связей грузинского и московского царей. Усилившаяся агрессия со стороны иранских шахов и турецких султанов заставляла феодальную Грузию все чаще обращать свои взоры на север в ожидании помощи от единой верной России. Нельзя отрицать, что при свойственной феодальной идеологии крупной роли религии – единство веры, способствовало тяге к России, где христианство было официальной и господствующей религией. Это стремление феодальной Грузии к объединению с Россией находило отклик в правящих кругах последней, которые еще с XVI века начали проявлять большой интерес к Кавказу. Кавказ лежал на путях продвижения на юг. Такие важнейшие вопросы внешней политики Московского государства, как закрепление завоеваний в Нижнем Поволжье и Донских степях, а также борьба с крымскими ханами определяла и обуславливала политику московских царей в отношении Кавказа. Правда, первые попытки Российского царизма создать себе определенные и укрепленные позиции на Северном Кавказе в XVI веке потерпели неудачу. Но чем дальше, тем более широкие планы строили московские цари по поводу продвижения на Кавказ.

В XVII веке они ведут усиленно экономическую и политическую разведку в Закавказье и особенно в Грузии. Туда путешествуют московские агенты, имеющие целью собрать более полные сведения о предполагаемых союзниках, на случай совместной борьбы с восточными государствами – Ираном и султанской Турцией. Первый император Всероссийский, создатель Российской империи царь Петр I еще до знаменитой войны со Швецией пытался активно выступить на юго-востоке. В 1695–1696 годах Петр ведет войну с Турцией и завоевывает Азов в устье реки Дона. С тех

пор мысль о продвижении в Закавказье и через Закавказье вглубь Передней Азии не покидает Петра I.

В 1711 году Петр I начал новую войну с Турцией. Но эта война была кратковременна и неудачна для царской России. В 1715 году Петр I отправляет опытного дипломата Волынского в Иран. Волынский добрался до столицы Ирана, города Исфагана. Он вел там дипломатические переговоры и убеждал царя в своих письмах немедленно начать войну против Ирана, потому что иранская монархия в это время переживала жестокие внутренние потрясения.

Походы Петра I

Ознакомившись, таким образом, с положением Ирана, благодаря миссии Волынского, царь Петр I действительно начал войну с Ираном для завоевания восточного Кавказа. Предварительно в 1720 году Петр I стремился заключить договор-союз с грузинским царем Вахтангом IV.

Как только Петр I закончил войну со шведами, причем закончил ее победоносно, он немедленно нашел повод для вмешательства в кавказские дела против Ирана. Под начальством самого Петра I в 1722 году десантный отряд русских войск высадился на Кавказском побережье Каспийского моря, занял город Дербент. Однако далее Дербента продвигаться было тяжело. Дагестанцы оказывали сопротивление. Петр I должен был уйти обратно, но послал флотилию с другим десантным отрядом под начальством генерала Матюшкина для высадки в Азербайджане.

Из инструкции Петра I Матюшкину следует, что Азербайджан или Бакинское ханство не было главной целью активной политики Петра I. Оно должно было служить исходной базой для реализации более широких планов в Восточном Закавказье. Петру I не удалось объединить свои силы с грузинским царем Вахтангом IV. Последний под натиском Ирана вынужден был покинуть Грузию и искать убежище в России с многочисленным семейством и свитой. После смерти Петра, российский царизм вынужден был отступить на Закавказье и отдать Ирану все завоеванные там территории (главным образом, в Азербайджане).

Следующие попытки активно продолжать завоевательную политику на Кавказе уже относятся к царствованию Екатерины II. При Екатерине II российский царизм снова начинает наступать на Кавказ. В 1769 году царская Россия начала войну с султанской Турцией. Война длилась пять лет и закончилась в 1774 году. Эта война привела к военным действиям царской армии и на Кавказе. Царский генерал Меден вторгся в Кабарду, и Екатерина II поспешила объявить о принятии Кабарды в «российское подданство». В ходе этой войны царская Россия снова начала нащупывать связи в пределах Закавказья. Царское правительство было прекрасно осведомлено об освободительной борьбе, которую вели в течение веков против Турции грузинский и армянский народы. Использовать последние в борьбе с Турцией пытался еще и Петр I. В середине XVIII века, после смерти иранского шаха Надира, Восточная Грузия фактически освободилась от иранского владычества. Но как Восточная, так и Западная Грузия, которую пытался объединить имеретинский царь Соломон, испытывали постоянную угрозу со стороны султанской Турции. Поэтому и неудивительно, что правители Грузии с большим вниманием следили за этой войной, которую вела Россия против турецкого султана.

Экспедиция Тотлебена

По договоренности с грузинским царем Ираклием II в 1769 г. первые войска российского царизма вошли в Грузию, но их военные действия не увенчались успехом. Командующий этим русским экспедиционным корпусом генерал Тотлебен, немецкий барон, своим хозяйничаньем в Грузии восстановил против себя население, а в боях с турками погубил значительную часть своего войска.

Видя беспомощность русского отряда в Грузии, весной 1772 года Екатерина отозвала его. Однако в Грузии был оставлен в качестве дипломатического представителя русский капитан Львов, которому было поручено «склонять» грузинских царей на сторону России и противодействовать их примирению с Турцией. Война закончилась в 1774 году победой России. Но тем не менее над Грузией висела угроза со стороны

нашествия турецких пашей, иранских шахов. Это заставило грузинского царя Ираклия официально вступить под покровительство Российской империи. 24 июля 1783 г. в городе Георгиевске на Северном Кавказе был подписан договор, согласно которому Ираклий II признавал протекторат, т.е. покровительство России, а Екатерина II обязывалась оказать ему помощь. В том же году в Грузию вступил отряд русских войск под начальством полковника Бурнашева. Тем временем вспыхнуло мощное движение племен Северного Кавказа против российского царизма. Грузия оказалась отрезанной от России, и с началом новой войны с Турцией положение отряда в Грузии стало настолько безнадежным, что Екатерина II снова отозвала его из Грузии. Два раза российский царизм сдал свои позиции Грузии.

Логика событий неуклонно вела Грузию на присоединение к России, ибо при сложившихся тогда условиях это было наименьшим злом по сравнению с нарастающей опасностью со стороны восточных агрессоров. Присоединение Грузии к России совершалось на пороге XIX столетия. В 1795 г. Грузия подверглась страшному разгрому со стороны иранского шаха Ага-Магомета. Ага-Магомет вторгся в Грузию и не оставил камня на камне от Тбилиси, уничтожил целый ряд грузинских городов и селений. Несмотря на решительное сопротивление со стороны Грузии, они все-таки потерпели поражение, и Ираклий II с остатками своих дружин вынужден был укрываться в ущелье Арагвы. Правда, Ага-Магомет ушел обратно, но страшное опустошение, которое он произвел, заставило Ираклия еще активнее стремиться к теснейшему союзу с Россией.

В 1796 г. царская Россия начинает военные действия против Ирана. В Закавказье по берегу Черного моря двинулся отряд царских колонн под начальством генерала Зубова.

Одержав ряд успехов в Азербайджане, отчасти оттеснив иранцев от Закавказья, отряд Зубова все-таки не мог полностью гарантировать Закавказье от иранской агрессии.

В 1796 году неожиданно умерла Екатерина II. Вступивший на престол ее сын Павел I немедленно отозвал царские войска из Закавказья, уволил генерала Зубова и прекратил все операции, которые предпринимала Екатерина II в Закавказье. Через два года умер и старый грузинский

царь Ираклий II, на грузинский престол вступил его сын Георгий. Павел I, который отозвал войска, посланные Екатериной II, главным образом из духа противоречия, потому что страшно ненавидел свою покойную матушку и старался делать все наоборот, тем не менее, через несколько лет понял, что Закавказье, Грузия представляет очень важный и интересный объект в системе внешней политики царской России. Когда на престол Грузии вступил новый царь Георгий XIII, то из Петербурга Павел I послал ему поздравительную грамоту и обещал помочь в борьбе Грузии против Ирана и султанской Турции. В результате переговоров с Георгием XIII в Грузию снова, в третий раз, был отправлен отряд русских войск под начальством генерала Лазарева. Из Петербурга в Тбилиси одновременно был послан царский чиновник Ковалевский. Это было в 1799 году. Через два года Грузия окончательно была присоединена к России. После того, как в 1800 году умер грузинский царь Георгий, царская Россия не стала утверждать нового грузинского царя, объявила о «присоединении царства грузинского на вечные времена под державу Российскую». Это было объявлено в манифесте, который был опубликован 18 января 1801 года и подписан еще Павлом I.

Наряду с опубликованием этого манифеста Павел I наградил нескольких грузинских дворян званием графов, баронов, присвоил им высокие чины, а молодых представителей грузинских феодальных фамилий устроил даже у себя при дворе на высшие должности. Официально Грузия была объявлена включенной в состав Российской империи 6 марта 1801 года. Вскоре после этого Павел I был убит группой гвардейских офицеров-заговорщиков. Вступивший на престол его сын Александр I продолжил в кавказской политике ту же самую линию, подтвердив особым манифестом присоединение Грузии к России.

Следовательно, товарищи, надо, в конце концов, учитывать два основных обстоятельства: 1) в присоединении Грузии к России имеется определенный положительный момент, в том смысле, что это присоединение было наименьшим злом в той обстановке, когда грузинский народ мог быть полностью поглощен иранскими и турецкими агрессорами. 2) Российский царизм, присоединив Грузию, стремился превратить ее в свою колонию и поэтому жестоко стал эксплуатировать грузинский на-

род, опираясь на грузинскую феодальную знать, на грузинских дворян, помещиков, которые являлись агентами и проводниками колониальной политики царского самодержавия. Восточная Грузия была присоединена к России в 1801 году. Имеретия официально – в 1804 году, фактически в 1810 году. Мегрелия, соседняя с Абхазией, была присоединена к России в 1803 г., и, наконец, Абхазия (официально) в 1810 г.

9 июля 1910 года русская эскадра, военная флотилия бомбардировали крепость Сухум-Кале. Недалеко от крепости 10 июля 1810 г. был высажен десант русских войск, отряд морской пехоты в 600 бойцов. После упорного боя этот отряд выбил турецкий гарнизон из сухумской крепости. Докладывая о взятии Сухум-Кале, царский генерал Тормасов назвал это событие «счастливым происшествием».

Еще ранее весной 1810 года феодальный владетель Абхазии князь Сафер-бей Шервашидзе просил Российского императора Александра I принять его в подданство. Это его прошение было утверждено и, таким образом, официально Абхазия была присоединена в состав Российской империи. Однако понадобилось еще 60 лет упорной войны для того, чтобы Абхазия фактически стала владением царской России. В остальной части Черноморского побережья Кавказа, в Сочинском и Туапсинских районах, до 30-х годов XIX века не ступала нога ни одного царского солдата.

VII. БОРЬБА НАРОДОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ПРОТИВ ЦАРИЗМА

Мы не будем сейчас с вами разбирать те события, которые протекали на территории основных районов Грузии после присоединения ее к России. Мы не будем сейчас говорить о тех восстаниях, которые поднимали крестьянство восточных районов Грузии, а также некоторых районов Западной Грузии, отдаленных от Черноморского побережья. Нас интересует, главным образом, вопрос о тех восстаниях, о тех движениях, которые имели место на Черноморском побережье. Поэтому мы обратим сейчас особое внимание на те события, которые развернулись в Абхазии.

Следует, прежде всего, подчеркнуть, что присоединение Абхазии к России имело определенный положительный момент в том смысле, что Абхазия теперь была гарантирована от турецкой агрессии. Султанская Турция не смела теперь уже покушаться на Абхазию. Следует сказать, что основная масса абхазского населения достаточно равнодушно приняла тот факт, что крепость Сухум-Кале была занята в 1810 году войсками Российской империи. Сухум-Кале не был уже 200 лет абхазским городом. В Сухум-Кале ранее находился турецкий гарнизон. Теперь его место заняли войска российского императора. Следует отметить и подчеркнуть со всей ясностью, что население Черноморского побережья Кавказа, в частности население Абхазии, никогда не имело ничего против русского народа, никогда не имело и не питало. И не могло питать каких-то особых симпатий к султанской Турции, к той султанской Турции, которая в течение веков покушалась на свободу и права трудящихся Абхазии. Следует особо подчеркнуть, что абхазский крестьянин не увидел на пороге своего дома царских солдат, угрожающих ему штыков, пока он не услышал воплей своей жены, в ужасе раздирающей свое лицо у дымящихся развалин его хижины, сожженной по приказу царских офицеров, до тех пор рядовой абхазский крестьянин оставался совершенно спокойным и равнодушным к пребыванию царского гарнизона в Сухум-Кале. Это обстоятельство очень важно подчеркнуть. Нам очень важно отметить, что так называемая «Кавказская война», непрерывные восстания трудящихся Кавказа, в частности, трудящихся Абхазии, Грузии и Западного Кавказа были вызваны жестокостью колониальной политики царской администрации. Только этим, вовсе ни какой-то врожденной якобы антипатией или даже ненавистью, как говорят старые официальные историки, кавказских народов к России, была вызвана эта война. Именно сама царская администрация жестокой своей политикой возбудила ряд восстаний и мощных освободительных движений на Кавказе. Для того чтобы представить себе, что из себя представляет эта царская администрация, надо помнить, что царские генералы и царское правительство после присоединения Грузии и других областей Кавказа, рассматривали Кавказ как арену беззастенчивого грабежа, беспощадной военной феодальной эксплуатации и самого бесшабашного, дикого произвола и гнета.

Возможность бесконтрольного хозяйствования, легкой наживы, быстрое продвижение в чинах – все это привлекало на Кавказ всякого рода авантюристов, манило туда все отбросы российского дворянства. Попавшие в опалу генералы и офицеры, проворовавшиеся интенданты, завязтые кутилы и картежники, промотавшие свои наследственные поместья, предприимчивые артельщики и подрядчики, все эти «герои» подлости и грабежа мало чем отличались от худших из худших испанских конквистадоров, в свое время грабивших Америку. В системе царского административного управления на Кавказе царили взятки, подлоги, подкупы, «лихие» налеты, набеги, бандитские нападения, насилия и обман. До чего доходила жестокость и дикий произвол царских администраторов можно судить хотя бы и потому, что сам император Николай I, побывав на Кавказе в 1837 г., вынужден был признать в письме генералу Паскевичу: «Неудовольствия... на кучу притеснений, злоупотреблений и почти грабежей сыплются; вопль на неправоудие присутственных мест, на самопроизвольность властей почти везде всеобщий!».

Это писал сам царь Николай I. Если он вынужден был признать это, то вы можете представить себе, какую страшную картину представляло собой хозяйничанье царской администрации на Кавказе, которая именно и возбуждала бесконечные, непрерывные восстания трудящихся Кавказа против российского царизма. В восточной Грузии также восстания имели место уже в 1804 г. и в 1812 г.

Что касается Абхазии, то надо сказать, что в ней события развернулись после присоединения ее к России следующим образом. В течение 10 лет царские войска в силу целого ряда внешних причин, так сказать, объективных причин, занимали только Сухумскую крепость. В Абхазии происходила в это время ожесточенная феодальная междоусобица, борьба между тем владетелем Абхазии Сафар-беем, который поддерживался царской русской администрацией, и его братом Аслан-беем, который стремился сам стать владетелем Абхазии, потому боролся против Сафар-бея. Этот Аслан-бей являлся агентом турецкого султана. Именно он в 1808 году организовал заговор против своего отца Келеш-бея и собственноручно убил его.

В течение 10 лет Аслан-бей, несмотря на все свои старания, не мог изгнать из Абхазии ненавистного ему брата Сафар-бея. Он не смог поднять никакого массового движения против Сафар-бея, против России. Только однажды в 1821 году, когда Сафар-бей умер, Аслан-бей попытался поднять восстание. Это восстание закончилось поражением. Царское командование прислало в Абхазию карательную экспедицию и рассеяло отряд Аслан-бея. В то же время владельцем Абхазии был назначен царским командованием сын Сафар-бея, или Дмитрий Шервашидзе, который воспитывался с раннего возраста в Петербурге, в пажеском корпусе, будучи привезен туда в год присоединения Абхазии – в 1810 году (в качестве заложника).

Дмитрий Шервашидзе был в гораздо большей степени офицером, чем абхазским князем, он уже забыл Абхазию, т.к. уехал оттуда совсем ребенком. Поэтому, явившись сюда в 1821 году, прибыв вместе с карательной экспедицией царских войск, он не мог завоевать симпатий не только абхазского населения в широком смысле слова, но даже абхазской феодальной верхушки, феодального дворянства. Неудивительно поэтому, что Дмитрий Шервашидзе, ставленник царского командования, прожив около года под охраной царских штыков, все-таки был уничтожен – отправлен одним абхазским крестьянином.

В 1824 году в Абхазии вспыхнуло первое массовое народное восстание. Чем оно было вызвано? Оно было вызвано только тем, что абхазское крестьянство убедилось, что царское командование, царская администрация вмешивается во внутренние дела Абхазии и при этом действует чрезвычайно жестоко. Недалеко от сухумской крепости проживал один из абхазских феодальных князей, Гасан-бей Шервашидзе. Его дом стоял на берегу реки Келасури. В 1821 году комендант Сухумской крепости, царский офицер, заподозрив этого Гасан-бея в сношениях с Аслан-беем и Турцией, пригласил его к себе, обезоружил, арестовал и отправил в ссылку в Сибирь. Родственники этого Гасан-бея не могли простить подобного факта царскому командованию (это было в 1821 году). В течение последующих лет вокруг Сухумской крепости, где стоял царский гарнизон, стала создаваться атмосфера крайнего недоверия и подозрительности. Родственники высланного Гасан-бея начали организовывать небольшие

группы абреков, которые нападали на команды царских солдат, выходявших по тем или иным надобностям из ворот Сухумской крепости. Создалось такое положение, что ни один солдат не мог спокойно выйти из ворот Сухум-Кале. Подчеркиваю, что до сих пор такого положения не было. И только лишь резкость действий коменданта Сухумской крепости создала подобное положение.

После нескольких нападений абреков на команды царских солдат в окрестностях Сухум-Кале, комендант Сухумской крепости, царский полковник Михин решил «проучить» абхазцев, как он выражался. Через своих лазутчиков он узнал, в каком именно селении живут абреки. Хотя это была небольшая группа абреков, главным образом, состоявшая из родственников высланного Гасан-бея, комендант Михин решил уничтожить все это селение и тем самым навести страх на окружающее население. Он так и писал: «для устрашения абхазского населения».

В ночь на 17 мая 1824 года комендант Михин вышел из крепости с ротой солдат в 225 штыков, для того, чтобы под покровом мрака напасть и разорить селение, как он выражался, «более других беспокойное». Однако карательный отряд двигался настолько медленно, что движение его стало известным окрестному населению, которое не дожидаясь расправы, покинуло свои жилища и укрылось в лесу. Когда отряд вошел в селение, оно было уже пусто. В слепой ярости от этой неудачи комендант Михин приказал сжечь все хижины мирных абхазских крестьян. Последние, разумеется, не стали оставаться немymi зрителями, пассивными свидетелями той страшной картины, которую представляло их родовое селение, пылавшее в огне, разоренное и опустошенное по приказу царского офицера.

На обратном пути царский карательный отряд, уничтоживший мирное абхазское селение, подвергся нападению со стороны возмущенных жителей этого селения, произошла схватка. Потеряв 4 офицера, в том числе и самого Михина и 40 рядовых солдат, царский отряд едва пробился обратно к крепости. В официальном документе прямо говорится, что «такая неудача нашего отряда была сигналом к поднятию оружия во всей Абхазии».

Понятно, что весть о поражении царского карательного отряда быстро облетела всю страну и воодушевила народные массы на борьбу с наглыми захватчиками, которые проявили такую страшную жестокость, как уничтожение целого мирного селения, возложив ответственность за нескольких абреков на сотни мирных крестьян.

Неудивительно, что после этого Абхазия оказалась охваченной народным восстанием. Это восстание 1824 года затянулось очень надолго. Царскому командованию пришлось прислать в Абхазию крупный карательный отряд в 2000 штыков при 4 орудиях. К этому отряду грузинское дворянство и некоторые абхазские дворяне выставили еще дополнительно около 4000 бойцов из подвластных им крестьян. И в результате восстание 1824 г. было подавлено, но с большими трудностями.

Понятно, товарищи, что раз уж в Абхазии началась народная война, то эта война теперь не могла скоро кончиться, потому что царское командование все время придерживалось метода жестоких репрессий. А это все больше и больше возмущало абхазский народ, и в результате борьба становилась более ожесточенной, более кровопролитной и затягивалась на целые десятилетия. Следует отметить, что царское правительство в ходе этой борьбы стремилось, во что бы то ни стало, найти для себя какую-то социальную базу в Абхазии, так же как и на Кавказе вообще. Такой социальной базой могли быть только представители местной феодальной знати, абхазские князья и дворяне. И действительно, царское командование предпринимает все возможные меры для того, чтобы привлечь на свою сторону абхазскую феодальную знать. К 1827 г. царским генералам удается наградами, подарками, повышением в чинах, всевозможными пенсиями, как тогда говорили, прямым подкупом, а главное – расширением эксплуататорских прав, усилением крепостнических отношений в Абхазии – перетянуть на свою сторону основную массу абхазского дворянства. В Абхазии, так же как и в других областях Кавказа, создан блок (союз) царских генералов и местных князей и дворян.

В 1827 г. свыше 100 представителей абхазских княжеств и дворянских фамилий принесли присягу на верность Российскому императору. Когда мы говорим об этом, то очень важно подчеркнуть, что блоку местных дворян с царизмом противостояла интернациональная солидар-

ность трудящихся, которая проявлялась в том, что из царской армии на Кавказе в большом количестве дезертировали русские крестьяне, одетые в солдатские мундиры. Эти беглые русские солдаты всегда находили приют и горячее участие среди абхазских трудящихся. И наоборот, местные князья и дворяне, видя в этой интернациональной солидарности большую опасность, старались этих русских беглых солдат вылавливать и представлять царскому командованию. В одной только Цебельде в 30-х годах XIX в. жило до 150 русских дезертиров.

Таким образом, намечались два фронта. Фронт трудящихся против фронта дворян, крепостников-помещиков.

В конце 20-х годов XIX века царская Россия провела две войны. Одну – с Ираном в 1826–1828 годах, другую – с султанской Турцией в 1828–1829 гг. Эти войны дали возможность российскому царизму прочно закрепить за собой Закавказье. По Адрианопольскому трактату или мирному договору 1829 г. султанская Турция отказалась от своих претензий на восточное побережье Черного моря, в том числе и Абхазию. В письме на имя генерала Паскевича, командующего кавказской армией, император Николай I 25 сентября 1829 г. писал: «Кончив одно славное дело (войну с Турцией) предстоит вам другое... – покорение навсегда горских народов или истребление непокорных...».

Эта директива Николая I легла в основу всех операций и всей политики царского командования на Кавказе, начиная с 30-х годов. Еще раз подчеркиваю: «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Абхазская экспедиция 1830 г.

Исходя из этой директивы Паскевич еще осенью 1829 г. разработал план завоевания Черноморского побережья Кавказа, от Анапы до Сухум-Кале, и представил этот план на «высочайшее утверждение» Николаю I.

Осуществление поставленной задачи и утвержденного царем Николаем I плана этой Абхазской экспедиции было возложено Паскевичем на

генерала Гессе. Предполагаемая экспедиция была разделена на две части или на два периода. Первый, как писал Паскевич, включает прочное занятие берега княжества абхазского, а второй – завоевание побережья от Гагры до Анапы.

Эта экспедиция началась летом 1830 г. Генерал Гессе привез морем свой отряд в Сухум-Кале, а оттуда переправил часть отряда в Гагры. Паскевич особенно настаивал на взятии гагринского прохода, который он назвал «Кавказскими Фермопилами». Десант царских войск был высажен в Гаграх, занял старое турецкое укрепление и почти сейчас же подвергся нападению со стороны садзов (джигетов), жителей Гагринского района, которые не хотели иметь на своей земле царское укрепление, и усматривали в занятии гагринского прохода царскими войсками грубое вмешательство в их внутренние дела. Остальная часть отряда Гессе была двинута из Сухум-Кале в Пицунду, а также в Бамборы (около Гудауты). В этих трех пунктах (Гагры, Пицунда, Бамборы) были устроены небольшие укрепления. Таким образом, российский царизм более или менее прочно утвердился на побережье Абхазии. Однако о продвижении к северу от Гагр и «о продолжении сухопутного сообщения до Анапы» не могло быть и речи. В Гаграх царские войска встретили такое сопротивление со стороны садзов и убыхов, что генерал Гессе писал Паскевичу о том, что он никак не может «осуществить два периода, намеченной экспедицией». Причем генерал Гессе не мог, конечно, сослаться на неспособность свою и своего отряда справиться с «какими-то» садзами и убыхами. Поэтому генерал Гессе мотивировал свое отступление от принятого плана причинами астрономического характера. Генерал Гессе писал в августе Паскевичу, что бури, связанные с осенним равноденствием, не позволяют ему наступать дальше.

Понятно, что смехотворная ссылка на «осеннее равноденствие» должна была несколько смягчить то неприятное впечатление, которое могло возникнуть в Петербурге в связи с известием о том, что наступление царской армии и флота разбилось о героическое сопротивление абхазских и убыхских крестьян, самоотверженно защищавших свою свободу и независимость.

В 30-х годах XIX века царское командование для прочного освоения приморской Абхазии в течение нескольких лет посылает в Абхазию специальный отряд для устройства береговой дороги. В 1834 г. эта дорога была проложена от реки Ингура до Сухум-Кале. В 1835 году эта дорога была проложена дальше и достигла до реки Бзыбь, т.е. почти до Гагр. В то время царским генералам стало совершенно ясно, что невозможно будет прочно утвердиться на Кавказском побережье, в частности, в Абхазии, пока земля убыхов, шапсугов, т.е. большая часть Кавказского побережья остается совершенно свободной и независимой от царского командования. В 1837 г. на Кавказе побывал император Николай I. Он увидел, что его генералы своими хвастливыми донесениями сильно приукрашивают те, незначительные по существу, успехи, которые за 30 лет сумел одержать российский царизм на Западном Кавказе. После посещения императором Николаем I Кавказского побережья, царское правительство решило создать здесь цепь укреплений, которая должна была составлять «Черноморскую береговую линию».

Черноморская береговая линия

Эта «Черноморская береговая линия» и явилась линией фронта российского царизма против народов Черноморского побережья. Устроена она была в конце 30-х годов XIX века. Еще раньше царское командование построило укрепление в Анапе, Новороссийске, Геленджике (в начале 30-х годов). В 1837 г. были построены укрепления в устье реки Пшада (Ново-Троицкое) и ущелье реки Булан (Михайловское), и там же в 1837 году был высажен десант и построено укрепление на мысе Адлер. Укрепление это называлось именем «Святого духа». Между прочим, при высадке десанта на мыс Адлер летом 1837 года погиб в бою, пропал без вести, писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский. В кавказской армии было очень много сосланных и разжалованных в солдаты декабристов. В частности, помимо Бестужева, на Кавказском побережье погиб от болезни и тяжелых лишений поэт Одоевский, который ответил в свое время прекрасным стихотворением на поэтическое послание Пушкина

декабристам. Одоевский вынужден был служить в царской армии, и умер на реке Псеуапсе. В 1838 году сооружается укрепление «Вельяминовское» в устье реки Туапсе, «Навагинское» – в устье реки Сочи, а в 1839 г. укрепление «Лазаревское», на реке Псеуапсе и «Головинское», в устье реки Шахе.

Конечно, постройка этих укреплений вызвала единодушный протест среди убыхов и шапсугов, которые начинают с этого времени вести ожесточенную борьбу против наступающего царизма. Характерно, что и в отношении убыхов и шапсугов мы должны сказать то же самое, что мы сказали в отношении трудящихся Абхазии. До того времени, когда царизм не наступил сапогом на горло убыхского и шапсугского народа, до этого времени убыхи и шапсуги не имели никакой ненависти по отношению к России. Когда на побережье начали высаживаться первые десанты царских войск, то неоднократно убыхские и шапсугские старшины приходили к царским генералам и спрашивали: «Что вам нужно и зачем приходите к нам, в наши дома с оружием?». Был один интересный эпизод. Однажды царский генерал здесь на побережье, принимая делегацию горцев-черкесов, сказал им, отвечая на их вопрос, что царские войска пришли сюда на побережье потому, что турецкий султан «подарил Кавказское побережье вместе со всем его населением Российскому императору». Генерал намекал на Адрианопольский трактат 1829 года. Тогда один из черкесских стариков показал генералу на маленькую птичку, сидевшую на ветке дерева и сказал: «Вот, генерал, я дарю тебе эту птичку, возьми ее, если сможешь». Тем самым этот старик выразил ту, совершенно правильную мысль, которая сводится к тому, что народные массы черкесских, убыхских племен и абхазов никогда не считали себя подданными турецкого султана и поэтому никак не могли признать факт вмешательства российского царизма во внутренние дела народов Западного Кавказа. Факт, который царское правительство оправдывало тем, что, дескать, турецкий султан «уступил» ему Кавказское побережье по Адрианопольскому миру.

Надо сказать, товарищи, что на этом участке Кавказского побережья, на земле убыхов и шапсугов российский царизм встретил еще более упорное сопротивление, чем в Абхазии. Объясняется это очень про-

сто. В Абхазии российский царизм опирался на местное дворянство. Феодалные отношения в Абхазии были развиты гораздо сильнее, чем у шапсугов и тем более, чем у убыхов. В Абхазии была сильная феодалная знать, черкесские дворяне и убыхские дворяне, если вообще можно говорить об убыхском дворянстве, были слабее. Я хочу этим подчеркнуть чрезвычайно важный момент, который представляет собой слабость феодалных отношений у шапсугов, и в особенности у убыхов. Дело в том, что у этих племен не только был живучим в то время уклад патриархально-родовых отношений, но, можно сказать, что нормы и категории родоплеменного строя у убыхов и отчасти у шапсугов еще преобладали над элементами феодализма. Шапсуги стояли несколько выше в отношении развития феодализма, но и шапсугское дворянство было очень слабым и еще скрученным по рукам и ногам патриархально-родовыми нормами, остатками патриархально-родового строя. Вот почему в отношении убыхов и шапсугов в большей мере мы можем говорить о родовой верхушке, о родовой знати, мы можем говорить о феодализирующейся племенной верхушке. Но, так как эти элементы феодално-родовой знати у шапсугов и убыхов были скованы в своих действиях патриархальной демократией, российский царизм с большим трудом нащупывал здесь для себя социальную базу, социальную опору. Именно вследствие силы патриархальной демократии у шапсугов и убыхов, в особенности у убыхов, российский царизм встретил при завоевании этой части Кавказского побережья очень большие трудности. Убыхи считались прекрасными бойцами, причем убыхи воевали в пешем строю.

Военная организация у убыхов была основана на патриархальной основе. Примитивная структура убыхских войск напоминает нам структуру войска ирокезов, древних германцев и других племен, о которых в свое время писал Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Восстание 1840 г.

Первое массовое движение на Черноморском побережье Кавказа в этой части среди убыхов и шапсугов возникло в 1840 году. Зима 1840 года была очень суровая. В горах выпал большой снег. Оттесненные в предгорья убыхи и шапсуги вследствие суровой зимы, испытывали большие трудности. На побережье их не пускали царские укрепления. Отрезанные от побережья, они были лишены возможности поправить свое положение путем береговой торговли. Целыми толпами собирались убыхи и шапсуги перед русскими укреплениями и просили царских администраторов уделить им часть хлебных запасов из гарнизонных амбаров и складов. Но царское командование решительно запретило производить обмен на муку и выдавать муку горцам. Царский адмирал Серебряков, один из начальников береговой линии, цинично заявил, что «голод даже и хищных зверей делает ручными». В результате отчаявшиеся убыхи и шапсуги объединились для решительной борьбы против российского царизма. Цель, которую они ставили перед собой – уничтожение царских укреплений, уничтожение «Черноморской береговой линии».

В феврале 1840 года все Черноморское побережье, Туапсинский и Сочинский районы, запыхали огнем народного восстания. Были взяты штурмом в течение полутора месяца три укрепления: 7 февраля – Лазаревское укрепление, 29 февраля – Вельяминовское на реке Туапсе, 22 марта – Михайловское, 24 марта горцы штурмовали укрепление «Святого духа». 23–24 марта они едва не взяли Навагинское укрепление в устье реки Сочи. Однако последние два укрепления им взять не удалось. Ведущая роль в этих боях среди повстанцев принадлежала почти всегда убыхам. Однако шапсуги и джигеты (или садзы) также активно участвовали в этом восстании. Вот, например, как было взято Лазаревское укрепление на реке Псезуапсе. Один убых по имени Шоген Мусса несколько раз бывал в Лазаревском укреплении. В ночь на 7 марта Шоген Мусса на рассвете подвел авангард повстанцев, состоящий из убыхов, под самую стену укрепления. Подкравшись, они убили часового и этим самым обеспечили полностью внезапность атаки. Спустя три часа из 180 бойцов было уничтожено 144 человека, остальные были взяты в плен, несмотря на то, что

укрепление имело крепкие валы и несколько орудий, которые могли поражать пространство на 180°. Руководителем восстания убыхов и шапсугов стремился стать один из представителей знатной убыхской фамилии, богатой фамилии – Хаджи-Берзек. Хаджи-Берзек был чрезвычайно энергичным и деятельным человеком, но тем не менее ему не всегда удавалось взять в свои руки полное руководство восстанием. Этому мешала родовая разобщенность убыхов и шапсугов. Обычно жители одной долины удовлетворялись, когда было разрушено царское укрепление, господствующее над этой долиной и неохотно шли в поход на другое укрепление, которое не представляло для них непосредственной опасности. Вот эта родовая разобщенность, низкий идейный уровень восстания, отсутствие плана, твердого единства руководства было основной причиной, которая позволила царскому командованию выиграть время, подтянуть резервы и от обороны перейти в наступление. Следует сказать, что в это время весной 1840 года начались волнения и в Абхазии. В особенности активно вели себя абхазцы, заселившие ущелье Кодора, Цабал и Дал (Цабал – это современная Цебельда), Дал – ущелье Верхнего Кодора, где расположено селение Латы, Аджар и другие. По этим районам проходит сейчас маршрут так называемой «Военно-Сухумской дороги». Хаджи-Берзек послал гонцов на север к натухайцам, послал гонцов к дальцам, стремясь поднять тех и других на восстание против российского царизма. Но тем не менее Хаджи-Берзеку не удалось в 1840 году объединить племена Кавказского побережья против российского царизма. В то же время царское командование перешло в контрнаступление. Надо сказать, что первоначально царские генералы были совершенно растеряны такими блестящими успехами убыхов и шапсугов. Начальник штаба кавказской царской армии генерал Коцебу на рапорте, в котором сообщалось о падении Лазаревского укрепления, – записал резолюцию: «Не может быть». Император Николай I был страшно возмущен успехами повстанцев, отозвал и уволил в отставку начальника береговой линии генерала Раевского. Основной задачей царского командования было во что бы то ни стало, еще более разобщить, разъединить силы повстанцев и лишить их возможности объединиться.

Генерал Раевский пока еще был начальником «Черноморской береговой линии» писал в своем рапорте от 16 июля 1840 г.: «Мы едва можем защищать Абхазию, пока убыхи в связи с джигетами».

В другом рапорте от 17 октября 1840 г. он с тревогой сообщает, что «цебельдинцы подстрекаются убыхами. В Абхазии часть народа готова восстать против владетеля и присоединиться к убыхам...».

Действительно, весной 1840 г. вспыхнуло бурное народное движение в Дале. Дальцы выступили и против царизма, и против его местных эксплуататоров. Карательная экспедиция, предпринятая царским командованием в июне 1840 г. в Цебельде не привела к желательному результату.

В декабре 1840 г. была направлена карательная экспедиция в Дал. Целую неделю шел бой между дальцами и царскими войсками за овладение Багадской тесниной, служившей «воротами в Дал». Вторгшись в Дал, царские войска начали зверскую расправу над мирными жителями, жгли селения, уводили скот, вырубали сады. Однако на обратном пути царский отряд был снова атакован дальцами в Багадском ущелье и, неся большие потери, с трудом прорвался в сел. Наа, а оттуда в Сухум-Кале.

Генералам удается подчинить своему влиянию некоторых «джигетских дворян», т.е. знатные фамилии из садзов, населявших Гагринский район. Царское правительство было весьма довольно успехами своей тайной дипломатии, высоко ценило оно успехи своих генералов в этом отношении, в отношении создания социальной опоры, социальной базы для своей колониальной политики на побережье Кавказа.

После сговора с «джигетскими дворянами», царские генералы начинают нащупывать почву для заключения сделки с убыхской племенной знатью. 9 мая 1841 г. произошла первая встреча убыхских дворян во главе с Хаджи-Берзеком и генералом Анрелак в присутствии князя Шервашидзе и других абхазских дворян. Надо сказать, что все это делалось втайне от народных масс, делалось в секрете от основной массы убыхов. И поэтому, когда один из убыхских «дворян» или один из представителей племенной знати, некий Аубла, принес присягу на верность Российскому царизму и получил за это богатые подарки от царского командования, то это обстоятельство вызвало страшное возмущение со стороны убыхов. Убыхи заставили Берзекос стеречься от мысли о переходе на службу

российскому царизму, но в то же время это событие – разоблачение тайных переговоров Берзеков с царским командованием, конечно, повлияло очень отрицательно на их авторитет. Хаджи-Берзек продолжал двуручничать и вести тайные отношения через владельца Абхазии с царским командованием. Потеряв окончательно авторитет благодаря этому среди убыхов, Хаджи-Берзек уехал с Кавказа, отказавшись от политической деятельности, уехав на богомолье в Мекку, и в 1846 году умер в дороге. В это же время освободительное движение и борьба убыхов, шапсугов, абхазов начинает принимать новый характер. Когда шапсугское, джигетское дворянство и убыхская племенная знать изменили делу народного движения, тогда именно среди народов и племен Черноморского побережья начинают распространяться новые идеи, идеи так называемого мюридизма. Распространение этих идей связано с именем знаменитого вождя народов Кавказа в борьбе с русским царизмом – Шамилем. Сейчас Шамиль привлекает к себе взоры советских историков, о нем очень много пишут и будут писать еще больше. Шамиль был талантливым полководцем и замечательным государственным деятелем. Неправильно было бы думать, что Шамиль, «который официально назывался» имамом Чечни и Дагестана, ограничивал свою деятельность только Восточным Кавказом. В нашем распоряжении имеется целый ряд документов, которые говорят о том, что деятельность Шамиля распространялась и на Западном Кавказе, в частности, я бы сказал, в особенности на Черноморском побережье Кавказа, а именно Туапсинском и Сочинском районах, а также частично и в Абхазии.

С другой стороны на освободительное движение горцев Западного Кавказа всегда оказывало влияние героическая борьба трудящихся Западной Грузии. Так, например, новая волна освободительного движения в горной Абхазии, поднявшаяся в 1841–1842 гг., находилась в определенной связи с крестьянским восстанием в Гурии. Гурийские крестьяне, составившие против «своих» помещиков и против царизма, нанесли летом 1841 г. ряд серьезных поражений царским войскам, осадили город Озургет, разбили дворянские банды мегрельских князей. Царское командование с трудом подавило это восстание, направив в Гурию крупные военные силы (до 4.000 штыков и сабель). Говоря о крестьянском восстании

в Гурии, один из официальных представителей царского самодержавия, Болконский пишет: «Весть о нем с быстротой молнии пролетела по всему восточному берегу (Черного моря) и произвела весьма для нас отрицательную перемену в умах народов ... ».

VIII. ЗАВОЕВАНИЕ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Я уже сказал, что новый подъем освободительного движения на Западном Кавказе начался в связи с распространением деятельности Шамиля. Надо прямо сказать, что этот новый подъем освободительного движения на Западном Кавказе совпадает с победами мюридизма в Дагестане и Чечне, т.е. на Восточном Кавказе. Идеи мюридизма оказывали сильное влияние на адыгейские племена и убыхов, а частично и на Абхазию.

МЮРИДИЗМ. Что такое мюридизм? Мюридизм есть своеобразная система идей, своеобразное учение, которое характерно своей религиозной оболочкой, но в то же время содержит совершенно реальное, рациональное зерно. Мюридизм был той формой, которая была избрана Шамилем для организации объединенного союза народов Кавказа в борьбе с российским царизмом. До нас дошли некоторые документы, которые характеризуют учение мюридизма. Одна из основных записей мюридизма гласит:

«Мюрид должен поставить себя ниже всякой божьей твари, чтобы самый сильнейший вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными, чтобы слон и мошка производили на него равное впечатление ... ».

Вот именно эта формулировка содержит то рациональное зерно программ мюридизма, которое, будучи освобождено от божественной шелухи, дало такие богатые всходы на почве патриархальной демократии. Мюридизм имел наибольшие успехи именно там, где больше всего сохранились патриархально-общинные порядки, где общины нашли силу противопоставить себя феодальной и родовой знати, открывшей ворота царским захватчикам. Как бы не критиковать внутреннюю политику Шамиля и его наибов, т.е. наместников, нельзя не признать, что мюри-

дизм в основном был демократическим движением, всюду низвергавшим власть беков и ханов, власть местных феодалов, дворян, рабовладельцев. Недаром Карл Маркс, внимательно следивший за освободительной борьбой трудящихся Кавказа, называл Шамиля «великим демократом». Это Маркс писал в письме к Энгельсу 8 августа 1854 года, которое помещено в 22 томе сочинений Маркса – Энгельса, на странице 52.

ИМАМАТ. Такие мероприятия Шамиля, как избивание аварских ханов в Дагестане, ликвидация привилегий местной феодальной знати, освобождение рабов-кулов, частичная отмена феодальных повинностей не могли не воспламенить сердца всех угнетенных и эксплуатируемых. Сила мюридизма была в том, что он объединил трудящихся в борьбе против местной феодальной знати и против захватнической политики русского царизма. Прививая затем известную под названием «шариат» мусульманскую систему прав, заменяя ею разнообразные родовые обычаи, он содействовал сплочению разноплеменных крестьянских масс. А организация государственной системы, так называемого «имамата», которую создал Шамиль, способствовала укреплению союза горцев в борьбе против царских генералов. Разделение жителей по территориальному признаку («наибства»), создание единой государственной казны, единой системы налогов, попытка организовать регулярную армию и производство боеприпасов и оружия – таковы государственные мероприятия Шамиля.

Священная война – «газават», провозглашенная Шамилем, заострила примитивное политическое сознание горцев. Конечно, религиозная окраска движения, возглавляемого Шамилем, является признаком низкого идейного уровня движения. Но все же это не может опровергать его революционного значения. В свое время Энгельс, говоря о плебейских ересях средневековья, говорил: «Из равенства сынов божьих они выводили гражданское равенство». Это вполне применимо к освободительному движению на Кавказе, развернувшемуся под знаменем Шамиля.

Из формального равенства мусульман перед богом, провозглашаемого проповедниками мюридизма, трудящиеся Кавказа выводили идею социального равенства.

Принципы мюридизма, которые проповедовал Шамиль, нашли отклик в массах только потому, что они служили в то время наиболее удобной формой для выражений революционных требований крестьянства на том этапе освободительного движения, когда измена феодальной родовой знати стала совершившимся фактом. Шамиль, который сумел объединить знаменем мюридизма горцев Восточного Кавказа, который сумел создать на территории Восточного Кавказа государственную систему «имамата», не мог оставить вне поля своего зрения и Западный Кавказ, где пылало пламя борьбы против российского царизма.

ХАДЖИ-МАГОМЕТ. Еще в 1842 году Шамиль посылает на Западный Кавказ своего наиба Хаджи-Магомета, который, появившись среди черкесских племен, энергично стал проповедовать идеи мюридизма. Хаджи-Магомет провозгласил не только религиозное, но и социальное равенство, провозгласил освобождение рабов, настаивая на замене родового права (адата) новой системой прав «шариата», пытался взяться за организацию постоянных вооруженных отрядов, состоявших из так называемых «мутазигов». Попытка Хаджи-Магомета осуществить идеи мюридизма на Западном Кавказе не увенчались успехом. Причиной этого был, очевидно, слишком прямолинейный подход Хаджи-Магомета к ломке старого общественного уклада и недооценка особенностей общественного строя на Западном Кавказе.

Против Хаджи-Магомета решительно воспротивились феодальная и родовая знать адыгейских племен. Проповедь Хаджи-Магомета не принесла каких-либо реальных результатов. Характерно, что царские генералы, очень внимательно следившие за действиями наибов Шамиля на Западном Кавказе, одновременно заметили, что деятельность Хаджи-Магомета не принесет особенно опасных результатов.

Действительно, деятельность Хаджи-Магомета принесла мало результатов, и сам он внезапно умер в 1843 году, возможно, отравленный своими противниками.

В эти годы, в начале 40-х годов, Шамиль одерживает ряд блестящих побед над царскими генералами на Восточном Кавказе. В 1842 году Шамиль наносит страшное поражение генералу Граббе в лесах Ичкерии. В 1843 году ни одного царского солдата не остается на территории Чечни

и Северного Дагестана. Лето 1845 года оканчивается полным крахом, грандиозной катастрофой экспедиции, руководимой главнокомандующим графом Воронцовым, который едва спасается от плена.

Освободив Дагестан и Чечню, Шамиль в 1846 году переходит в дальнейшее наступление на запад, совершая поход в Кабарду. Победы Шамиля, несомненно, еще более активизируют трудящихся Западного Кавказа. В 1844–1846 гг. отмечаются новые попытки убыхов и шапсугов уничтожить «Черноморскую береговую линию». Снова и снова царские укрепления, как и в 1840 году, дрожат под ударами восставших убыхов и шапсугов.

СУЛЕЙМАН ЭФФЕНДИ. В 1845 году среди абхазских и черкесских племен Западного Кавказа появляется новый посланник Шамиля, наиб Сулейман Эффенди. Однако агитация Сулеймана Эффенди тоже не привела к решительным результатам. Правда, около Туапсе состоялось большое собрание, большой съезд представителей различных шапсугских общин, на котором выступал Сулейман Эффенди с призывом объединиться всем горцам Западного Кавказа против российского царизма. Но это собрание и его решения не могли еще окончательно покончить с той родовой и племенной разобщенностью, которые все время мешали объединению абхазских и убыхских племен в одно целое в борьбе против российского царизма.

В 1846 году Сулейман Эффенди довольно неожиданно изменил Шамилю и передался царскому командованию. По указу Воронцова, главнокомандующего, Эффенди написал даже прокламацию против Шамиля. Но, конечно, маленький Эффенди не мог поколебать репутацию такого крупного вождя, как Шамиль. Наконец, в 1848 году Шамиль посылает на Западный Кавказ одного из лучших своих наивов, талантливого политического деятеля, ловкого дипломата, пламенного трибуна Магомет Амина.

МАГОМЕТ АМИН. Надо сказать, что идеи мюридизма, проповедываемые посланцами Шамиля, вызывали страшное возмущение среди родовой и феодальной знати западно-кавказских племен. Поэтому и здесь, на Западном Кавказе, местная феодальная знать именно в этот период стремится особенно к тесным связям с царским командованием, и даже

жалуется царским генералам на посланцев Шамиля. В этом отношении чрезвычайно интересно письмо представителя знатных аристократических шапсугских фамилий, с которым обратились они в 1846 году к царскому командованию, в частности, к главнокомандующему Воронцову.

Неудивителен поэтому тот авторитет, каким пользовался Магомет Амин в 40-х годах среди «простого народа» адыгейских племен.

Магомет Амин жестоко расправлялся с теми представителями родовой и феодальной знати, которые оказывали ему сопротивление. По приказу его был расстрелян черкесский князь Багарсоков, казнен старшина Хоротокор Хамырза Кoble.

В результате деятельности Магомета Амина рабы были освобождены. Шариат, новая система прав, которая была установлена Шамилем, восторжествовала на Западном Кавказе. Повсюду формировались боевые отряды так называемых мутазигов. Первоначально Магомет Амин развивал свою деятельность на правой стороне хребта. Однако накануне Крымской войны, в начале 50-х годов мы видим Магомета Амина уже по эту сторону хребта.

У нас сохранилось очень много интересных документов о деятельности наиба Шамиля Магомета Амина здесь, на Кавказском побережье Черного моря. Он пользовался большим авторитетом среди убыхов, садзов и ахчипсы.

Царские генералы доносят в своих рапортах, что дальцы (жители верховьев Кодора) вступили в сношения с Магометом Амином.

Вот как широко распространилась деятельность Шамиля через Магомет Амина. Достаточно сказать, что весной 1852 года царское командование вынуждено было сосредоточить на реке Бзыбь в Абхазии крупные военные силы, до тысячи штыков, при трех орудиях, против ожидаемого наступления Магомета Амина.

В 1852 году Магомет Амин появился на реке Мзымте, отбросил отряд майора Бибикова и двинулся в Гагринский район.

Генерал Будберг еще в рапорте от 18 декабря 1850 года сообщил, что «успехи Магомета Амина между джигетами принесли бы тот большой вред, что из этого абхазского племени мюридизм легко мог бы постепенно распространяться во владения абхазские...».

Джигетское дворянство, также как и феодальная знать других племен, выступало против Шамиля, против его наиба Магомета Амина, выступало против них, как проповедников таких идей, которые были чрезвычайно опасны для феодального строя, аристократической племенной верхушки.

Тот же генерал Будберг в рапорте от 22 ноября 1850 года сообщал, что Магомет Амин «легко склоняет народ», чем «дворянство и сильнейшие фамилии... приведены в справедливое опасение за последствия для них учения наиба, имеющие скрытное обоснование... уничтожение наследственных прав и провозглашение мусульманского равенства...». Накануне Крымской войны, летом 1853 года царское командование, опасаясь нового вторжения Магомета Амина в Абхазию, усиленно укрепляет Сухумскую крепость.

«Положение наше в Абхазии в военном отношении весьма неудовлетворительно», – меланхолически рапортовал царский адмирал Серебряков в 1852 году.

Вы понимаете, товарищи, какой силы достигло освободительное движение народов Кавказа, если спустя 42 года после официального присоединения Абхазии к царской России, царский адмирал вынужден признать положение «неудовлетворительным». Таков был итог борьбы за целые четыре десятилетия.

В 1853 году начинается Крымская война. Война царской России с Турцией, а потом с Англией, Францией и Сардинией. Война эта закончилась поражением России. С начала этой войны Черное море стало ареной деятельности враждебных царской России фронтов. Царские укрепления на Кавказском побережье на всей «Черноморской береговой линии» оказались между двумя огнями. С одной стороны, на нее наседали убыхи, шапсуги, горные абхазские племена, а с другой стороны, с Черного моря, укреплениям грозили флоты враждебных царской России держав.

Ввиду такого исключительно безнадёжного положения император Николай I распорядился эвакуировать гарнизоны всех укреплений «Черноморской береговой линии».

Итак, в 1858 году российский царизм оставил, бросил все те позиции, за которые в течение 50 лет, в течение полвека он вел ожесточенную борьбу с народами Западного Кавказа.

Таким образом, все Кавказское побережье от Новороссийска до реки Ингур было в 1854 году оставлено царскими войсками. В частности, были эвакуированы все береговые укрепления Туапсинского, Сочинского районов, все береговые укрепления Абхазии.

Война закончилась почти через три года. После заключения очень тяжелого для царской России мира, Кавказское побережье все-таки осталось формально за царской Россией. Надо было снова фактически завоевывать Западный Кавказ. В 1857 году снова движутся отряды царских войск с юга на север по Кавказскому побережью. Возобновляется Сухумская крепость, возобновляется Гагринское укрепление. Однако Сочинский и Туапсинский районы остаются свободными от царских войск. Царское командование не решается возобновлять береговые укрепления в Сочинском и Туапсинском районах, потому что в этот период все внимание царского командования обращается на Восточный Кавказ. Там, в ущельях Дагестана, замкнутый железным кольцом двухсоттысячной армии царских войск, как раненый лев отбивался Шамиль с горсточкой своих мюридов.

В 1859 году Шамиль сдался. Главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский издал свой известный лаконический приказ: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию».

Теперь наступила очередь Западного Кавказа. Вскоре после сдачи Шамиля, сложил оружие и его верный наиб Магомет Амин. 20 ноября 1859 года Магомет Амин сдался царскому командованию. Царизм сосредоточил на Западном Кавказе в 1860 году большое количество войск, которые под начальством генерала Евдокимова приступили к планомерному наступлению на абадзехов, шапсугов, а потом и убыхов, к наступлению, сопровождающемуся уничтожением садов, посевов, сожжением мирных селений и поголовным истреблением или выселением жителей. Представители племенной знати все еще пытались выслужиться приведением к покорности своих подвластных. Они убеждали народные массы сложить оружие и начать мирные переговоры. Осенью 1861 года в Тби-

лиси прибыли представители шапсугской и убыхской племенной знати. Они были приняты царским генералом Орбелиани. Последний выставил требование: «немедленно покориться российскому царизму и принять начальников, которые будут назначены».

Вернувшись на родину, эти делегаты в сентябре 1861 года направились к верховью реки Фарс, где в этот момент царские войска ожидали приезда императора Александра II, обзревавшего свои новые владения, в течение полувека обильно политые кровью, как местных жителей, так и русских крестьян, одетых в солдатские мундиры. При встрече с царем, представители адыгских и убыхских племен, просили принять их в подданство России. Александр II повторил то, что сказал Орбелиани, добавив: «Я даю месячный срок, причем жители должны переселиться на Кубань».

Пресмыкание, унижительные просьбы депутатов перед царскими захватчиками и наглые требования последних вызвали новую волну возмущения со стороны народных масс западно-кавказских племен.

Сочинский съезд

Грозная опасность сплотила трудящихся убыхов, шапсугов и абадзехов. Еще 13 июня 1861 года в долине реки Сочи состоялся съезд выборных старшин убыхов, шапсугов, абадзехов и садзов, на котором было принято важное решение.

До нас дошел документ, письмо самих организаторов этого съезда, в котором говорится:

«Все единолично решили учредить чрезвычайный союз и не отставать от одного с тем, чтобы сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать.

В черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек «улема» и умных людей... учреждены в нашем крае 12 округов. В каждом округе определены «муфтии» и «кадии», а также «мухтары», под названием «заптии». Они должны исполнять повеления меджлиса... исполнять предписание окружного «махкема» по сбору доходов...».

Горцы хотели преодолеть патриархальную ограниченность сознания, приобретшую силу вековых традиций, родовую разобщенность, усугубляемую одновременно племенными различиями. Горцы решились на героическую попытку провести массовую социальную и административно-политическую реформу на принципе разведения жителей по территориальным признакам, округам. Это наносило удар родовой разобщенности. Организация меджлиса (севера), создание новой администрации на местах в лице окружных «мехкеме», что значит «суд», мухтаров, что значит «старшина», введение налогов, целью которых было, прежде всего, создание фонда обороны, – все эти мероприятия подрывали влияние феодальной и родовой знати.

Таким образом, мы имеем дело с попыткой создать своеобразную конституцию. Эта Сочинская конституция 1861 года на первый взгляд кажется демократической.

Однако мы имеем дело лишь с проектом реформы. И нетрудно понять, что осуществление этого проекта наталкивалось на ряд трудностей.

Шапсуги и убыхи не представляли однородной массы. Как бы не были слабо у них развиты феодальные отношения, но эксплуататорская прослойка была налицо.

Несмотря на ряд предательств и измен, эта родовая знать не была уничтожена и оказывала свое влияние на массу.

Внутри округов, которые пытались установить теперь авторы этой Сочинской конституции, продолжала существовать родовая разобщенность, которую нельзя было стереть одним взмахом пера. Никакие «заптии» и «мухтары» не могли примирить противоречия среди племен Западного Кавказа.

Если даже поверить авторам цитированного письма, что эта реформа была полностью осуществлена, то нет сомнения, что стоило бы царскому правительству отказаться от своих намерений, как всякая искусственно созданная политическая система лопнула бы как мыльный пузырь. Товарищ Ленин говорил:

«Организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать рас-

пыленным миллионам сельских хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата» (XIV, 2, 25).

Проект Сочинской конституции 1861 года представляет крупный интерес. Но, по самой сущности своей, этот проект является утопичным потому, что авторы его стремились объять необъятное, осуществить неосуществимое, преодолеть разрозненность и стихийность выступлений, отсутствие централизации и неорганизованности крестьян, силами только самих крестьян. Это невозможно. Вот почему эта Сочинская конституция 1861 года не могла получить действительного реального осуществления.

Царское правительство решило во что бы то ни стало, возможно, скорее покончить с сопротивлением племен Западного Кавказа. Сначала царские войска обрушились на абадзехов, т.е. на то черкесское племя, которое занимало северную покатость хребта. На помощь абадзехам двинулись шапсуги и убыхи. Но тем не менее к концу 1868 года царские войска не только полностью сломали сопротивление абадзехов, но перешли на южный склон хребта. С февраля 1864 года убыхи и шапсуги были окружены плотным кольцом царских войск. Создан был так называемый «Даховский отряд» под начальством генерала Геймана. Даховский отряд двинулся на убыхов по направлению к Туапсе.

6 марта убыхи прекратили бесполезное сопротивление. Убыхские старшины во главе с выплывшими опять на сцену Берзеками начали с генералом Гейманом переговоры о мире. Он потребовал: все убыхи должны выселиться, или на Кубань, или в Турцию.

Таким образом, директива императора Николая I, который еще в 1829 году приказал «покорить навсегда горские народы Кавказа» или «истребить непокорных», была выполнена. Царское правительство решило очистить Кавказское побережье от «непокорных». Понятно, что доведенные до отчаяния, до глубины души ненавидевшие царских генералов и российский царизм, убыхи не могли согласиться на переселение в кубанские плавни (болота). Это было провокационное предложение. Убыхи на это не пошли. Под давлением царского командования они начали переселяться в Турцию.

В течение марта 1864 года все было кончено. При зловещем свете зарева пылающих селений, сожженных по приказу царского командования, убыхские крестьяне направлялись к берегу, чтобы отправиться в Турцию, где муллы обещали земной рай, где будто бы «ослы кушали сахар».

А на деле они нашли там жизнь, полную лишений. Все убыхи целиком переселились в Турцию. В апреле 1864 года царские войска сломили последнее сопротивление горцев Западного Кавказа. Это была горсточка абхазов из племени ахчипсы в верховьях реки Мзымта в урочище Кбаада, в районе нынешней Красной Поляны. Здесь сдались последние защитники независимости племен Западного Кавказа.

21 мая 1854 года царский наместник на Кавказе, так называемый «великий князь» Михаил отправил в Петербург донесения об окончании Кавказской войны.

60-е годы были эпохой чрезвычайно тяжелых испытаний для всех черкесов и абхазского народа. В 1861–1862 годах царское командование проводит ряд карательных экспедиций в горные районы Абхазии. Каждая карательная экспедиция преследует цель – «очищение» этих районов от «непокорных», т.е. полное выселение из их родных селений и уничтожение этих селений. Особенными зверствами отличались действия царских генералов в районе Псху, в горной Абхазии, а также в районе Цабал и далее по ущелью Кодора (Дал). В этих районах в результате карательных экспедиций 60-х годов не осталось ни одного абхазца. Все абхазцы – мирные жители были выселены.

Я имею возможность подробно рассказать вам о героической обороне Цабала и Дала, в особенности Дала. Дал – это была местность, жители которой покрыли себя бессмертной славой, защищая земли от полчищ российских генералов. Действительно, кровь леденеет в жилах, когда читаешь циничные, наглые донесения царских генералов, руководителей карательных экспедиций. Вот, например, что писал царский полковник Муравьев, начальник карательной экспедиции в Дале, еще в 1840 году.

«Движение по ущельям Дала сопровождалось совершенным истреблением всех жилищ и имуществ. Князя Хинкороса Маршания я послал в Верхний Дал, приказав... немедленно вывести оттуда всех жителей со всем их имуществом, а жилище предать пламени».

Такого рода документы, официальные донесения царских генералов – не единичны. Они составляют огромный список злодеяний, совершенных российским царизмом, который обрек на страшные, исключительно тяжелые мучения народы Кавказа, в частности Кавказского побережья Черного моря.

Беликий русский писатель Лев Николаевич Толстой сумел подняться значительно выше уровня современной ему среды, выше уровня сознания своего дворянского класса, из которого вышел, оставил нам всем, народам СССР и всему человечеству замечательную повесть «Хаджи-Мурат». Я советую вам, работая над историей местного края, обязательно прочитать эту повесть. Нужно только пользоваться новым изданием этой повести, потому что старое издание исковеркано царской цензурой. В новом издании имеется одна (седьмая) глава, которая посвящена карательной экспедиции царских войск в одном из кавказских аулов. С потрясающей эмоциональной силой Лев Николаевич Толстой описывает в кратких, скупых словах исключительно зверскую жестокость царских генералов и ту глубочайшую ненависть, даже чувство, большее, чем ненависть, которое вызвало в сердцах крестьян эта жестокость и зверство царских захватчиков.

Итак, товарищи, Западный Кавказ в целом был завоеван царской Россией в 1864 году. В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич Ленин говорил, что экономическое завоевание Кавказа Россией началось значительно позднее, чем политическое завоевание его. И в самом деле, еще должно было пройти много времени после победной реляции наместника Кавказа Михаила Романова, чтобы Кавказ, в частности Западный Кавказ, превратился в колонию царской России. Дело заключалось в том, что надо было осуществить очень крупные и трудные мероприятия для того, чтобы подготовить превращение Западного Кавказа, в частности Кавказского побережья в колонию российского капитализма или в колонию царской России. Такими мероприятиями были два основных мероприятия: во-первых, очищение земель Западного Кавказа от «непокорных» племен и колонизация опустевших земель новыми переселенцами разных национальностей. Второе мероприятие – это крестьянская реформа, которая должна была быть осу-

ществлена на Западном Кавказе, также как и по всей Российской империи, для того чтобы обеспечить шествие капитализма и в этой области.

Махаджирство

Относительно выселения, которое мы трактуем всегда как насильственное переселение племен Западного Кавказа в Турцию, следует сказать, что оно началось с 1857 года и продолжалось до 1878 года. После Крымской войны в 1857 году начали выселяться многие жители Абхазии.

В 1860–1864 годах выселились поголовно все убыхи и значительная часть шапсугов, а также джигеты (или садзы). В 1866 году после восстания в Абхазии выселились в большом количестве абхазцы Гудаутского района. И, наконец, после восстания в Абхазии в 1877–1878 годах, снова выселилось значительное число абхазцев, особенно из Сухумского и Очамчирского районов. По официальным данным, выселилось с Черноморского побережья Кавказа, помимо абхазцев, убыхов и черкесов – 493 тысячи человек, или около полумиллиона черкесов и убыхов. Абхазцев выселилось около 100 тысяч. Итого примерно – около 600 тысяч жителей Кавказа, именно Западного Кавказа, было изгнано с родины царским правительством.

Выселение черкесов и абхазцев под названием «махаджирства», от слова «махаджир», что значит переселенец, является одной из самых трагических страниц в истории Кавказа. Трудно себе представить весь ужас этого движения. Существует книжка некоего Абрамова «Кавказские горцы», переизданная Адыгейским обществом в 1927 году.

Этот Абрамов – царский чиновник, которого, во всяком случае, нельзя заподозрить в симпатиях к черкесам и абхазцам, описывает выселение племен Черноморского побережья Кавказа в самых мрачных красках. Вот, например, что пишет Абрамов: «Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голода. Зимой к этому присоединился холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых... Очевидцы

передают ужасные сцены... Одни рассказывают о трупe матери, грудь которой сосет ребенок; другой – о матери же, носившей на руках двух замерзших детей... третий – о целой гpуде человеческих тел, прижавшихся друг к другу... и в этом положении застывших... Многие баржи, нагруженные гopцами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы оставались в карманах заведующих делом лиц, т.е. чиновников... (Абрамов Н. Кавказские гopцы. Изд. 1927. С. 7–8).

Такой ужасной трагедией явилось выселение гopцев Западного Кавказа. Некоторая часть черкесов, в частности шапсугов, осталась на побережье. Это были, главным образом, те жители шапсугских районов, которые признали себя побежденными и покорились российскому царизму, которые ранее примирились с тем ультиматумом, который предъявили царские генералы. Также осталась известная часть абхазцев.

Во второй половине 60-х годов царское правительство разрабатывает план экономического освоения Черноморского побережья Кавказа, как своей колонии. С этой целью, во-первых, решено было во что бы то ни стало переселить на опустевшие земли колонистов разных национальностей, с определенной целью создать здесь намеренно национальную пестроту, чтобы затем управлять по принципу «разделяй и властвуй».

В Туапсинский и Сочинский районы царское правительство мечтало переселить казаков. Однако казаки неохотно шли в этот край. Возникло, правда, несколько казачьих станиц (Вельяминовская, рядом с Туапсе, ныне ликвидированная ввиду постройки городка Грознефти) и ряд других поселков с русским населением, но в целом этот план не удался.

Крестьянская реформа в Абхазии 1870 г.

Колонизации Абхазии предшествовало проведение земельной «крестьянской» реформы. Эта «крестьянская» реформа начала подготавливаться в Абхазии в 1866 году. После того, как она была проведена почти во всех районах Грузии, уместно сказать два слова о феодальных отношениях в Абхазии накануне этой реформы.

Феодалные отношения в Абхазии в основе своей соответствовали социально-экономической структуре грузинского феодализма. Однако формы и методы эксплуатации феодально-зависимых крестьян в Абхазии отличались некоторым своеобразием. Значительная масса абхазских крестьян, называемых «анхаию», не была прикреплена к земле. Эксплуатация этой группы крестьян помещиками прикрывалась патриархальными традициями, обычным правом, псевдо-родственными связями и т.п. Следовательно, для феодальной Абхазии было характерно наличие, обладавших здесь исключительной живучестью, элементов родового строя и остатков патриархально-общинного уклада. Помимо «анхаию», существовала еще в Абхазии категория крестьян-«ах-уйю», прикрепленных к земле крепостных, и, наконец, имелись дворовые крестьяне, холопы, рабы. Господская, барская запашка в поместьях абхазских феодалов была весьма незначительна. Хозяйство имело в основном натуральный характер. Товарно-денежные отношения даже накануне реформы 1870 г. были в Абхазии развиты очень слабо.

Летом 1866 года в Абхазию прибыли из Тбилиси царские чиновники для «изучения сословно-поземельных отношений». К этому времени реформа была уже проведена в Восточной Грузии (1864 г.), в Имеретии и Гурии (1865 г.) и подготавливалась реформа в Мегрелии (1 декабря 1866 г.).

Абхазское крестьянство, видя, что царские чиновники направляют «изучение сословно-поземельных отношений» в пользу дворян-помещиков, зная, какие бедствия принесла реформа крестьянам соседних районов Грузии, начало волноваться. Грубость и провокационное поведение чиновников еще более усиливало это волнение. Немалое значение для настроения крестьян имел и тот факт, что за два года до этого, в 1864 г., царское правительство низложило владельца Абхазии Михаила Шервашидзе и превратило Абхазию в «Сухумский военный отдел». Особенно возмущены были абхазские крестьяне тем, что им придется самим выкупать феодальные повинности, причем число и значение этих повинностей царские чиновники намеренно преувеличивали, всецело доверяясь заявлениям дворян.

Это возмущение вылилось в восстание, направленное против крепостнических дворянских методов проведения реформы. Восстание началось в с. Лыхны и охватило в конце июля 1866 г. почти всю Абхазию. Повстанцы едва не взяли штурмом Сухумскую крепость. Понадобились огромные военные силы, до 10 тысяч штыков и сабель с артиллерией для того, чтобы подавить это восстание. В результате зверской расправы царского командования с восставшими крестьянами, еще более усилилась и поднялась новая волна «махаджирства».

«Крестьянская реформа» в Абхазии была проведена с наивысшей пользой для абхазских помещиков. Абхазский крестьянин, лишенный лучших земель был оставлен «временно-обязанным» по отношению к своим помещикам. Эти «временно-обязанные отношения» были ликвидированы только в 1912 г. «Положение» о крестьянской реформе в Абхазии было утверждено 8 ноября 1870 года. Эта реформа, проведенная в интересах помещиков, настолько ожесточила абхазских крестьян против дворянства и против российского царизма, что при первом удобном случае абхазское крестьянство снова восстало. Это восстание произошло в Абхазии в 1877–1878 годах. После подавления этого восстания царскими войсками поднялась третья и последняя волна массового махаджирства. Абхазия опустела.

Колонизация

Царское правительство начало принимать меры для того, чтобы заселить эти оставленные земли какими-нибудь людьми, какими-нибудь работниками. Земли эти щедро раздавались царским офицерам, абхазским помещикам, чиновникам, распродавались по дешевке всем, кто хотел купить эти земли. Но ведь надо было найти рабочую силу, найти людей, которые бы стали обрабатывать эти земли. С этой целью царское правительство стремилось переселить в Абхазию русских, эстонских, армянских, греческих, мегрельских и других крестьян. Начиная с 80-х годов, особенно в 90-х годах, в Абхазии и Сочинском районе, создается именно та национальная пестрота, которая была так выгодна и удобна для цар-

ской администрации. Особенно много переселилось в Абхазию и Сочинский район мегрельских крестьян, разоренных реформой, и армянской бедноты, которая бежала от преследований фанатиков-мусульман, из султанской Турции. Все эти переселенцы в большинстве своем становились арендаторами, попадали в кабалу к местным помещикам и влачили чрезвычайно жалкое существование до самой революции.

Кроме того, царское правительство заботится о постройке военных дорог на Кавказском побережье. В начале 80-х годов прокладывается так называемая «Военно-Сухумская дорога», соединяющая Северный Кавказ с Сухумом. В начале 90-х годов прокладывается береговое шоссе от Новороссийска до Сухуми по берегу моря. Его называли «голодным шоссе», потому что оно строилось руками русских крестьян, из охваченных голодом губерний Поволжья. Кроме того, царское правительство заботится еще о том, чтобы пропагандировать в народе идею покорности перед помещиками и капиталистами. С этой целью на Черноморском побережье, в особенности в Абхазии, создаются мощные очаги мракобесия, богатые монастыри. Наиболее крупным и видным таким монастырем был «Ново-Афонский» монастырь. В 1874 году несколько русских монахов из старого Афонского монастыря, который находится в пределах Греции, а ранее находился в пределах Турции, обратились к правительству с предложением организовать монастырь на побережье Абхазии, назвав его «Новый Афон». Ввиду того, что царское правительство давно обсуждало вопрос о создании епископской кафедры в Абхазии и о распространении здесь православия, предложение староафонских монахов было принято с удовольствием. Им была оказана субсидия. В 1876 году была начата постройка этого монастыря.

Война 1877 года царской России с Турцией и восстание в Абхазии 1877–1878 годов помешали этой постройке. Широко развернулось строительство Ново-Афонского монастыря только в 80-х годах. В 1902 году монастырь был в основном закончен. Это был мощный и крупный очаг «православного» мракобесия на Черноморском побережье Кавказа. В монастыре жило до 700 человек монахов. Монастырь имел тысячи десятин земли (около 4 тысяч десятин), большое хозяйство, молочную ферму, виноградники, маслинную рощу, винодельническое производство.

Ново-Афонский монастырь пользовался особым вниманием со стороны самого царя. Его посетил царь Александр III. Царь же подарил Ново-Афонскому монастырю электростанцию, которая ранее обслуживала зимний дворец в Петербурге. Ново-Афонские монахи создали монастырскую школу, где обучали в определенном, разумеется, духе, воспитывали несколько десятков абхазских ребят. Они завели свою типографию, где печатали листовки, подчас самого черносотенного погромного содержания.

Кроме Ново-Афонского монастыря в Абхазии возник еще целый ряд монастырей.

Наряду со всем этим, с 90-х годов XIX века, а в особенности в 90-х годах на Черноморском побережье Кавказа начинают свою деятельность отдельные капиталисты: лесопромышленники, углепромышленники и другие предприниматели ищут здесь легкой наживы. Начиная с 70-х годов на Черноморском побережье Кавказа развиваются товарные сельскохозяйственные культуры, особенно табак. Табачные короли монополизируют все табаководство в своих руках и превращают плантаторов в настоящих своих колониальных рабов. На побережье появляются табачные склады, скупщики табака, но ни одной табачной фабрики. Это очень характерно, потому что это именно показывает сырьевой характер той колонии, которую пытались создать и создавали здесь российские капиталисты. Кроме того, следует еще упомянуть, что в 90-х годах, в особенности, и в начале XX века, уже незадолго перед мировой войной Черноморское побережье Кавказа привлекает к себе внимание своими курортными возможностями, конечно, речь идет о создании курортов для богатых, для аристократии. Кое-где начинают возникать в городах, в местечках Черноморского побережья курортные пансионы, частные санатории. Крайне показательным для курортного строительства на Черноморском побережье Кавказа в то время является создание Гагринского курорта.

Что представлял собой этот Гагринский курорт, мы можем судить уже по тому, что Гагры целиком составляли владения родственника Николая II – принца Ольденбургского. Принц Ольденбургский решил создать в Гаграх «великосветский» курорт, аристократический курорт, который

мог бы соперничать с прославленными царскими и великокняжескими курортами на южном берегу Крыма. Принц Ольденбургский получил от царя специальную субсидию в несколько миллионов рублей на создание Гагринского курорта. В результате в Старых Гаграх был построен дворец для принца, роскошный дворец, и рядом – небольшой курортный пансион и временная деревянная гостиница.

Вот все, что сделал принц Ольденбургский, который не сумел добиться своей цели, не сумел создать из Гагр «великосветского» аристократического курорта. Но если бы он даже его создал, то это был бы курорт абсолютно закрытый и совершенно недоступный не только для рабочих и крестьян, но даже для так называемых «средних слоев», для мелкобуржуазных слоев.

Такова была, по существу говоря, практика курортного строительства на Черноморском побережье Кавказа в годы колониального освоения его российским капитализмом. Все дело этого курортного строительства находилось или в руках таких титулованных, знатных лиц, каким был принц Ольденбургский, или в руках авантюристов, проходимцев всякого рода, которые пытались воспользоваться здесь легкой наживой и поэтому рекламировали изо всех сил жалкие свои пансионаты и дачи, которые они устраивали для привлечения сюда курортников. В целом, курортное строительство носило исключительно и безусловно характер типичного капиталистического ажиотажа, капиталистической спекуляции.

Вот, товарищи, все, что я хотел вам сказать.

Научный сотрудник
Института Абхазской Культуры
Грузинского филиала Академии
наук СССР

(А. Фадеев)

Источник: Архив Абхазского государственного музея. Ф. 5, д. 1а.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ТРУДОВ А.В. ФАДЕЕВА¹

КНИГИ:

1930

Советская Абхазия: Путеводитель по Абхазии. Сухум: Издание Экскурсионного Бюро при Главполитпросвете АССР Абхазии. 140 с. (В соавт. с А.А. Орынянским).

1931

К вопросу о феодализме в Абхазии: (По материалам научной экспедиции 1930 г.) / АбНИИК. Сухум: Газ. «Советская Абхазия» и «Апсны Капш». 38 с.

Спутник туриста по Абхазии: Маршрутный путеводитель / Предисловие Н. Адолунг. Москва: Огиз; Ленинград: Физкультура и туризм

¹ Использованы материалы публикации: «Список научных трудов Анатолия Всеволодовича Фадеева» // В журн.: «История СССР». 1965, № 6. С. 230–232. Список этот нами значительно дополнен. Некоторые свои произведения (как правило, художественные) А. Фадеев подписывал псевдонимами «А. Тадуа» (прозу) и «В. Глonti» (стихи). Эти псевдонимы были «раскрыты» еще в 1936 году Вал. Григорьевым; вот что он пишет в предисловии к сборнику «Акомчар» (Сухум, 1936. С. 7): «... Наряду с поэтами-абхазцами, есть у нас и русские поэты, осваивающие местные темы. Анатолию Фадееву (он же А. Тадуа, В. Глonti) принадлежит ряд ценных произведений...». – *Прим. сост.*

([М.]: тип. «Искра революции»). 142, [2] с.: ил. (Библиотека пролетарского туриста. Серия «Путешествия по СССР», № 6). (В соавт. с А.А. Орынянским).

1932

Обществоведение: Учебное пособие для 4-го и 5-го годов обучения / Перевод В.Н. Маан. Сухум: Абгосиздат. 94 с. На абхазском языке (латинский алфавит). (В соавт. с З. Агрба).

От субтропиков к вечным снегам: Путеводитель по Абхазии. Сухум: Абгиз, 1932. 122 с., 1 карт.: ил. (В соавт. с А.А. Орынянским.)

Очерки по экономической географии Абхазии: (Пособие для техникумов, СПШ, курсов по подготовке в ВУЗ и пр.). Сухум: Абгиз. 108 с.: ил.

Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии / Абхазский научно-исследовательский институт краеведения. Сухум: Газ. Советская Абхазия и Апсны Капш. 43 с.

1933

Меч и золото на берегах Абхазии: (Очерки по истории береговой торговли XVI–XVIII вв.) / Абхазский науч.-исслед. ин-т краеведения. Сухум: Абгиз. 42 с.

Обществоведение для 3-го года обучения / Перевод В. Маан. Сухум: Абгиз. 46 с. На абхазском языке (латинский алфавит). (В соавт. с З. Агрба.)

Что должен знать каждый об истории Абхазии: Обзор общественно-исторического отдела музея / Под ред. и предисл. Ф.А. Ашибокова; Абхазский музей краеведения. Сухум: Изд. и типо/лит. Абгиза. 32 с.

1934

Краткий очерк истории Абхазии / Абхазский науч.-исслед. ин-т краеведения. Сухум: Абгиз. 1 т. Ч. 1: (С древнейших времен до крестьянской реформы 1870 года). 189 с.: ил.

По советским субтропикам: Путеводитель по Абхазии и Аджаристану. Москва: Физкультура и туризм (16 тип. треста «Полиграфкнига»). 145, [7] с., из них 2 «Для заметок», 9 вкл. л. ил., карт. (В соавт. с А.А. Орынянским).

Обществоведение для 3-го года обучения / Перевод В. Маан. Второе издание. Сухум: Абгиз. 64 с. На абхазском языке (латинский алфавит). (В соавт. с З. Агрба.)

1935

По советской Абхазии: (Путеводитель). Сухум: Абгиз. 215 с.: ил. (В соавт. с А.А. Орынянским.)

1950

Суворов на Дону и в Приазовье. 1778–1784 гг. Ростов н/Д: Ростиздат. 64 с.: ил.

Декабристы на Дону и на Кавказе: Ист. очерк. Ростов н/Д: Ростиздат. 72 с.

1952

Земля Донская: [Очерк о преобразовании Рост. обл.]. Ростов н/Д: Ростиздат. 175 с., 3 л. ил.

1955

Героическая оборона Одессы в 1941 году. Москва: Госполитиздат. 80 с.: ил., 1 л. ил. (Героическое прошлое советского народа).

1956

Кавказ в системе международных отношений 20–50 гг. XIX в. Москва: [б. и.]. 31 с. (Материалы к совещанию / Ин-т истории АН СССР).

1957

Герои Малой Земли: [О подвигах героев, отстаивавших плацдарм Мысхако близ Новороссийска в 1943 г.]. Москва: Госполитиздат. 55 с.: ил. (Из истории Советской Родины).

Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва: Изд-во Акад. наук СССР. 259 с.: карт.

1958

Подвиг Одессы. Москва: Госполитиздат. 72 с.: ил. (Герои и подвиги).

Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века / Институт истории АН СССР. Москва: Издательство АН СССР. 396 с.: схем.

1959

Герои Малой земли. [О подвигах героев, отстаивавших плацдарм Мысхако близ Новороссийска в 1943 г.]. Москва: Госполитиздат. 55 с.: ил. (Из истории Советской Родины).

1960

Дореформенная Россия (1800–1861 гг.): Лекции из курса истории СССР, прочит. на ист. фак. МГУ. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 184 с.

Россия и Кавказ первой трети XIX в. [Москва]: Изд-во Акад. наук СССР. 398 с., 1 л. карт.

Подвиг Одессы. Москва: Госполитиздат. 79 с.: ил.

1961

История СССР со сведениями по новой и новейшей истории зарубежных стран: Элементарный курс: Учебное пособие для 7 класса: Вып. 5. Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. 64 с. На правах рукописи.

Россия в системе международных отношений 1815–1849 гг.: Глава для IV т. серии «История СССР с древнейших времен» / Ин-т истории АН СССР. Москва: [б. и.]. 69 с. На правах рукописи.

Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР. 398 с.

1962

Отечественная война 1812 года: (К 150-летию). Москва: Знание. 32 с.: ил.

История СССР: Учеб. пособие для 7 класса / Акад. пед. наук РСФСР. 2-е изд. Москва: Учпедгиз. 264 с. (В соавт. с М.В. Нечкиной).

1963

История СССР: Учеб. пособие для 7 класса / Акад. пед. наук. 3-е изд. Москва: Учпедгиз. 264 с.: ил. (В соавт. с М.В. Нечкиной.)

Подвиг Одессы. 3-е изд., переработ. и доп. Москва: Госполитиздат. 96 с.: ил. (Страницы истории Советской Родины).

1964

История СССР: Учеб. пособие для 7 класса / Акад. пед. наук. 4-е изд. Москва: Учпедгиз. 264 с.: ил., карт. (В соавт. с М.В. Нечкиной).

1965

История СССР: Учеб. пособие для 7 класса. 5-е изд. Москва: Просвещение. 264 с.: ил., карт. (В соавт. с М.В. Нечкиной.)

Россия и народы Северной Азии. Вклад русского народа в экономическое и культурное развитие Сибири. Москва: Мысль. 96 с.: ил.

Эхо революции 1905 года. Москва: Знание. 48 с. (Новое в жизни, науке, технике. История; № 4).

1966

Идейные связи и культурная жизнь народов дореформенной России / Институт истории АН СССР. Москва: Наука. 154 с.

1968

История СССР: Учеб. пособие для VIII класса / Ин-т истории АН СССР. Акад. пед. наук СССР. Москва: Просвещение. 216 с., 4 л. ил.: ил., карт. (В соавт. с М.В. Нечкиной и П.С. Лейбенгрубом).

1976

История СССР: Учеб. пособие для 8 кл. Москва: Просвещение. 223 с., 4 л. ил.: ил., карты (14 с.). (В соавт. с М.В. Нечкиной и П.С. Лейбенгрубом).

1982

История СССР: Проб. учеб. для 8 кл. сред. шк. Москва: Просвещение. 218, [6] с.: ил., 8 л. карт. (В соавт. с М.В. Нечкиной и П.С. Лейбенгрубом.)

АВТОРЕФЕРАТЫ

1954

Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в.: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ин-т истории Акад. наук СССР. Москва: [б. и.]. 23 с.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СБОРНИКИ:

1940

Одесский университет за 75 лет (1865–1940). Одесса (А.В. Фадеев – член коллектива авторов).

1956

История СССР: Учебное пособие для вузов / Под ред. Л.В. Черепнина и др. Москва. (А.В. Фадеевым написан ряд глав).

1961

Объединение Италии в оценке русских современников: К 100-летию объединения Италии: Сборник документов и материалов / [Введ. А.В. Фадеева, с. 526]. Москва: Соцэкгиз. 325 с.: ил. На обороте тит. л. сост.: Г.В. Бердников, М.Г. Вандалковская, В.И. Виноградов и др.

В СОСТАВЕ РЕДКОЛЛЕГИИ:

1935

Альманах писателей Абхазии. Книга первая / Отв. ред. А.В. Фадеев. Сухум. 183 с.

1937

Дюбуа де Монперэ, Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа / Отв. ред., автор предисловия и комментариев А.В. Фадеев. Сухуми: Абгиз. 180 с.

1938

Лазо О. Боевой путь Сергея Лазо / Ред. А.В. Фадеев. Москва. 56 с.: ил., 3 л. портр.

1954

Донские казаки в 1812 году: Сборник документов об участии донского казачества в Отеч. войне 1812 г. / Отв. ред. А.В. Фадеев; [Введ. проф. Л.Г. Бескровного]; Архивный отд. УМВД по Рост. обл. Рост. н/Д гос. ун-т им. В.М. Молотова. Ростов н/Д: Кн. изд-во. 358 с., 2 отд. л. карт.: карт.

1955

Дзидзария Г.А. Восстание 1866 года в Абхазии / Ред. А.В. Фадеев. Сухуми: Абгосиздат. 227 с.

1960

Очерки истории Абхазской АССР: Часть I / А.В. Фадеев – член ред. коллегии. Сухум: Абгосиздат. 314 с.

1961

Очерки истории балкарского народа: (С древнейших времен до 1917 г.) / Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБ АССР; Ред. коллегия: д-р ист. наук проф. А.В. Фадеев (глав. ред.) [и др.]. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во. 219 с.: ил., портр.

1964

В.П. Невская. Карачай в пореформенный период / Под ред. д-ра ист. наук А.В. Фадеева. Ставрополь. 224 с.

1967

История СССР с древнейших времен до наших дней: Серия 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: Том 4: Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. / Редколлегия тома: А.Ф. Фадеев и др. М.: Наука. 744 с.: ил.

1997

История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века: [Учеб. пособие для вузов] / Е.Л. Валева, Б.Й. Желицки, Н.Ю. Калашникова и др.; Под ред. А.В. Фадеева. Москва: ИПО «Профиздат»: Ин-т упр. и права. 348,[1] с.

СТАТЬИ:

1932

Дело чести // В газ.: Советский писатель Абхазии. 17 мая 1932 г., № 1. С. 2.

1933

Вчера и сегодня абхазской литературы // В газ.: Советский писатель Абхазии. 5 июня 1933 г., № 5. С. 1.

Как я делаю стихи // В газ.: Советский писатель Абхазии. 20 февраля 1933 г., № 2. С. 3. (Под псевдонимом В. Глonti).

Предисловие // В кн.: Бгажба Х.С. Критический обзор современной абхазской литературы. С добавлением некоторых критических примечаний. Сухум, 1933. С. 3–6. На абх. яз.

1934

Абхазский термин «раб собственность» // В журн.: Проблемы истории докапиталистических обществ: Ежемесячный журнал под общей ред. Н.Я. Марра. № 11–12. С. 110–112.

Абхазский термин атэы (раб собственность) // В кн.: Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Сухум, 1934. С. 61–66.

К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии // В кн.: Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Сухум, 1934. С. 67–75.

Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии // В кн.: Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. Сухум, 1934. С. 119–126.

Становление племен на Западном Кавказе // В кн.: Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Вып. I. Сухум, 1934. С. 168–176.

1935

«Генеральная репетиция» Октября // В газ.: Советский писатель Абхазии. 25 января 1935 г., № 2. С. 2.

«Кавказский пленник» в поэзии и жизни. (В порядке обсуждения) // В журн.: Альманах писателей Абхазии. Книга первая. Сухум, 1935. С. 180–182. (Под псевдонимом А. Тадуа.)

Крестьянская «реформа» в Абхазии // В журн.: Известия Академии наук СССР. Серия общественных наук. № 7. 1935. С. 627–644.

Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // В кн.: Исторический сборник АН СССР, № 4. Ленинград, 1935. С. 135–181.

1936

Старый Сухум: [прежде и теперь] // В газ.: Советская Абхазия. 1936, 30 сентября. № 226. С. 4. (Под псевдонимом А. Тадуа.)

На фронтах в Испании // В газ.: Советская Абхазия. 1936, октябрь, № 231, 246. С. 2. (Под псевдонимом А. Тадуа.)

1938

Пушкин на Кавказе // В журн.: Альманах писателей Абхазии. Книга 4. Сухуми, 1938. С. 185–196.

1939

Абхазия в первой четверти XIX века // В кн.: Труды исторического факультета Одесского Государственного Университета. История, том I. Одесса, 1939. С. 925.

Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 года // В кн.: Материалы по истории Абхазии: Сборник первый / Труды Абхазского Научно-Исследовательского Института Языка и Истории им. акад. Н.Я. Марра. Отдел истории и этнографии. Выпуск XV. Сухуми, 1939. С. 105–131.

1940

Одесский университет в 1900–1917 гг. // В кн.: Одесский университет за 75 лет (1865–1940): Сборник статей. Одесса: Одесский Государственный Университет, 1940. 198 с.

1943

Весна в Италии // В газ.: Курская правда, 30 апреля 1943.

Мираж в пустыне (Германский фашизм в Африке) // В газ.: Курская правда, 16 мая 1943.

1949

Кавказ в системе международных отношений начала XIX в. // В кн.: «Научная конференция, посвященная 80-летию Ростовского ун-та». Ростов н/Д, 1949.

1951

Декабристы в отдельном кавказском корпусе // В журн.: Вопросы истории. 1951, № 1. С. 100–107.

Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на северо-западном Кавказе в XIX столетии // В журн.: Вопросы истории, 1951, № 9. С. 76–96.

1952

Бухарестский мир 1812 г. и вопрос о кавказских границах // В журн.: Ученые записки Ростовского гос. ун-та, 1952, т. XXI. Серия История СССР, вып. 3.

Рец.: О. П. Маркова. Восстание в Кахетии // В журн.: Вопросы истории, 1952, № 6. С. 130–133.

1953

Кавказские войны // В кн.: Большая Советская энциклопедия (БСЭ)¹, изд. 2-е. Москва, 1953. Т. 19.

Крымская война 1853–1856 гг. // В кн.: БСЭ, изд. 2-е. Москва, 1953. Т. 23.

Рец.: Книга о военных взглядах декабристов // В журн.: Вопросы истории. 1953, № 9.

1955

О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX в. // В журн.: Вопросы истории. 1955, № 6.

О характере внешней политики царизма в XVIII в. // В журн.: Преподавание истории в школе. 1955, № 3.

Оборона Севастополя 1854–1855 гг. и русское общество // В кн.: Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1955, вып. 5.

Роль Московского университета в развитии русской культуры в 1895–1917 гг. // В кн.: История Московского университета. Москва, 1955. Т. 1.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // В кн.: БСЭ, изд. 2-е. Москва, 1955. Т. 37.

РСФСР. Исторический очерк // В кн.: БСЭ, изд. 2-е. Москва, 1955. Т. 37.

Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х гг. XIX в. // В кн.: Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 327–342.

1956

Из истории крестьянской колонизации Предкавказья в дореформенный период (1785–1861 гг.) // В кн.: Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1956, № 9.

¹ В БСЭ А.В. Фадеевым опубликовано около 40 статей. В списке указаны только наиболее крупные из них. – *Прим. ред. журн. «Вопросы истории».*

Развитие капитализма вширь в пореформенной России // В кн.: Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1956, № 10.

Рец. на кн.: «Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX – нач. XX вв.) // В журн.: Вопросы истории, 1956, № 3.

1957

Полезное исследование по истории русско-кабардинских отношений. (Рец. на кн. В.П. Крикунова. Совместная борьба русских и кабардинских крестьян против феодального гнета в 60-х гг. XIX в.) // В журн.: Ученые записки Кабардино-Балкарского науч.-иссл. ин-та. Т. XIII. Нальчик, 1957.

Антиколониальные движения народов Северного Кавказа в 2060-х гг. XIX в. // В журн.: Преподавание истории в школе. 1957.

СССР. Исторический очерк. Период капитализма // В кн.: БСЭ, изд. 2-е. Т. 50 (совместно с Е.Д. Черменским).

Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // В журн.: История СССР, 1957, № 1.

1958

Вопросы о социальном строе кавказских горцев XVIII–XIX вв. в новых работах советских историков // В журн.: Вопросы истории. 1958, № 5.

О некоторых чертах внешней политики России в период разложения крепостнической системы // В журн.: Вопросы истории, 1958, № 1.

1959

Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма вширь) // В журн.: История СССР, 1959, № 6.

Из истории русско-чеченских связей // В журн.: Вестник МГУ, 1959, № 1.

К вопросу об уровне экономического развития кавказских горцев к середине XIX в. // В кн.: Научные доклады и сообщения высшей школы. Исторические науки, 1959, № 1.

Литература народов России в XIX в. // В кн.: Всемирная история, т. VI. Москва, 1959.

Новый труд по истории Кабардино-Балкарии. Рец. на кн. Т.Х. Кумыкова «Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии» // В газ.: Кабардино-Балкарская правда, 21 октября 1959 г.

1960

Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни // В журн.: История СССР, 1960, № 5.

О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // В журн.: Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы, 1960, т. II, вып. 1.

Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // В журн.: Ученые записки Кабардино-Балкарского науч.-иссл. ин-та, серия историческая, 1960, т. XVII.

Проблемы внешней политики России в новом труде по истории дипломатии // В журн.: История СССР, 1960, № 5. (В соавт. с И.В. Бестужевым).

Рец.: «Крестьянское движение в России в 1890–1900», 1959, 748 с. // В журн.: История СССР, 1960, № 1.

Социально-экономическое развитие России после падения крепостного права // В кн.: Всемирная история, 1960. Т. VII. Гл. IX.

1961

О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период // В кн.: Вопросы истории сель-

ского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: Сб. к 75-летию акад. Н.М. Дружинина. Москва, 1961.

Об основных проблемах отечественной истории // В журн.: Вопросы истории, 1961, № 2 (в соавт. с М.П. Кимом).

Формирование земельного капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Москва, 1961.

1962

Вступительная статья к сб. док. и матер. «Объединение Италии в оценке русских современников. К 100-летию объединения Италии». Москва, 1962.

Выступление в прениях в кн. «Особенности аграрного строя России в период империализма». Москва, 1962.

Отечественная война 1812 г. и русское общество // В журн.: История СССР, 1962, № 6.

Семиклассникам об истории родной страны // В журн.: Преподавание истории в школе, 1962, № 5. (В соавт. с М.В. Нечкиной.)

Великий патриотический подвиг народа // В журн.: Политическое самообразование, 1962, № 8.

Рец.: «Внешняя политика России XIX и начала XX века», сб. док., т. II // В журн.: Вопросы истории, 1962, № 10.

Новые документы об Отечественной войне 1812 г. // В журн.: Международная жизнь, 1962, № 11.

Великий день Бородина // В газ.: Советская Россия, 7 сентября 1962 г.

1963

Закавказье и Северный Кавказ // В журн.: Экономическая история СССР. Москва, 1963.

О судьбе одной книги // В журн.: Вопросы истории, 1963, № 1.

Передовая русская интеллигенция и царский колониализм в до-

реформенный период // В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сборник статей: К 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. Москва: Изд-во вост. лит., 1963.

1964

Греческое национально-освободительное движение и русское общество первых десятилетий XIX века // В журн.: Новая и новейшая история, 1964, № 3.

Крупный труд советских историков (о подготовке «Истории СССР с древнейших времен до наших дней») // В журн.: Вестник АН СССР, 1964, № 11. (В соавт. с М.П. Кимом).

Размышления об изучении истории культуры // В журн.: Вопросы истории, 1964, № 1.

Особенности антиколониальных движений на Северном Кавказе в период империализма // В кн.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции: Вып. 1. Москва, 1964.

1965

На другое утро. (К 60-летию первой русской революции) // В газ.: Советская Россия, 22 января 1965.

2014

Предисловие // В кн.: Бгажба Х.С. Критический обзор современной абхазской литературы. С добавлением некоторых критических примечаний. 2-е изд. / Сост. В.Ш. Авидзба. Сухум, 2014. С. 30–34. На абх. яз.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

1932

Тревога [стихотворение] // В газ.: Советский писатель Абхазии. 23 июля 1932 г., № 4. С. 2. (Под псевдонимом В. Глonti).

1933

Дует бриз [рассказ] // В газ.: Советский писатель Абхазии. 4 марта 1933 г., № 3. С. 2–3. (Под псевдонимом А. Тадуа).

Дует бриз; Смерть Гыда; Первомайская ночь; Письмо (глава из повести «Мрамба») [рассказы] // В кн.: Дует бриз. Сухум, 1933. С. 344. (Под псевдонимом А. Тадуа).

Запев; Нуца; Стихи о табаке; Бакинский напев; Путь в Ткварчелы; Зеленый мыс; Песня прибой; Любимой; Весной; Прощание; Маро; У памятника Лермонтову; Пурга (отрывок из поэмы «Бегство») [стихотворения] // В кн.: Дует бриз. Сухум, 1933. С. 127–159. (Под псевдонимом В. Глonti).

Запев [стихотворение] // В газ.: Советский писатель Абхазии. 4 марта 1933 г., № 3. С. 1. (Под псевдонимом В. Глonti).

Стихи о табаке [стихотворение] // В газ.: Советский писатель Абхазии. 20 февраля 1933 г., № 5. С. 2. (Под псевдонимом В. Глonti).

Весной; Маро [стихотворения] // В газ.: Советский писатель Абхазии. 30 апреля 1933 г., № 2. С. 1. (Под псевдонимом В. Глonti).

Волк [отрывок из рассказа «Смерть Гыда»] // В газ.: Советский писатель Абхазии. 5 июня 1933 г., № 6. С. 1, 4. (Под псевдонимом А. Тадуа).

Слово о прениях [стихотворение] // В газ.: Советский писатель Абхазии. 4 ноября 1933 г., № 12. С. 2. (Под псевдонимом В. Глonti).

1936

Высадка в Гаграх; Надрез из колыбели: Отрывки из романа «Дал» // В газ.: Советская Абхазия, 1936, 30 марта; 1936, 12 июня (Под псевдонимом А. Тадуа; в соавт. с С. Чанба).

Дует бриз (рассказ) // В кн.: Акомчар: Литературно-художественный сборник. Сухум, 1936. С. 13–27. (Под псевдонимом А. Тадуа).

Слово о прениях (стихотворение) // В кн.: Акомчар: Литературно-художественный сборник. Сухум, 1936. С. 28–29. (Под псевдонимом В. Глonti).

1937

Песнь об Аиде Лафуенте; Осень [стихотворения] // В журн.: Альманах писателей Абхазии. Книга третья. Сухуми, 1937. С. 168–171. (Под псевдонимом В. Глonti).

1938

Песнь об Аиде Лафуенте [стихотворение] // В журн.: Альманах писателей Абхазии. Книга четвертая. Сухуми, 1938. С. 106–107. (Под псевдонимом А. Тадуа) .

1984

Высадка в Гаграх: Отрывок из неоконченного романа «Дал» // В журн.: «Ерцаху»: Литературный сборник. Сухуми: «Алашара», 1984. С. 196–205. (Под псевдонимом А. Тадуа; в соавт. с С. Чанба).

1987

Высадка в Гаграх; Надрез из колыбели: Отрывки из романа «Дал» // В кн.: Чанба С. Сочинения. Сухуми: «Алашара», 1987. С. 371–380. (Под псевдонимом А. Тадуа; в соавт. с С. Чанба).

ЛИТЕРАТУРА О А.В. ФАДЕЕВЕ

1933

В кн.: Бгажба Х.С. Критический обзор современной абхазской литературы. С добавлением некоторых критических примечаний. Сухум, 1933. С. 59. На абх. яз.

Микава Н. О лирике В. Глонти // В газ.: Советский писатель Абхазии. 30 апреля 1933 г., № 5. С. 2.

1965

Анатолий Всеволодович Фадеев (некролог и список научных трудов) // В журн.: История СССР. 1965. № 6. С. 229–232.

Анатолий Всеволодович Фадеев (некролог) // В журн.: Новая и новейшая история. 1965. № 6.

1966

Анатолий Всеволодович Фадеев (некролог) // В журн.: Преподавание истории в школе. 1966. № 1.

Анатолий Всеволодович Фадеев (некролог) // В журн.: Вопросы истории. 1966. № 4. С. 218.

1968

В кн.: Історія Одеського університету за 100 років. Київ, 1968. С. 336. На укр. яз.

1973

Исмаил-Заде Д. Фадеев А.В. // В кн.: Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. Москва: Советская энциклопедия, 1961–1976. Том 14. 1973. С. 946.

1986

В кн.: Шалашников М.С. Потомки Абрскила: Воспоминания. Изд. 2-е, доп. Сухуми: «Алашара», 1986. С. 90, 92–93.

1987

В кн.: Чанба С. Сочинения. Сухуми: «Алашара», 1987. С. 386.

2003

В кн.: Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва: ИКЦ «Академкнига», 2003. С. 291–293.

2004

Е.Н. Мухина. Фадеев Анатолий Всеволодович // В кн.: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. 1755–2005 / Под. общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. С.П. Карпова. Москва: Изд-во Моск. ун-та; РОССПЭН, 2004. С. 481.

2005

Петровський Е.П. Кадрова ситуація на історичному факультеті Одеського державного університету в 1930-х роках // В кн.: Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип. 13. Київ, 2005. С. 261, 264. На укр. яз.

2006

Фадеев Анатолий Всеволодович // В кн.: Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. проф. М.А. Кумахов. Москва: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 1067.

2009

В кн.: Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии XIX начала XX века в абхазской советской историографии. Сухум, 2009. С. 18–26.

2010

Фадеев Анатолий Всеволодович // В кн.: Куправа А.Э. Люди: время и жизнь. Сухум: АБИГИ, 2010. С. 301–304.

2014

Фадеев А.В. Предисловие // В кн.: Бгажба Х.С. Критический обзор современной абхазской литературы. С добавлением некоторых критических примечаний. 2-е изд. / Сост. В.Ш. Авидзба. Сухум, 2014. С. 30–34. На абх. яз.

2015

Фадеев Анатолий Всеволодович // В кн.: Абхазский биографический словарь. / Москва – Сухум, 2015. С. 672.

2016

Губжоков М.Н. Научное краеведение Адыгеи и Абхазии 1930-х гг.: человеческое измерение истории // В кн.: Абхазия в мировой истории и международных отношениях: Посвящается 70-летию В.Г. Ардзинба: Материалы Международной научной конференции. Сухум, 14–17 мая 2015 г. Сухум – Москва: АБИГИ; ИВ РАН, 2016. С. 512–514, 517, 518, 520.

СОДЕРЖАНИЕ

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБХАЗИИ.....	5
АБХАЗСКИЙ ТЕРМИН АТӘЫ (РАБ – СОБСТВЕННОСТЬ)	17
СТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕМЕН НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ	25
КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1866 ГОДА В АБХАЗИИ	39
УБЫХИ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ.....	49
КРЕСТЬЯНСКАЯ «РЕФОРМА» В АБХАЗИИ.....	99
«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК» В ПОЭЗИИ И ЖИЗНИ: (В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ).....	121
СТАРЫЙ СУХУМИ.....	125
ХОЗЯЙСТВО И ДВОР АБХАЗСКОГО ПОМЕЩИКА НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1870 ГОДА.....	129
АБХАЗИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА.....	159
СТЕНОГРАММА ЛЕКЦИЙ ПО ОБЗОРНОМУ КУРСУ ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА.....	185
БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ А.В. ФАДЕЕВА.....	297
ЛИТЕРАТУРА О А.В. ФАДЕЕВЕ.....	316

Научное издание
Фадеев Анатолий Всеволодович
Избранные труды

Атцаарадырратэ тыжкымта
Фадеев Анатоли Всеволод-ипа
Иалкаау аусумтакэа

Редактура: В.А. Чирикба, А.Я. Дбар

Верстка С.И. Садзба
Компьютерный набор Л.Р. Чамагуа

Формат 70x100 1/16. Тираж 500 экз.